

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

А.Ю. Охотников

**НЕМЦЫ СЕВЕРНОЙ КУЛУНДЫ:
СТРАТЕГИИ И РЕЗУЛЬТАТЫ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ
(1910–1960-е годы)**

Ответственный редактор
доктор исторических наук *И.В. Октябрьская*

Новосибирск
Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
2012

УДК 39
ББК Т52(251.3) + Т52(2=Нем)
О924

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии и этнографии СО РАН

Рецензенты

кандидат исторических наук *Г.В. Любимова*
кандидат исторических наук *А.А. Шадр*

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Германского исторического института в г. Москве

Охотников А.Ю.

О924

Немцы Северной Кулунды: стратегии и результаты социокультурной адаптации (1910–1960-е годы) / А.Ю. Охотников; отв. ред. И.В. Октябрьская. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2012. – 214 с.

ISBN 978-5-7803-0220-9

В монографии дана историко-этнографическая характеристика социокультурной адаптации немецкого населения северной части Кулундинской степи в 1910–1960-х гг. Рассмотрены производственные, жизнеобеспечивающие, соционормативные и гуманитарные практики сибирско-немецкого и поволжско-немецкого населения региона. Охарактеризованы реакции регионального этнического сообщества на основные исторические события – Первую мировую и гражданскую войны, социально-политические репрессии и аграрную модернизацию 1930-х гг., а также на экстремальные условия военной экономики 1940-х гг., депортацию и ссылку, последующую неполную реабилитацию, влияние иноэтничного окружения и урбанизированной советской культуры.

Книга адресована этнологам, историкам, экономистам, социологам, краеведам и всем, кто интересуется этносоциальными и этнокультурными процессами.

ISBN 978-5-7803-0220-9

ББК Т52(251.3) + Т52(2=Нем)

© А.Ю. Охотников, 2012
© ИАЭТ СО РАН, 2012

ВВЕДЕНИЕ

Образовательные, инвестиционные и гуманитарные программы, направленные на реализацию интересов российских немцев, составляют на сегодняшний день весомую часть российско-германских отношений. Приоритеты деятельности германских программ в 2000-х гг. устоялись в пользу оптимизации условий дальнейшего проживания российских немцев в России. С 2006 г. действует федеральная целевая программа «Содействие созданию социально-экономических и социально-культурных условий для сохранения и развития немецкого этноса в Российской Федерации». В то же время программы реабилитации российских немцев, осуществляемые последние 20 лет, имеют определенные персоналистские, историко-культурные и экономические «издержки». Выход из ситуации возможен в обретении конкретных адресатов российско-германских гуманитарных инициатив при условии должной экспертной поддержки и открытого обсуждения.

На протяжении 1990-х гг. российско-немецкая проблематика находилась в фокусе реализации отечественных и международных программ правовой и социокультурной реабилитации бывших спецпереселенцев. Однако практически вне внимания исследователей и публицистов остался позитивный опыт социокультурной адаптации немцев 1950–1960-х гг. Современный социальный заказ на гуманитарные исследования не исчерпывается интерпретацией массивов архивных документов и данных статистики по процедурам и результатам репрессий. Феномен российских немцев – результат не только масштабной репрессивной политики и недостаточных реабилитационных инициатив Советского государства, но и самостоятельных этногрупповых стратегий по возрождению и адаптации родной культуры в меняющихся политических и социокультурных реалиях. Понять логику существования одной из миноритарных групп России – актуальная задача отечественной этнологии. Для полноценной интеграции культур в единый социум

необходимо максимально полное включение исторического опыта отдельных этносов в национальный контекст.

Объектом нашего исследования являлись локальные группы немецкого населения Северной Кулунды (южные районы Новосибирской области) – сибирские и поволжские немцы, сформировавшиеся к середине XX в. *Предмет исследования* – трансформации традиционной культуры локальных групп немецкого населения Северной Кулунды в ходе социокультурной адаптации под воздействием государственной (аграрной и национальной) политики, норм традиционной культуры принимающего старожильского населения и стандартов современной урбанизированной культуры.

Хронологические рамки работы определяются временем оформления старосельческой группы немецкого населения (*Sibiriendeutschen*), включают депортацию поволжских немцев и их адаптацию – 1910–1960-е гг. В качестве финальной даты нами обозначен 1964 г. – время опубликования указа Президиума ВС СССР, снимающего с российских немцев обвинения в пособничестве фашистам. Тогда же в СССР завершился период масштабных аграрных экспериментов, в ходе которых начался процесс размывания сельских немецких общин и их переход к нормам современной стандартизированной культуры.

Территориальные рамки исследования охватывают географически относящиеся к северной части Кулундинской степи южные районы современной Новосибирской области (далее НСО) – Чистоозёрный, Купинский, Баганский, Карасукский, Краснозёрский и Кочковский. Площадь Новосибирской Кулунды составляет около 27 тыс. км² (см. рис. 1). По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в Баганском районе НСО насчитывалось 1 928 немцев (9,57 % всего населения), в Карасукском – 3 121 (6,4 %), в Кочковском – 666 (4 %), в Краснозёрском – 1 672 (4,3 %), в Купинском – 1 120 (3 %), в Чистоозёрном – 1 060 (4,7 %) [Население..., 2005, с. 344, 351, 355, 356, 358, 372].

В начале XX в. на указанной территории размещались Купинская и Андреевская волости Каинского уезда Томской губернии. В 1914 г. из состава Купинской была выделена Романовская волость. В 1920 г., в связи с образованием Омской губернии, территория севера Кулунды вошла в состав Цветнопольской, Купинской, Андреевской и Баганской волостей Татарского уезда. В 1925 г. на севере Кулунды существовали Купинский район Барабинского округа и Андреевский район Славгородского округа Сибкрая.

Верхняя (северо-западная) зона Кулундинской степи (Чистоозёрный и Купинский районы) находилась в пределах НСО с момента ее основания в 1937 г. Часть центральной зоны Кулундинской степи вошла в состав НСО в ходе изменений административных границ Алтайского края. По Указу Президиума ВС РСФСР от 8 апреля 1939 г. в числе районов Ордынского Приобья был передан в состав НСО Кочковский район. Указом Президиума ВС РСФСР от 13 августа 1944 г. Андреевский, Карасукский и Красноозёрский районы Алтайского края отнесены к НСО.

В 1941 г. из состава Купинского района НСО выделили Чистоозёрный район. В 1946 г. центр Андреевского района перенесли на станцию Баган. В 1951 г. из Красноозёрского района выделен Веселовский район. В 1963 г. в ходе кампании по укрупнению сельских районов упразднили Веселовский (не восстановлен, вошел в состав Красноозёрского и Карасукского районов), Чистоозёрный, Кочковский (восстановлены в 1965 г.) и Андреевский (восстановлен как Баганский, но с уменьшением территории) районы.

Специфика советской административно-хозяйственной деятельности (в т.ч. единая земледельческо-животноводческая специализация) и значительная удаленность от областного центра способствовали превращению Северной Кулунды в административно-географический изолят, где долгое время сохранялись устойчивые крестьянские традиции. История немецких крестьян, освоивших Кулундинскую степь, определила информационное и сюжетное пространство данной монографии.

Историко-этнографическая характеристика социокультурной адаптации немецкого населения Северной (Новосибирской) Кулунды 1910–1960-х гг. помогла реализовать следующие задачи:

– дать историю формирования сообщества сибирских немцев Северной Кулунды, выделив процессы и основные результаты становления и модернизации традиционной культуры в 1910–1930-х гг.;

– выявить основные особенности исходного историко-культурного и традиционного этноконтактного опыта поволжских немцев – принудительных мигрантов на территорию Северной Кулунды, оценить степень влияния инициатив государственной аграрной модернизации и секуляризации 1930-х гг. на это сообщество;

– охарактеризовать особенности реализации немцами Северной Кулунды самостоятельных этногрупповых стратегий по воз-

рождению и адаптации родной культуры после упадка 1940-х гг. в условиях аграрной модернизации и неполной реабилитации второй половины 1950–1960-х гг.

Существующие исследования по российско-немецкой проблематике в предметно-методологическом отношении подразделяются на этнолингвистические, аграрно-исторические, этнополитические, этнографические, этнодемографические, этносоциологические и историко-культурные.

Масштабные полевые исследования в среде российских немцев-колонистов впервые были проведены в 1920-е гг. диалектологами. Работы В.М. Жирмунского [1927, 1933] являются практически единственными научными описаниями исчезнувшего мира немецких поселений Украины и Европейской части России. В 1940–1950-е гг. исследования истории и культуры репрессированного немецкого населения СССР не проводились. Отсутствие либо недостаточность профессионально зафиксированных материалов того времени сегодня невозможно до конца преодолеть даже форсированной проработкой фрагментарных источников. Отчасти компенсировать лакуны исторического знания пытались омские диалектологи, возобновившие этноязыковые исследования в немецких деревнях в 1960-е гг. В частности, Г.Г. Едиг фиксировал биографические рассказы респондентов – сибирских немцев [1971]. В начале 1970-х гг. омские диалектологи располагали не только сведениями о локализации немецких говоров в районах исторической немецкой колонизации Сибири, но и отслеживали процессы эволюции языка, прежде всего в связи с ассимиляцией групп сибирско-немецкого населения и модернизацией советской деревни 1960–1970-х гг.

Одна из первых работ по российско-немецкой проблематике выполнена на стыке лингвистики и социологии. Статья С.В. Соколовского о меннонитах Алтая примечательна использованием личных имен в качестве этноспецифического маркера и применением математических методов при обработке полевых материалов [1986].

Со второй половины 1960-х гг. сибирско-немецкая деревня становится предметом изучения аграрных историков. Именно к истории крестьянства можно отнести основные, актуальные и сегодня исследования Л.В. Малиновского, проводившиеся в 1960-е гг. в немецких анклавах НСО и Омской области, а также Алтайского края. Его работы, построенные в основном на материале Новоси-

бирской Кулунды, считаются первыми научными публикациями по российско-немецкой проблематике [Малиновский, 1967, 1969]. Л.В. Малиновский выполнил районирование групп сибирских немцев Новосибирской Кулунды по регионам выхода, зафиксировал основные типы традиционного жилища и строительные новации, обусловленные изменениями аграрной политики Советского государства. Историко-этнографические исследования сочетались с социологическими практиками: в 1962 г. им проведен опрос населения кулундинских районов НСО по заданию Института экономики СО АН. Впоследствии Л.В. Малиновский обращался к неопубликованным материалам этих исследований [1995]. Частью наследия этого ученого является фонд ГАНО (Ф. Р-537), содержащий интервью с сибирскими немцами-старожилами.

Социально-экономические аспекты истории немецких колоний Сибири с момента основания и до коллективизации представлены в обобщающей монографии П.П. Вибе [2007], являющейся итогом многолетней работы. В ней определены основные районы расселения колонистов, проанализированы варианты их хозяйственной деятельности, дана сравнительная характеристика результатов хозяйствования колонистов и крестьян-переселенцев. Однако за пределами интересов автора остался Купинский район Барабинского округа Сибкрая, который, впрочем, впервые картографирован в монографии как часть колонистских территорий. П.П. Вибе обоснованно ставит под сомнение классический тезис о малоземелье колонистов в местах выхода, но не дает интерпретации «выталкивающих» факторов миграции немцев из материнских колоний. Большое внимание исследователь уделит конфессиональному фактору. Несмотря на большую точность и полноту количественных данных, П.П. Вибе ограничил круг конфессий, представленных в сибирских колониях, католиками, лютеранами и меннонитами, хотя среди «стольпинских» немецких переселенцев в колониях северной части Кулунды были и баптисты.

Весьма важным представляется внимание П.П. Вибе к особенностям протестантской трудовой этики, определяющей целеполагание деятельности колонистов. Однако исследователь ограничился лишь констатацией влияния конфессионального фактора на успех колонизации. Полагаем, что вне погружения в сюжеты повседневности сибирско-немецкой колонистской общины, на основе лишь статистических и документальных источников, раскрыть эту тему невозможно.

К сожалению, не нашли полного раскрытия в указанной работе и обстоятельства развития экономики сибирских колоний во время Первой мировой войны. Исследование П.П. Вибе продолжает традиции советского сибирского крестьяноведения, что влечет за собой не только достоинства (в т.ч. масштабность изложения), но и недостатки, в частности, невозможность перехода от исследования хозяйственной жизни колонистов «единоличников» к изучению экономики немецких колхозов Сибири в рамках одной монографии.

Публикации А.Р. Бетхера [2002, 2003, 2004] основаны на данных статистики и наблюдениях современников, содержат обширные сведения о становлении производственной культуры сибирских немцев. Безусловно, наследие томской губернской статистики, прежде всего В.Я. Нагнибеды, заслуживает самого пристального исследовательского внимания. Однако в работах А.Р. Бетхера отсутствуют как параллели с современной хозяйственной культурой сибирских немцев, так и критика источника.

Большой массив информации относительно первичного хозяйственного устройства колонистов дают работы В.Н. Шайдурова 2000-х гг. Публикации этого автора, основанные на архивных документах и данных статистики, посвящены правовым, экономическим и демографическим аспектам существования колонистов. Наибольший интерес для нас представляет обобщение результатов переписи 1917 г. в отношении немецкого населения Сибири, достаточно полно характеризующее «этнический» сегмент столыпинской аграрной миграции, в т.ч. специфическую конфессиональную мотивацию переселенцев-немцев [Шайдуров, 2003а, б].

До недавнего времени детальному изучению повседневности поволжских немцев – жителей кулундинского переселенческого села препятствовало отсутствие работ, содержащих общую характеристику советских аграрных инициатив 1950–1960-х гг. на юге Западной Сибири и в Северном Казахстане. Исследования коллектива авторов под руководством В.И. Ильиных [Очерки..., 2001] сделали возможным историческое сопровождение сюжетов повседневности сибирских крестьян – немцев Кулунды периода освоения целинных и залежных земель.

Поскольку в ходе реализации задач данного исследования целесообразно выявление специфики социокультурной адаптации немцев, дисперсно расселившихся среди старожильческого населения, то весьма важным представляется обращение к опыту сибирских историков крестьянства. В работе В.А. Зверева [1993],

ставшей уже классической, наиболее ясно изложены социокультурные характеристики русского сельского населения Сибири, охарактеризовано отношение сибирских поселенцев к трансляции опыта. Большое значение для данного исследования имеет работа Т.К. Щегловой, демонстрирующая мир алтайского переселенческого села как сложный конгломерат специфично оцениваемых и переживаемых родственных, соседских и межпоселенческих связей [2008].

Важной частью российско-немецкой проблематики является история депортаций. Немецкое население СССР с конца 1980-х гг. изучается в основном в контексте репрессивной национальной и аграрной политики тоталитарного государства. Благодаря работам Н.Ф. Бугая, В.Н. Земскова, А.Н. Курочкина и П.Н. Поляна стала возможной периодизация этнических депортаций, известны статистические характеристики выселяемых групп немцев, география спецпоселения. В них даны оценки практикам мобилизации советских немцев [Бугай, 1995; Земсков, 1991; Курочкин, 1997; Полян, 2001].

Необходимо отметить также присутствие этнополитической и аграрно-исторической составляющих в российско-немецкой регионалистике. Без обращения к архивным материалам невозможно рассмотрение проблем сельских этноизолированных коллективов, находившихся на всем протяжении истории в орбите государственной политики. Масштабностью отличаются этнополитические исследования немцев Сибири Л.П. Белковец [1995], где на обширном конкретно-историческом материале, характеризующем сельскую повседневность, рассмотрены политика и практика Советского государства по отношению к немецкому крестьянству в 1920–1930-е гг.

В исследовании Д. Брандеса и А.И. Савина рассматривается экономическая политика Советского государства в отношении сибирских колоний, детально изучена работа немецкой школы, представлена религиозная жизнь колонистов, деятельность партийных и советских структур в Немецком национальном районе на Алтае, уделено внимание эмиграционному движению немцев и созданию немецких колхозов [Brandes, Savin, 2001]. Публикации А.И. Савина отличает информационная насыщенность, активное использование архивных данных и материалов сибирской (в т. ч. немецкоязычной) прессы 1920–1930-х гг. [2004а, б].

Если исследования старожильческой части немецкого населения Сибири – собственно сибирских немцев – тяготеют к аграрно-историческому рассмотрению, то история депортированных

поволжских немцев – в большей степени область этнополитики. Основная масса информации о социокультурном облике поволжских колоний в межвоенный период содержится в работе А.А. Германа [2007]. Эта монография регулярно переиздается, дополняется новыми фактами существования АССР НП. Весьма значимой для данного исследования является работа В.Г. Чеботаревой, где анализируется советская национальная политика в немецком Поволжье [1999].

Максимально подробно пребывание немецкого «спецконтингента» в Западной Сибири освещено в публикациях Л.П. Белковец и А.А. Шадта. В них анализируются действия репрессивных и хозяйственных органов регионов Западной Сибири (прежде всего НСО) по приему, размещению и трудоустройству депортированных немцев, дается характеристика деятельности местных управлений НКВД (МВД, МГБ) по созданию и обеспечению режима спецпоселения в отношении немцев. Большое количество используемых архивных материалов, их высококвалифицированный анализ и системный подход сделали исследования указанных авторов наиболее информативными для воссоздания картины пребывания советских немцев – спецпереселенцев и трудармейцев – в регионе [Белковец, 2003; Шадт, 2000].

В этнополитических исследованиях советского периода существует серьезный риск подмены проблематики, ухода от изучения этноса к рассмотрению деятельности репрессивных государственных институций. Подобный «дрейф» вполне закономерен в случае поволжских немцев, коль скоро группа изучается по документообороту репрессивных и фискальных инстанций Советского государства. Кроме того, информационная насыщенность этих источников неравномерна: если в 1940 – первой половине 1950-х гг. советские немцы находились под тотальным контролем государства, то в дальнейшем эта опека ослабела. Поэтому попытки этнополитического рассмотрения истории советских немцев «последепортационного периода» приводят к созданию текста с обилием лакун, заполняемых проективным материалом. Преодоление данного порока возможно за счет привлечения недокументальных источников – материалов прессы и меморатов, более тщательной работы со статистикой, использования этнографических и этносоциологических данных.

Исследования социокультурного достояния немцев Сибири в послевоенный период представлены небольшим количеством ра-

бот, по преимуществу освещающих частные сюжеты функционирования этнического самосознания. К ним относятся публикации Н.В. Прокопьевой по проблемам функционирования немецкой прессы на Алтае в 1950–1970-х гг. [2003], статьи А.В. Горбатова [2003], И.В. Нам [2003], Е.В. Конева [2003] о конфессиональной жизни городских немцев Западной Сибири в 1950–1980-е гг.

Первое полное историческое описание немцев Западной Сибири (охватившее и поволжских немцев), осуществленное В.И. Брулем [1995], отличается замещением документального источника материалами автора и вольной трактовкой на основе комплиментарного отношения к российским немцам. Однако несомненным достоинством данной монографии является опыт привлечения нарратива и обобщенный взгляд на историю своего народа.

Начало 2000-х гг. отмечено появлением ряда демографических работ, ориентированных на изучение национальной политики тоталитарного государства. Для данного исследования актуальны выводы В. Кригера (оценка потерь немецкого населения СССР в 1930–1950-е гг.) [2002a] и Л.И. Обердерфер (оценка потерь поволжско-немецкого населения НСО) [2001]. Работы Л.А. Бургардт [1998] и Л.Н. Славиной [2001] содержат обоснованные выводы относительно социокультурных последствий деформации половозрастной структуры советских немцев в условиях депортации 1940–1950-х гг. Движение населения немецкой автономии в 1920–1930-х гг. наиболее полно исследовано в публикациях Н.А. Маловой [1999, 2002]. Тексты демографов выгодно отличаются сопоставлением статистических данных по группам населения СССР, что способствует преодолению «изолированного» рассмотрения политической истории российских немцев.

Полномасштабные исследования культуры немцев Сибири в настоящее время ведутся Омским филиалом ИАЭТ СО РАН. В исследованиях Т.Б. Смирновой акцент сделан на актуальных этноязыковых и этнокультурных процессах у немцев Сибири [2002, 2003a]. Наряду с этносоциологическими исследованиями, работы автора раскрывают культурно-антропологические и этнометодологические сюжеты, важные для понимания эволюции сибирско-немецкой обрядности и характера межгрупповых контактов российских немцев [Смирнова, 2006]. Стоит отметить, что исчерпывающий, соответствующий актуальным общественным запросам комментарий относительно общих закономерностей адаптации российских немцев невозможен без исследований, основан-

ных на широком массиве сведений, включающих и «голоса» тех, кто реализовал миграционные стратегии. Новейшие исследования Т.Б. Смирновой [2008а, б] способствуют не только преодолению лакун гуманитарного знания, но и являются частью процесса консолидации российских немцев как транзитивного сообщества, вносят существенный вклад в развитие отечественной этнометодологии, делают возможными диаспоральные исследования по российско-немецкой проблематике.

Этнический и конфессиональный состав немецкого населения на территории Западно-Сибирской равнины изучала Т.В. Савранина [1996, 2001]. В монографии С.А. Рублевской [2000] вопросы хозяйственных занятий у немецкого населения Западной Сибири затрагиваются в контексте взаимосвязи с календарными обрядами, влиянием хозяйственного комплекса на годовой цикл праздников. В исследованиях А.Н. Блиновой рассмотрена сибирско-немецкая обрядность в контексте жизненного цикла колонистов [2004].

На сегодняшний день коллективом Омского филиала ИАЭТ СО РАН максимально реализованы тематические предпочтения и методологические ресурсы, традиционные для отечественной этнографии, собран колоссальный объем материала.

При широте проблематики и фундированности исследований немцев Сибири, они, тем не менее, носят экстренный характер. В полном объеме их организовали в момент, когда существование немцев Сибири было поставлено под вопрос катастрофическими темпами эмиграции. Вынужденные высокие темпы сбора и обработки информации обусловили неточности в публикациях по немецким сообществам Западной Сибири. Была допущена унификация в описании суммы локальных культур сибирских немцев и недооценка особенностей происхождения и адаптации отдельных групп мигрантов в колониях-анклавах, а также вариативный опыт контактов с местным старожильческим населением.

Весьма перспективными в деле изучения истории и культуры российских немцев на сегодняшний день представляются исследования мезоуровня (поселение – административный район – культурно-хозяйственная зона). В частности, в работе Д.И. Ваймана и А.В. Черных [2008] представлено детальное рассмотрение истории формирования старожильческого немецкого населения Прикамья с учетом особенностей межэтнического взаимодействия и воздействия государственных инициатив. К мезоуровневым исследованиям относятся и работы Е.В. Лебедевой по

немецким колониям Северо-Запада, весьма убедительно демонстрирующие участие имперского государства в формировании одной из групп немцев-колонистов [2007].

Помимо региональных исследований российско-немецкой культуры для нашего исследования актуальны и публикации, посвященные духовному и материальному наследию российских немцев в целом. Обобщенные данные о конфессиональной жизни поволжских немецких колоний на протяжении всей их истории содержатся в работах О.А. Лиценбергер [2002] и О.А. Курило [2002]. С.В. Оболенская наиболее полно реконструировала образ немца в русской традиционной культуре [2000]. Описания и классификация немецкого колонистского дома даны в монографии С.О. Терехина – единственного на сегодняшний день труда по российско-немецкой архитектуре [1999]. Сведения об эволюции этномузыкальной культуры российских немцев содержатся в работах Е.М. Шишкиной [2005].

Германская историография представлена в основном авторами, ранее работавшими в российских и центральноазиатских центрах немецких исследований. В их работах использованы источники и инструментарий, знакомые и российским исследователям. Собственная исследовательская традиция в ФРГ оказалась поглощена публицистикой: тема «изгнанных немцев» слишком долго оставалась «горячей», более востребованной популярными альманахами землячеств беженцев и депортированных, нежели серьезными академическими изданиями. Единственное самостоятельное исследование, знакомое отечественным ученым, – монография М. Клаубе, посвященная сибирским немцам Алтая и носящая обзорный, ознакомительный характер [Klaube, 1991].

Подводя итог историографического обзора, можно сделать вывод о предпочтениях в сибирско-немецких исследованиях: хорошо изучен период 1890–1930 гг. Наиболее полно в регионалистике на сегодняшний момент представлены немцы Прииртышья. Несколько меньше внимания уделено немцам юга Кулундинской степи. В конфессиональном отношении наиболее полно охарактеризованы меннониты и лютеране. В исследованиях, посвященных поволжским немцам, преобладают работы, характеризующие преимущественно вопросы национальной политики и не рассматривающие ответные реакции этнических сообществ. При наличии давно назревшей исследовательской ситуации русско-немецкие контакты в условиях сельской повседневности практически не

рассматривались ни в отечественной, ни в германской науке. Эти аспекты впервые детально изучены в рамках нашей работы.

Обычный способ создания «общей картины» по отношению к немецко-сибирскому сообществу вызывает все больше критики в силу неполноты и односторонности информационного обеспечения. Комплекс традиционной культуры поволжских немцев Сибири более подходит для изучения на уровне «массива» в силу высокой степени однородности исходных социокультурных параметров мигрантов и начальных этапов адаптации. Однако существенным препятствием для исследователей является деструкция комплекса материальной культуры в процессе депортации и спецпоселения, значительный уровень маргинализации и ассимиляции поволжских немцев в условиях полиэтничного переселенческого села. Это определяет фрагментарность изученности социокультурных практик большей части немецкого населения Западной Сибири и формирует исследовательское пространство монографии. Акцент на этнокультурной специфике групп мигрантов немецкого происхождения в Западной Сибири определяет новизну нашего исследования.

Актуальной проблемой современных российско-немецких исследований является их относительная *методологическая и предметная изолированность*. Выход на общекультурный контекст и продуктивный обмен информацией с исследователями иных гуманитарных специальностей и предметно-тематических предпочтений – пожалуй, оптимальный вариант дальнейшего развития этого направления.

В целях создания полного и достоверного описания процесса и основных результатов социокультурной адаптации сельского немецкого населения на данном этапе изученности темы уместно обращение к культурно-историческому опыту полиэтничного северокулундинского села в устно-историческом, статистическом, хроникальном и этнографическом отражениях, с привлечением современных методов и методологии наук гуманитарного цикла.

Данное исследование сочетает императив, сформированный советской и российской наукой теории этноса в качестве гипотезы (человек, рожденный в Заволжье и высланный в 1941 г. в Кулунду, должен быть поволжским немцем), и вариативность конструктивизма как объяснительной модели процесса социокультурной адаптации немцев Новосибирской Кулунды. Почему и в чем бывший спецпереселенец остался или перестал быть немцем, за счет каких ресурсов это произошло?

Для понимания процессов, происходящих в этнических культурах модернизирующегося общества, чрезвычайно продуктивной остается *концепция ротационного механизма изменчивости культур* С.А. Арутюнова [1989]. В русле положений этой теории возможно рассмотрение социальной адаптации миноритарной группы как социокультурной, если этот процесс определяет масштабное воздействие норм доминирующей группы. Наиболее ценно для нас понятие этнической культуры современности, позволяющее фиксировать условия перехода носителей традиционной культуры к модернизированным, «городским» нормам существования. В целях систематизации изложения в основу структуры нашей монографии положена четырехчастная модель культуры С.А. Арутюнова и Ю.И. Мкртумяна [1981], активно применяемая в наиболее продуктивных исследованиях современной этнологии [Головнев, 1995].

Ключевой для данного исследования является *теория адаптации*. В современной науке социокультурная адаптация рассматривается как приспособление различных групп (в т. ч. этнических сообществ) к меняющимся природно-географическим и историческим условиям жизни посредством изменения элементов.

Среди региональных исследований, разрабатывающих проблемы адаптации, следует назвать монографии, в которых рассматриваются практики адаптации русских старожилов [Шелегина, 2001] и столыпинских переселенцев [Чуркин, 2006]. Однако при значительных обобщениях конкретного материала по адаптации в трудах исследователей-сибиреведов основной акцент сделан на практики природопользования.

В нашей книге очень мало приходится говорить о природно-географических детерминантах адаптации. Наиболее мощным фактором адаптации по отношению к старожилам – сибирским немцам и новоселам – поволжским немцам было государственное воздействие, вторым по значимости, но достаточно интенсивным (в особенности, для поволжско-немецкого населения), – воздействие иноэтничной культурной среды.

Возрастающая эффективность практик природопользования во время кампании по освоению целинных и залежных земель основывалась на масштабном применении новейших машин и агротехники, по сути, будучи еще одним фактором влияния со стороны государства. Термин «социокультурная адаптация» в данном случае предусматривает и преимущественное реагирование на стимулы социокультурной среды, а не природно-географической, как это

было характерно для групп старожильского населения Сибири в XVII–XIX вв.

Сложность исследования адаптации российских немцев, необходимость фиксации ее конкретных результатов делает неизбежным обращение к *операциональной методологии*, принципы которой (не противоречащие концепции ротационного механизма изменчивости культур) изложены в работах представителей отечественной школы этнопсихологии – Н.М. Лебедевой [1993], Г.У. Солдатовой [1998]. Отечественные этнопсихологи опираются на теорию Бокнера-Берри (созданную в 1970-е гг.), которая содержит четыре модели адаптации: маргинализацию, ассимиляцию, интеграцию и изоляцию. Использование социально-психологического подхода к оценке адаптации расширяет возможности авторского исследования, которое является историко-этнографическим по своим задачам и методам.

Сбор материалов по теме монографии осуществлялась на протяжении 1990–2000-х гг. в ходе полевых исследований ТГУ (г. Томск) и ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск). Основными методами полевых исследований стали включенное наблюдение и интервьюирование с одновременной аудио- и фотофиксацией.

При обработке полевого материала использованы методы систематизации и количественного анализа, а также статистические методы обработки демографических показателей. Благодаря использованию кросс-культурного подхода и метода аналогии стало возможным сопоставление практик социокультурной адаптации старожильского населения и новоселов – сибирских и поволжских немцев Новосибирской Кулунды.

В эпистемологическом отношении данное исследование относится к *интерпретативной антропологии*. Это течение этнологической мысли возникло в 1970-х гг. в США и было связано с именем К. Гирца. Выработанный им принцип – идти от факта к системе значений – был чрезвычайно актуален в начале авторского исследования. «Главная цель теоретических построений в нашей области, – писал К. Гирц, – не создать свод абстрактных правил, а сделать возможным “насыщенное” описание» [2004, с. 31]. Методы интерпретативно-антропологических исследований вызывают интерес литературоведов, социологов, историков и этнологов. «Изобретенная» К. Гирцем субдисциплина предоставляет удобный язык междисциплинарного общения. Системный многофакторный анализ историко-культурного опыта адаптации немцев к социально-экономической и

этнокультурной специфике принимающих сельских сибирских обществ делает возможным «насыщенное описание» этнокультурной специфики немецких сообществ Северной Кулунды.

Специфика информационной базы монографии, в которой преобладают нарративные источники, определяет необходимость использования семиотического подхода к интерпретации материалов интервью и районной периодики. Для отслеживания специфики адаптации мигрантов-немцев к изменениям государственной политики, иноэтничному окружению, внутригрупповым и надгрупповым процессам используется прагматический дискурс-анализ высказываний респондентов на страницах прессы и в рамках интервью. Этот исследовательско-аналитический метод используется с середины 1970-х гг. для изучения социальной обусловленности речевого поведения, в т.ч. в целях выявления убеждений, ценностей, установок коммуникантов, а также социокультурного контекста общения [Кожемякин, 2008, с. 105].

Весьма важным для реализации задач нашей работы является использование методов исследований коллективной памяти. Уместность антропологического комментария меморатов поволжских немцев демонстрируют работы М. Поль, основанные на материале устной истории бывших «этнических» ссыльных Казахстана [2002]. Фрагменты меморатов – свидетельства очевидцев – используются в своих исследованиях, посвященных драматичным сюжетам истории поволжских немцев, Н.А. Малова [2001] и Н.Э. Вашкау [2002]. Изучение коллективной памяти немецкого старожильческого населения Прибайкалья осуществлялось Н.Г. Галеткиной [1998, 2002, 2006]. Устные исторические версии проживания спецпереселенцев (в т.ч. немцев) в степном Алтае в качестве исследовательского сюжета представлены в монографии Т.К. Щегловой [2008, с. 345–372].

Чрезвычайно значимая работа Т.К. Щегловой является также демонстрацией возможностей устно-исторического метода для историко-этнографических исследований. Однако высокое качество и обилие меморатов не компенсируют отсутствия данных административной истории, статистики и экспертных комментариев. В столь сложной теме, как последствия принудительных миграций, ощутимы не только преимущества, но и недостатки устной истории.

В целом наша монография представляет собой опыт соединения этнологических методик и методов с методами устной истории, социологии и психологии.

Источниковая база исследования представлена:

– материалами периодики, архивными и полевыми данными – по месту нахождения информации;

– нарративными, статистическими, нормативными и этнографическими источниками – по информационным свойствам.

Нарративные источники включают: 1) личные воспоминания информантов (полевые материалы автора – ПМА 2001–2004 гг.); 2) публикации в районных периодических изданиях («На колхозной стройке» за 1944–1958 гг., «Кулундинская правда» за 1958–1965 гг., Краснозёрский р-н; «Трудовая жизнь» за 1952–1965 гг., Кочковский р-н; «Ударник» за 1938–1958 гг., «Строитель коммунизма» за 1958–1965 гг., Чистоозёрный р-н; «Коммунист» за 1938–1962 гг., «Маяк Кулунды» за 1963–1965 гг., Купинский р-н; «Сталинский путь» за 1935, Андреевский р-н); 3) воспоминания немцев-старожилов, которые записал Л.В. Малиновский в начале 1960-х гг. (ГАНУ. Ф. Р-537); 4) автобиографии немецких крестьян, «лишенных избирательных прав» в ходе коллективизации (ГАНУ. Ф. Р-393).

Использование мемуаров в данном исследовании подчинено цели создания насыщенного текстового массива культуры: они интерпретируются наряду с иными материалами, отображающими повседневность. Значительный хронологический и социокультурный разрыв между временем рассказа и самим событием, присущий мемуару, отчасти компенсируется привлечением хроникатов – высказываний кулундинских немцев, синхронных событию, со страниц районной периодики. Жизнь села в районной газете освещается клишированно, но публицистические штампы функционируют в поле консенсуса между пропагандистскими интересами власти, творческими способностями селькоров и реципиентными возможностями аудитории. Поэтому реальный мир кулундинского полиэтничного сообщества вполне узнаваем.

Из материалов ГАНУ самыми востребованными в данной работе оказались воспоминания председателей немецких национальных колхозов в 1930-е гг. – И.Г. Эделя (с. Орловка Купинского р-на НСО) (ГАНУ. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 1. Л. 13–16) и П.Я. Боннета (с. Цветное Поле Чистоозёрного р-на НСО) (ГАНУ. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 2. Л. 6–10), а также материалы, содержащие описания хозяйств села Цветное Поле конца 1920-х гг. (ГАНУ. Ф. Р-393).

Наряду с воспоминаниями, зафиксированными в среде поволжских и сибирских немцев, в данном исследовании пред-

ставлены нарративы кулундинцев-«соседей» 1920–1950-х гг. рождения – украинцев и русских.

Статистические источники включают: 1) сведения о населенных пунктах Томской губернии (1910 г.); 2) результаты обследования переселенческих хозяйств Алтайско-Томского степного района (1911 г.); 3) сведения о немецких колониях Каинского уезда (ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4045, 4204); 4) материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1916–1917 гг. (ГАТО. Ф. 3. Оп. 16; ЦХАФАК. Ф. 233. Оп. 5); 5) итоги демографической и сельскохозяйственной переписи 1920 г.; 6) сведения о населенных пунктах Сибирского края на 1926 г.; 7) похозяйственные выписки дел «лишенцев» (ГАНО. Ф. Р-393); 8) сведения о немецких населенных пунктах по Барабинскому округу Сибкрая 1920–1926 гг. (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1643); 9) данные о немецких населенных пунктах СССР до 1941 г.; 10) сведения о немецких селах и анклавах Сибирского края на 1929–1930 гг. (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 406); 11) данные о национальном составе сельского актива, движении населения, хозяйственной динамике по Андреевскому району Славгородского округа Сибкрая (в дальнейшем – Алтайского края, НСО) 1930–1966 гг. (ГАНО. Ф. П-28); 12) сводки показателей хозяйств района, опубликованные в местной периодике (1935–1965 гг.); 13) материалы текущего учета населения, сведения о хозяйственном развитии кулундинских районов НСО в 1940–1961 гг.; 14) данные о депортированных поволжских немцах в Кулундинских р-нах НСО 1941–1947 гг. (ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 352; Оп. 34. Д. 183, 233; Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 171, 181) (материалы любезно предоставлены профессором Л.П. Белковец); 15) сведения о профессиональной активности в Кулундинских районах НСО (ГАНО. Ф. Р-1418); 16) итоги Всесоюзной переписи 1959 г. по НСО.

К сожалению, периферийное расположение Новосибирской Кулунды, а также характерные для советской статистики условия закрытости информации 1930–1940-х гг. не дают возможности для широкого использования статистических данных по всему периоду исследования. До некоторой степени лакуны в статистической информации компенсируют справочники Новосибирскоблстата конца 1950–1960-х гг.

Нормативные источники представлены: 1) материалами переселенческого управления НСО (ГАНО. Ф. П-4), характеризующими предвоенные аграрные миграции в Кулундинских р-нах; 2) материалами уполномоченного по делам религии (ГАНО. Ф. Р-1418).

На фоне освоения основного документального и статистического материала и высокой степени изученности наиболее драматичных сюжетов истории российских немцев вполне своевременным представляется обращение к полевым источникам, характеризующим сельскую повседневность, в которой и реализовывались основные процессы социокультурной адаптации локальных групп немецкого населения.

Этнографические источники представлены наблюдениями и полевыми фотоматериалами автора 1990–2000-х гг., характеризующими наиболее стабильные элементы повседневности кулундинских немцев, в частности, фрагменты сельской застройки, характерной для немецких сел региона.

Для реконструкции традиционных черт этнической культуры поволжских немцев нами использовалась «История поволжских немцев-колонистов» Я. Дитца, написанная в 1914 г., но вышедшая широким тиражом лишь значительно позднее [1997].

В целях воссоздания элементов повседневности сибирско-немецкого села преимущественно взяты данные по с. Орловка Купинского района НСО, а для характеристики адаптации поволжских немцев в окружении старожилов-русских и украинцев в условиях «целинного» села – сведения по Кочковскому и Краснозёрскому районам НСО.

В целом, значительный объем информации в широком временном диапазоне 1910–1960-х гг. и комплексный характер привлекаемых источников позволяет воссоздать полную картину социокультурной адаптации принудительных мигрантов – немцев Поволжья и реадaptации предполагаемой основной референтной группы депортированных – сибирских немцев. Сформированная в монографии источниковая база обеспечивает достижение основной цели исследования.

Автор чрезвычайно признателен за информационную и техническую поддержку администрации Новосибирского областного Российско-Немецкого дома, сотрудникам его кулундинских филиалов и сельских центров встреч, работникам отделов архивной службы Карасукского, Баганского, Краснозёрского, Чистоозерного и Купинского районов Новосибирской области. Благодарю информантов – носителей опыта и свидетелей тех событий, о которых идет речь в этой книге, и их достойных наследников – сибиряков-кулундинцев, а также моих коллег – историков, этнографов и краеведов – за товарищескую и экспертную поддержку.

ГЛАВА 1

СИБИРСКИЕ НЕМЦЫ СЕВЕРНОЙ КУЛУНДЫ: ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕРИОД РАНИЕДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (1900–1920-е годы)

1.1. Немецкое освоение севера Кулундинской степи в начале XX века

Засушливые, считавшиеся малопригодными для земледелия районы Кулундинской степи вошли в зону государственной переселенческой политики России в начале XX в.

Основная часть немецкого населения прибыла в северокулундинские волости в 1907–1909 гг. К 1910 г. в Каинском уезде Томской губернии переселенцы-немцы основали десять населенных пунктов: поселки Александро-Невский (1907 г.), Розентальский (1907 г.), Гофентальский (1908 г.) [Сборник..., 1913, с. 8], Шендорфский (1908 г.), Луганский (1908 г.), Красновский (1908 г.), Орловский (1908 г.), Антониевский (1907 г.) – в Купинской волости; деревни Граничная и Цветное Поле (Блюменфельд) (1909 г.) – в Юдинской волости [Список..., 1911, с. 384–387, 416–417; Список..., 1928, с. 258–262, 328–330] (см. рис. 2; табл. 1, 2).

Последующий приток мигрантов в поселки Гофентальский, Розентальский, Шендорфск, Луганск и Александро-Невский происходил в течение пяти-шести предвоенных лет (установлено по: ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4204. Л. 47–61об.) (см. табл. 1).

По данным В.Я. Нагнибеды, национальный состав переселенцев Алтайско-Томского степного района (на 1910 г. около 38,5 тыс. чел.) выглядел так: украинцев 39,4 %, немцев 32 % (при этом меннонитов 15,7 % всего населения), русских 21,7 %, белорусов 5,6 %, прочих (поляки, молдаване, эстонцы) 1,3 % [Сборник..., 1913, с. 55, 59].

География выхода северокулундинских столыпинских переселенцев-немцев соответствовала общим трендам аграрной миграции в Алтайско-Томский степной район в начале XX в. В немецких поселках Юдинской (Романовской), Купинской и Андреевской волостей Каинского уезда преобладали выходцы из южных губерний Европейской России, прежде всего – Екатеринбургской (до 88 % хозяйств на 1916 г.) (ГАТО. Ф. 3. Оп. 16. Д. 163).

В поселках Гоффентальский, Шендорфский и Красновка преобладали выходцы из Самарской и Саратовской губерний (см. рис. 5). Однако и здесь украинские немцы имели значительную долю (19 % гоффентальских и около 40 % красновских хозяйств на 1916 г.) (ГАТО. Ф. 3. Оп. 16. Д. 163) (см. табл. 3–6).

Характеризуя особенности развития хозяйства у различных локальных групп немецкого населения Западной Сибири начала XX в., А.Р. Бетхер отметил значительное влияние экстремальных природно-климатических условий на первичное хозяйственное обустройство колонистов [2004, с. 274]. «Кругом все уже было занято русскими, самая паршивая земля здесь была», – так потомок первопоселенцев комментирует ситуацию с земельным фондом колонии Орловка (ПИМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.). Переселенческие поселки Северной Кулунды действительно располагались на обедненных, каштановых почвах, в то время как старые кулундинские села имели черноземные угодья. Описания местности, на которой были основаны немецкие поселки севера Кулунды, предельно скупы: «на колодцах», «на колодцах и болоте» [Список..., 1911, с. 384–387, 416–417].

Сибирские колонисты стремились (насколько позволяли ресурсы) преуспеть в условиях, которые русские старожилы и имперские землестроители считали малопригодными даже для натурального хозяйства. «Участок уже был заселен другими людьми, русскими, но они ушли отсюда, потому что здесь не было леса, дров не было...» (ГАНУ. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 2. Л. 6). Спустя три-четыре года с момента основания поселений отличия в хозяйственном укладе между немецкими и русско-украинскими переселенческими общинами в Купинской волости были не столь очевидны, как отмеченный В.Я. Нагнибедой прогресс менонитских колоний в центральной части Кулунды.

При сохранении тенденций, характерных для всего Алтайско-Томского степного района (приоритет машинного инвентаря перед

ручным, обзаведение значительным количеством скота, прежде всего – рабочим и молочным), темпы развития хозяйств переселенцев в Юдинской и Купинской волостях были ниже, нежели на кабинетских землях. Так, в пос. Гоффентальском Купинской волости на 1911 г. были освоены лишь 3,59 дес. пашни на хозяйство (при среднерайонном значении 9,03 дес.). На одно хозяйство приходилось лишь 1,8 рабочих лошадей, 0,14 волов, 1,12 дойных коров (при среднерайонных значениях в 2,71, 0,43 и 1,45 соответственно). В соседних поселках Донской и Сретенка с украинско-русским населением на одно хозяйство были освоены 6,98 и 3,66 дес. Пашни, приходилось 1,65 и 1,29 рабочих лошадей, 0,5 и 1,13 – волов, 1,97 и 1,72 – дойных коров соответственно [Сборник..., 1913, с. 6–13, 170, 172].

Однако по количеству рабочих лошадей самая бедная из крупных немецких общин Купинской волости, обследованная в 1911 г., – гоффентальская – уже превосходила соседние русско-украинские общины. В более зажиточных поселках хозяйственные показатели выше: Александро-Невский – на одно хозяйство 2,36 лошадей и 0,48 волов, освоены 9,84 дес. пашни; Розенталь – 2,2 лошадей и 0,26 волов, 8,47 дес. пашни. Значительна разница в технической оснащенности хозяйств по указанным переселенческим поселкам. Если в Гоффентале на одно хозяйство приходится 0,39 машин (при 0,4 и 0,34 в Донском и Сретенке), то в Розентале – 0,6 машин на хозяйство, в Александро-Невском этот показатель равен 1,03 [Сборник..., 1913, с. 6–13, 170, 172].

На эволюцию хозяйственного уклада кулундинских немцев влияли не только традиции производственной культуры и экономическая целесообразность (диктующая фермерско-хуторской путь наиболее преуспевшим колонистам), но и государственная практика водворения. Власти опасались распространения протестантизма среди православного населения, поэтому немцев надлежало размещать на отдельных участках, вне старожильской среды. В конфессиональном отношении среди немцев севера Кулунды доминировали баптисты, в д. Граничной – меннониты, в поселках Гоффентальском и Шендорфском – лютеране.

Обособленное по этническому и конфессиональному признакам расселение вполне устраивало и самих переселенцев-немцев. На 1916 г. лишь в пос. Гоффентальском проживала эстонская семья, в прочих андреевских колониях были только немцы (ГАТО. Ф. 3. Оп. 16. Д. 163).

С 1910 г. власти стали препятствовать немецкому расселению в ряде районов, прежде всего в местностях, прилегающих к Транс-сибу. В итоге новые переселенцы-немцы оказались ограничены в выборе места обоснования и принуждались к приселению в уже основанные колонии: «Когда мы приехали сюда, ...деревня уже стояла и называлась Блюменфельд. Деревню немцы начали строить в 1909 году, мы приехали в 1911-ом, стояло уже около 110 домов» (ГАНО. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 2. Л. 6).

Немцы-первопоселенцы сталкивались с демографическим давлением вновь прибывающих мигрантов: ограничить приток новоселов общины были не вправе до заполнения переселенческого участка. Помимо родственников и односельчан, «выписанных» из материнских колоний, в уже основанные поселки прибывали и новые партии колонистов, не связанных с первопоселенцами родственными или земляческими узами. Немецкое население Романовской волости Каинского уезда в 1910–1915 гг. выросло почти вдвое: с 526 до 1 004 чел. [Список..., 1911, с. 416–417] (ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4204. Л. 37об.).

Большая часть немецких переселенцев Северной Кулунды предпочла общинную форму землеустройства. Из 3 280 обследованных В.Я. Нагнибедой хозяйств Степного района 62,65 % имели общинную форму землевладения. При этом большая часть устроенных подворно (36,38 %) хозяйств приходилась на менонитские поселки. Хуторских хозяйств насчитывалось менее одного процента [Сборник..., 1913, с. 168].

На севере Кулунды общинная форма землепользования изначально была представлена в пос. Гоффентальском [Сборник..., 1913, с. 258], населенном преимущественно поволжскими немцами. Выделение участков-отрубов практиковалось в менонитской д. Граничное (ГАНО. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 2. Л. 6) и малонаселенном баптистском пос. Орловка. «Землю распределяли на мужчин, пашню навсегда, а сенокос ежегодно. Каждый крестьянин имел свою землю в 17 разных участках (цугах) и, кроме того, еще двор. 18-м участком было пастбище, киргизская степь» (ГАНО. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 1. Л. 13).

Ежегодный передел сенокосов, либо раздел сена после совместной заготовки практиковался повсеместно в сибирско-немецких поселках Кулунды, вне зависимости от формы землеустройства. Несмотря на знакомство с отрубной системой в регионах выхода, жители Цветного Поля предпочли общинную форму землеустр-

ройства и наиболее распространенный в сельскохозяйственной России порядок наделения землей «по работникам». «Здесь отец получил землю на свои четыре мужские души. Это были 28 десятин пашни, которые были выделены на несколько лет, к ним каждый год давали сенокос, пастбище было общим» (ГАО. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 2. Л. 6).

Порядок наделения зависел и от характеристик ландшафта. «Земля была выделена кусками по 12–4–8 десятин, потому что от каждого хорошего, сухого участка (гривы) вырезали один надел», – сообщил в интервью Л.В. Малиновскому старожил с. Цветное Поле П.Я. Боннет (ГАО. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 2. Л. 6).

Общинную форму землеустройства предпочли жители поселков Александро-Невский и Розентальский [Сборник..., 1913, с. 257, 263], также знакомые с подворной системой в местах выхода. В период Первой мировой войны (в поволостных списках на 1915 г. отсутствуют) (ГАО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4204) на севере Кулунды были основаны три немецких хутора – Николаевка (населенный лютеранами – депортированными волынскими немцами), Нейфельд (Романовская вол.) и Шейнфельд (Купинская вол.) в пределах земельных фондов д. Цветное Поле и пос. Луганск соответственно.

Большое значение для развития немецких хозяйств Северной Кулунды имела не только традиция, но и актуальный опыт аграрной миграции, в особенности транзитной. Многократное превышение числа «переводворявшихся» колонистов против аналогичного показателя у русских и украинских столыпинских переселенцев отмечал П.П. Вибе в Омском уезде (40 % хозяйств против 6 %) [2007, с. 75–76]. Наибольший удельный вес переводворявшихся колонистов наблюдался в пос. Красновском (63 % хозяйств на 1916 г.), минимальное их количество – в поселках Луганске, Александро-Невском и Гоффентальском (ГАО. Ф. 3. Оп. 16. Д. 163) (см. табл. 3–6).

В интервью Л.В. Малиновскому старожилы – сибирские немцы из Цветного Поля и Орловки воспроизводят сюжеты транзитной аграрной миграции. «Я родился в Сальских степях (Хогино-Немецкая волость Медвежского уезда, деревня Кроненталь), приехал в Сибирь в 1911 году», – отмечал старожил с. Орловка Иван Георгиевич Эдель, 1904 г.р. (ГАО. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 1. Л. 13).

Его племянник Вильгельм Вильгельмович (на момент опроса в 2001 г. – старейший житель Орловки) относит Эделей к украин-

ским немцам-«пелмейзерам» («беловежским»). Сведения о месте рождения старшего брата И.Г. Эделя и отца В.В. Эделя – Вильгельма Георгиевича (1885–1938 гг.) приводятся в опубликованном Л.П. Белковец мартирологе: «...уроженец Черниговской губернии» [1995, с. 292]. Согласно справочной информации, до 1941 г. колония Беловеж находилась в Дмитриевском (Парафиевском) районе Черниговской области [Немецкие..., 2002, с. 293]. В Сальские степи Эдели попали вместе с земляками, «беловежскими колонистами из Черниговской губернии», основавшими «на землях бывших кочевий калмыков у р. Большая Кугульта ...колонию Хагинск-Немецкий» [Чернова, 2004, с. 406]. Таким образом, покинув в 1890-х гг. материнскую колонию на Украине, семья Георгия (Йорга) Эделя пыталась обосноваться в Калмыкии, а уже затем попала в Кулундинскую степь.

«Гражданин д. Цветнополе» И.Ф. Шефер в автобиографии подробно рассматривает обстоятельства семейной миграции: «...рожденный в 1893 году, до 1898 года жил в Черниговской губернии Кульчеховского уезда, в с. Городок, где отец занимался извозом. Земли не имели. Оттуда переехал отец в Донскую область, где работал за третью часть [урожая] в пользу помещика Мазая до 1901 года. Совместно с нами отец заработал немного средств и купил себе пять гектар земли там же, в Донской области. Мы дружно работали, в семье было нас пять братьев, но земли было мало, мы с отцом решили в 1909 году приписаться в Сибирь. Когда приехали в Сибирь, приписки земли еще не было, и мы опять арендовали землю. С 1911 года, когда приписали земли, [мы взяли] на семь членов семьи годной земли 35 га» (ГАНУ. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 512. Л. 28).

Основным стимулом к переселению в Сибирь у немецких колонистов, как и у остальных «столыпинских» мигрантов, было аграрное перенаселение мест выхода. Основная масса колонистов на государственных переселенческих участках севера Кулундинской степи демонстрировала при вселении минимальный достаток: каждая пятая колонистская семья не имела или не смогла продать на родине свои земельные пай [Вибе, 2007, с. 75–78]. При этом государственная помощь слабо соответствовала реальным потребностям новоселов по масштабам и срокам предоставления. «Пособие от государства составляло 25 руб. на семью, мы его получили в 1913 г., оно предназначалось на строительство», т.е. семейство Боннет получило помощь лишь спустя два года после прибытия в Цветное Поле (ГАНУ. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 2. Л. 6).

Высказывания кулундинских немцев-информантов Л.В. Машиновского изобилуют примерами создания успешных хозяйств силами семейного коллектива, в ходе переселений утратившего первоначальный капитал и не имевшего мирской поддержки материнской колонии: «Семья [у отца] была большая, 10 душ [детей], три парня и семь девочек. Когда мы возвратились из Тургая [осенью 1908 г.], все проездили, в Москаленках купили снова одну лошаденку за 26 рублей. Машин у нас не было, только окованная херсонская телега. Тогда отцу пришлось идти в работники к русскому торговцу зерном, дети-подростки тоже там работали, очищали зерно. Так мы работали до осени 1911 года. В сентябре 1911 года мы приехали сюда... Чтобы заработать немного денег, два моих брата нанялись в батраки, но не в нашей деревне, а за сто верст отсюда. На следующий год мы смогли купить еще одну лошадь и вспахать первые две десятины. Спустя год было уже четыре, потом пять десятин...» (ГАНО. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 2. Л. 7). Значительная часть крепких хозяйств в Северной Кулунде была создана вчерашними арендаторами-издольщиками из Донской области, Ставрополя и Оренбуржья, обладавшими продолжительным опытом работы в помещичьих имениях и на казачьих землях (см. табл. 7–9).

«По различному происхождению и благосостояние было различное. Самые богатые были пелмейзеры, это были крупные крестьяне, самый богатый у нас имел пять лошадей... У херсонцев было по две-три лошади, по одной-две коровы, саратовцы имели по большей части только одну лошаденку и деревянную телегу» (ГАНО. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 2. Л. 7). Наблюдения П.Я. Боннета, сделанные в д. Цветное Поле Юдинской волости, отчасти справедливы и для андреевских колоний. Действительно, наименее преуспело на 1916 г. самарско-саратовское население Гоффенталья, лучшие показатели были у екатеринославских немцев Луганска. Большие успехи новороссийских немцев в сравнении с поволжскими наблюдались повсеместно в Кулундинской степи [Шайдуrow, 2003б, с. 144].

Создатели крупных товарных хозяйств (засевавших более 50 дес. пашни) в колониях Андреевской волости происходят из различных регионов. Среди них присутствовали как первопоселенцы, так и новоселы, прибывшие накануне войны. Например, самый успешный житель пос. Гоффенталья – Андреас Бер прибыл из Самарской губернии в 1913 г. Через три года в его хозяйстве было 8 лошадей, 5 коров, 15 овец, 12 свиней, засевалось 54 дес.

пашни (в т.ч. 0,5 дес. – однолетними травами) (ГАТО. Ф. 3. Оп. 16. Д. 163).

Следует отметить, что накоплению капитала издольщиками способствовали стабильно хорошие урожаи на юге России, в то время как 1910–1911 гг. в сибирских степях были неурожайными. В результате колонисты, переводворенные из Акмолинской области, «проездили» капитал, обретая только опыт хозяйствования в экстремальных сибирских условиях. Тем не менее, именно опыт поднятия хозяйств «с колес», с минимальными начальными средствами, впоследствии оказался весьма востребован в советской аграрной экономике.

Успех столыпинской аграрной реформы был невозможен вне высокого спроса на продовольствие в 1910-е гг., прежде всего – на зерно и продукты (сливочное масло) экстенсивного мясомолочного скотоводства. До постройки Южсиба в 1915 г. купинские немцы вывозили зерно в Татарск или сбывали на месте перекупщикам. Андреевские немцы возили зерно в Камень и Павлодар. В первые годы после обоснования только дальними рейдами до транспортного узла можно было оправдать хозяйственные расходы.

Помимо отсутствия оптового рынка зерна в местах водворения неудовольствие столыпинских переселенцев-немцев вызывала и невозможность занятия ремеслом. Низкая плотность населения, удаленность от крупных городов, значительный объем полевых работ при освоении целинных пространств («сибирская горячка») обусловили слабое развитие инфраструктуры кулундинского переселенческого села.

Ремесленные занятия имели нерегулярный характер при весьма значительном количестве водворенных «хозяйств с промыслами». Так, в пос. Гоффенталь из 88 хозяев 66 имели ремесленную квалификацию, в пос. Александро-Невском – 56 из 81, в пос. Розентальском – 37 из 56. Аналогичная картина наблюдалась и в украинском пос. Донском: 24 хозяйства из 32 были готовы к промысловым занятиям [Сборник..., 1913, с. 6–13].

Однако спрос на ремесленные изделия в регионе был небольшим. В переселенческих сёлах каждый мужчина мог сделать себе ложку, миску и простую крынку, осуществить ремонт сбруи и инвентаря. В удаленной от торговых и транспортных центров, редко населенной Кулунде не могло быть сколько-нибудь рентабельным традиционное немецкое ремесло. «Ткачество и изготовление гончарных изделий, имевшие в материнских колониях характер товарного производства,

не получили у немцев Сибири достаточного развития. Это связано и с отсутствием в достаточном количестве необходимого сырья, и с тем, что производство сельскохозяйственной продукции было более выгодным» [Смирнова, 2002, с. 94]. Ремесло в кулундинских условиях, по заключению В.Н. Шайдурова, давало крестьянину не более четверти его годового дохода, а основной статьёй продолжало оставаться сельское хозяйство [2003б, с. 107].

Побочный заработок немцам-новоселам в регионе, где бурно развивалось товарное земледелие, удавалось получать на фермах хуторян – русских старожилов и меннонитов («помещиков»). «Раньше ходили на заработки к помещику Сорокину, иной раз на месяц, иной раз на две недели, возили навоз на поля... И у меннонитов молотили на молотилке. Отец получал 1 рубль, он стоял у стола, нам, мальчикам, платили по 70 копеек». Строительство железной дороги тоже давало возможность приработка колонистам. «Работали и на железной дороге с лошадьми, делали насыпь» (ГАНО. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 2. Л. 20). Однако сезонный заработок отвлекал новосела от собственного надела и имел смысл лишь для кулундинцев, неприписанных к общине.

В силу упомянутого скромного достатка при обосновании, немецкие колонисты Северной Кулунды, как и славянские переселенцы, за исключением меннонитов д. Граничной, обзаводились скотом на месте. Вплоть до конца 1950-х гг. мелкий и малопродуктивный, но устойчивый к климату и эпизоотиям скот «киргизской» (мясной), либо «сибирской» (молочный) пород был основой общественного стада в Северной Кулунде. Лишь в деревнях Граничное и Цветное Поле разводили племенной скот – метисов сибирской и красной немецкой породы.

Стратегии адаптации немецких переселенцев определялись не только социально-экономическими факторами. На рубеже XX в. основным религиозным учением, воплотившим противоречивые стремления мигрантов-немцев (протест против социального устройства материнских колоний и желания добиться материального благополучия по меркам и средствами, принятыми на родине) стал баптизм. «Мама когда-то лютеранкой была. Но потом на Северный Кавказ уехали и там приняли баптизм» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.).

В 1910 г. все три немецких поселка Купинской волости, обследованных В.Я. Нагнибедой, уже обладали молитвенными домами. В то же время преобладающее православное население (по волос-

ти обследовано 20 населенных пунктов с русским и украинским населением) довольствовались двумя храмами – в с. Купино и пос. Андреевском.

Религиозные убеждения сибирских немцев не просто влияли на социальные ценности, но во многом определяли их. Вместе с тем, ни лютеранство, ни баптизм не являлись преградой для усвоения технологий в агрономии и животноводстве, а также для брачных стратегий колонистов-кулундинцев. Брак между представителями разных протестантских конфессий оказывался возможен, если невеста брала вероисповедание жениха. «Если жениться – ограничений никаких не было: по любви женились» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.). Возраст вступления в брак у немцев-колонистов Томской губернии В.Н. Шайдуров определяет в 25 лет для мужчин и 22 года для женщин (данные на 1917 г.), что немного выше среднестатистических показателей по сельскому населению губернии за тот же период [2003б, с. 70–71].

Школы в поселках Розентальском и Александро-Невском функционировали с момента основания поселений. Всего в переселенческих поселках Андреевской волости было открыто четыре школы [Сборник..., 1913, с. 5, 8]. По данным демографической переписи 1920 г., у немцев купинской Орловки был самый высокий уровень грамотности среди этнических групп региона: 43,8 % – у мужчин, 39,7 % – у женщин (у русского населения Купинской вол. – 21,9 и 5,7 % соответственно). В Цветнопольской волости были грамотными 34,3 и 31,6 % немцев (среди русского населения волости среди 83 мужчин насчитывалось пять грамотных, а среди 82 женщин – одна). В Баганской и Андреевской волостях грамотными были более трети немцев-мужчин и менее 20 % женщин (у русских – более 20 % мужчин и менее 5 % женщин) [Итоги..., 1923, с. 81, 83, 87]. По переписи 1926 г. среди сельских немцев Сибири владели грамотой 70,7 % мужчин (56 % у русских) и 61,2 % женщин (19 % у русских) [Славина, 2002, с. 457].

«Я необразованная, но все же училась настолько, чтобы читать Божье слово», – с достоинством отмечала в середине 1960-х гг. информант Л.В. Малиновского Каролина Холльштейн, жительница г. Луганска (1898 г.р.) (ГАНУ. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 2. Л. 12).

Баптистские общины чрезвычайно внимательно относились к школьному делу. Так, П.Я. Боннет отмечает существование в 1913 г. в д. Цветное Поле «школы для бедных»: «Нас учили

шесть месяцев, только по-немецки, читать готический шрифт, писать и считать». Цена знания была весомой: за полгода обучения родители отдали 15 руб., продав полуторагодовалого теленка (ГАНО. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 2. Л. 7). Впрочем, разбирать готический шрифт Каролина Холльштейн научилась в бесплатной воскресной школе пос. Луганск (ГАНО. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 2. Л. 13). Интерес к грамоте в северокулундинских немецких колониях обусловлен не только традиционной необходимостью отправления протестантского богослужения, но и вполне прагматичными соображениями привлечения новейших агротехнологий в колониистское хозяйство. По словам П.Я. Боннета, в 1910 г. в Цветном Поле «была и школа получше, в школьном здании, где учили и по-немецки, и по-русски» (ГАНО. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 2. Л. 7).

Влияние Первой мировой войны на развитие сибирско-немецких поселков оценивалось Л.В. Малиновским в негативном контексте: изоляция российского внутреннего рынка, мобилизация ресурсов на военные цели и имперские антинемецкие законодательные инициативы пагубно отразились на хозяйстве сибирских немцев [1967, с. 203–204]. Однако современные исследователи подвергают существенным коррективам оценку ситуации на продовольственном рынке страны в канун Первой мировой войны. В частности, летом 1917 г. у сибирских производителей продовольствия была возможность выгодно реализовывать продукцию благодаря высокой конкуренции среди фирм-поставщиков армии [Рынков, 2004, с. 82]. В крупных хозяйствах заготовительные кампании стимулировали производство культур, ранее не возделывавшихся колонистами. В 1916 г. товарные хозяйства в Гоффентале выращивали рожь, не культивировавшуюся в колониях Поволжья и Новороссии (ГАТО. Ф. 3. Оп. 16. Д. 163). Благоприятное влияние на хозяйственную жизнь сибирских немецких сел закупочных кампаний советского (весна 1918 г.) и сибирских правительств (1918–1919 гг.) отмечает А.И. Савин [2004а, с. 100].

Столь же неоднозначным было и влияние антинемецкой политики царской администрации в годы Первой мировой войны на развитие немецких поселков Кулунды. Невозможность приобретения участков путем аренды или покупки наиболее остро коснулась неводворенных переселенцев-немцев, обусловила бедственное положение принудительных мигрантов – волинских немцев в сибирско-немецких поселках. Однако хозяева, уже успевшие

обосноваться, получили необходимую рабочую силу, а новоселы были вынуждены обратиться к низкорентабельному ремеслу. В частности, в пос. Граничном Славгородского уезда в 1917 г. были 2 кузнеца на 38 дворов (один из них прибыл в поселок в 1917 г.) (ЦХАФАК. Ф. 233. Оп. 5. Д. 248. Л. 4, 34). В условиях прекращения импорта сельскохозяйственных машин и запчастей высокомеханизированные хозяйства сибирских немцев нуждались в услугах специалистов, способных продлить срок службы дефицитной техники. Неприписанные хозяева имели возможность аренды пашни (до 20 дес. в Гоффентале) (ГАТО. Ф. 3. Оп. 16. Д. 163).

К 1920 г. длительное отсутствие запасных частей и невозможность обновления технического парка привели к масштабным потерям сельскохозяйственной техники в немецких хозяйствах Кулунды. По результатам сельскохозяйственной переписи 1920 г. в немецких хозяйствах Славгородского округа Омской губернии «число исправных жаток-самосбросок... сократилось по сравнению с 1914 г. с 871 до 33..., из 744 паровых молотилок не было исправной ни одной. Более благоприятная ситуация складывалась по сноповязалкам (53 из 119) и конным молотилкам (53 из 98)» [Малиновский, 1967, с. 204].

Ущерб сибирско-немецкому сообществу от исполнения прямых гражданских обязанностей в ходе Первой мировой войны в исследовательской литературе оценивается как «сравнительно низкий» по отношению к сибирякам – русским и украинцам: прямые боевые потери во вспомогательных воинских частях, куда призывались российские немцы, были ниже, нежели убыль в действующей армии. Действительно, данные демографической переписи 1920 г. по северокулундинским волостям показывают паритет и даже превышение числа немецкого мужского населения над женским (например, в Баганской вол. – 267 мужчин и 262 женщины). Показатели русского и украинского населения говорят о нарушении гендерных пропорций (русских – 951 мужчина и 1 037 женщин, украинцев – 479 мужчин и 521 женщина) [Итоги..., 1923, с. 80–81] и большей убыли мужчин вследствие военных потерь и продолжающихся мобилизаций.

Тем не менее, в 1920 г. по сравнению с 1915 г. численность немецкого населения Северной Кулунды уменьшилась на 633 чел. (12,9 %), составив 4 271 чел. (подсчет по Андреевской, Баганской, Купинской, Цветнопольской волостям Татарского уезда Омской губернии) [Итоги..., 1923, с. 80–83, 86, 87].

Однако собственно масштабная мобилизация, изъятие трудоспособного мужского населения не могла не сказаться на хозяйственном развитии немецких поселков, даже учитывая меньшую убыль трудоспособных мужчин в сравнении с русско-украинскими поселками. В частности, в пос. Красновка в 1916 г. произошло сокращение посевной площади в двадцати двух хозяйствах (24 %), в трех хозяйствах не производили посевов вовсе, несмотря на наличие пашни (ГАТО. Ф. 3. Оп. 16. Д. 163). Уменьшение числа хозяйственных площадей лишь частично компенсировалось арендой со стороны товарных хозяйств, использующих наемную рабочую силу. В общей сложности красновские хозяйства отказались от использования 166,9 дес. пашни: неприписные и товарные хозяйства арендовали на тот момент 69,5 дес.; таким образом, 97,4 дес. (или 7,5 % освоенной земли) перешли в залежи (ГАТО. Ф. 3. Оп. 16. Д. 163). Вполне очевидно, что мобилизации сдерживали и количественный рост хозяйств. Так, женившись в 1912 г., Иоганн Шеффер (д. Цветное Поле) был мобилизован в 1915 г. и смог отделиться от отца лишь в 1918 г., по возвращении из армии (ГАНО. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 512. Л. 35).

С переводом степных округов Алтайской и Томской губерний под контроль омской администрации (весьма эффективный благодаря прямому транспортному сообщению) в 1920 г. немецкие села Татарского уезда подверглись непомерным продовольственным изъятиям. Продразверстка 1920 г. была выполнена благодаря излишкам урожайного 1919 г. Однако «в 1920 году урожая не было, в некоторых местах даже семян не собрали» (ГАНО. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 2. Л. 8). Тем не менее, взимание продналога в 1921–1923 гг. производилось по завышенным ставкам, что привело к упадку немецких хозяйств Кулунды [Савин, 2004а, с. 125]. Так, в Антоновке Купинского района в 1924 г. «из 19 семей голодали 14 – это было связано не только с неурожаем 1924 г., но и с упадком хозяйства в 1922–1923 гг. Посевная площадь по этой деревне составляла: 1919 г. – 100 %; в 1921 г. – 83 %, в 1922 г. – 29 %; 1923 г. – 18 %, в 1924 г. – 40 %» [Малиновский, 1967, с. 207]. На 1924 г. в Антоновке оставалось три рабочих лошади и девять дойных коров [Савин, 2004а, с. 128]. В том же году житель Цветного Поля И.Х. Кунст (бездетный старик) не смог выплачивать батраку Якову Гензбургу денежное содержание, хотя в 1922–1923 и 1925–1928 гг. исправно платил подопечным 4–6 руб. в месяц (ГАНО. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 237. Л. 5).

Выход из затяжного кризиса немецких сел Кулунды осенью 1925 г. исследователи связывают с хорошим урожаем. Помимо погодных факторов имели значение «восстановление сельхозмашиностроения в стране и импорт машин» [Малиновский, 1967, с. 207], гуманитарная и кредитная помощь менонитских организаций, в т.ч. местных кооперативов, а также «самоотверженная работа крестьян по подъему своего хозяйства» [Савин, 2004а, с. 129].

В 1925–1927 гг. действительно наиболее заметен рост производства в немецких сельских общинах, имевших доступ к ресурсам менонитской взаимопомощи. «В двух немецких селах Барабинского округа – Цветное Поле и Граничное – посевная площадь увеличилась за период от 1924–1925 до 1926–1927 гг. с 410 до 803 дес., т.е. почти вдвое. Количество рабочих лошадей возросло с 73 до 177 или почти в 2,5 раза, коров – со 189 до 276 или на 45%. Количество сложных машин только за один год выросло с 57 до 92...» [Малиновский, 1967, с. 209].

Бывший «средняк»-цветнополец Боннет так охарактеризовал собственные хозяйственные возможности перед коллективизацией: «В 1926 году я уже смог купить себе новую телегу и косилку. В 1927 году мы с братом купили уже лобогрейку (старую, правда). Две лошади и три коровы были у меня, с коров сдавали молоко государству» (ГАНУ. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 2. Л. 8). Его односельчанин И.Ф. Шеффер в 1927 г. «получил через кредитное товарищество молотилку» (ГАНУ. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 512. Л. 22).

Таким образом, сибирско-немецкая культура, сложившаяся к концу 1920-х гг., существенно отличалась от традиционных культур поволжских и новороссийских немцев. По сути, она являлась транзитивной культурой, весьма несовершенной и не приносящей должного эффекта вне развитого рыночного хозяйства. Однако именно эта культура, сложившаяся к 1925–1928 гг., в период инициатив в различных сферах жизни, на долгие годы осталась образцом крестьянской жизни в коллективной памяти сибирских немцев и основой этнографических сведений о них. «*Будучи любителем предприятий*, я в 1926 году купил старую маслобойку, которую сам отремонтировал, собрал со старых кусков дерева и железа», – так, например, начиналось «культурное хозяйство» цветнопольца Иоганна Шеффера (ГАНУ. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 512. Л. 35) (здесь и далее курсив автора).

1.2. Культура немцев-староселов севера Кулундинской степи

В 1920-х гг. немецкие населенные пункты региона были сведены, где это оказалось возможным, в национальные сельсоветы. Самым многочисленным было сибирско-немецкое население Андреевского района – 3 134 чел. на 1926 г. (около 15 % от общего числа жителей). Немцы проживали в восьми населенных пунктах. В 1925 г. был основан пос. Починное. Половина андреевских немцев проживала на 1926 г. в поселках Гофентальском (663 немца из 742 чел. населения), Александро-Невском (549 немцев из 583 чел. населения) и Розентальском (384 немца из 436 чел. населения) [Список..., 1928, с. 328–330] (см. рис. 3; табл. 2).

Купинские немцы проживали в семи населенных пунктах. Национальные сельсоветы были созданы в деревнях Цветное Поле и Граничной. Численность немецкого населения Купинского района на 1926 г. составляла 1 306 чел., т.е. примерно 2 % населения [Список..., 1928, с. 258–262]. Общая численность немцев региона составила 4 440 чел. (104 % от уровня 1920 г.). При этом по ряду немецких населенных пунктов отмечалось уменьшение численности населения. В частности, население д. Граничной с 1915 г. уменьшилось более чем вдвое (170 чел. в 1926 г. против 374 чел. – в 1915 г.), скорее всего, вследствие миграции менонитского населения. Численность населения соседнего Цветного Поля уменьшилась до 326 чел. (630 чел. на 1915 г.). Общее снижение численности немецкого населения по бывшей Цветнопольской волости составило около 40 %: с 1 074 (1920 г.) до 670 чел. (1926 г.). В частности, на треть снизилось количество жителей пос. Антоновка [Список..., 1911, с. 384–387, 416–417; Сборник..., 1913, с. 6–13; Итоги..., 1923, с. 82–83, 86–87; Список..., 1928, с. 258, 262].

Возможными причинами здесь могут быть повышенная смертность от голода и болезней в 1923–1924 гг., а также демографическая пауза, обусловленная выходом старшего поколения переселенцев из репродуктивного возраста и отсроченной брачностью младшего поколения (ввиду мобилизации молодых мужчин в армию).

Производственная культура. К середине 1920-х гг. В.В. Эдель относит окончательное оформление земельного фонда немецких сельских общин (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.). П.Я. Боннет упоминает о переделе «по едокам», произошедшем в середине 1920-х гг.

в д. Цветное Поле в соответствии с новым Земельным кодексом: «После революции, примерно в 1924–1925 гг., перемерили и перераспределили землю. Каждый крестьянин получил землю на все свои души по одной части» (ГАО. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 2. Л. 9).

Помимо выращивания яровой пшеницы – основной товарной культуры, весьма успешным (лучшие урожаи по Томской губернии на 1913 г.) в условиях Северной Кулунды было производство овса и ячменя (засевали в пропорции 10:1:1). Украинские немцы сеяли также просо, поволжские – гречиху. «Поволжские» хозяйства Гоффенталей не имели посадок картофеля в 1916 г., в то время как каждое украинско-немецкое хозяйство высаживало картофель (0,3–0,5 дес. посева). Две десятины под посев кукурузы было отведено в зажиточном хозяйстве луганца Филиппа Реймхе. Среди прочих агрономических опытов стоит отметить посадки рыжика и однолетних трав в отдельных товарных (более 40 дес. посева) хозяйствах. Основными техническими культурами были лен (посадки до 2 дес., «использовали только на масло») и подсолнечник (посадки до 0,5 дес., «только на семечки») (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.). Украинские немцы культивировали коноплю (до одной десятины посева) (ГАО. Ф. 3. Оп. 16. Д. 163).

Полеводство до коллективизации было исключительно мужской прерогативой в немецкой деревне. «Пахали ребята, отец сеял. Это особое умение надо – сеять. Мы, ребята, сеять не умели – зерно надо равномерно разбрасывать. Мы пахали, а отцы наши сеяли, потом – заборанивали» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.).

Полевые работы длились с апреля (боронование почвы и подготовка семян) по конец сентября (окончание уборки зерновых). Сенокосы и пашня находились на значительном удалении от сел, поскольку ближайшие угодья отводились под выгон. «Единолично работали в поле с понедельника по субботу. По воскресеньям тогда не работали. По субботам ехали с пашни домой. На пашне в шалашах жили, с собой брали еду, а то верховой домой ездил, еду брал» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.). Скирды сена и скошенного хлеба размещали на заднем дворе. Обмолот продолжался до декабря, в случае хорошего урожая – и до Рождества. Зерно складывали на чердак, солому скирдовали. Солома шла на корм (в измельченном виде) и подстилку скоту.

По сравнению с масштабами 1916 г., на 1928 г. величина посевов была достаточно скромной: даже в крепких, классифицированных позднее как «кулацкие», хозяйствах Нейфельдского сельсовета

та Купинского района она не превышала 19 га (ГАНУ. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 27, 370, 379, 512). В середине 1920-х гг. у орловцев появилась возможность переработки зерна и выгодной реализации муки благодаря близости паровой мельницы в соседнем селе Киргинцево (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.).

Основой тягла в немецких хозяйствах вплоть до начала 1940-х гг. оставалась лошадь (переселенцы-украинцы, например, на пахоте использовали волов, в то время как «на быках» немцы только поднимали целину). Сибирские немцы держали сильных и выносливых лошадей, впрягавшихся в двух- и трехлемешный плуг. Нагрузка на такую лошадь доходила в среднем до семи гектар, в то время как средний показатель по Славгородскому округу составлял 4,5 га (ГАНУ. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 406. Л. 99). Помимо использования для работы и выезда лошади служили средством обмена, либо предметом дарения при деловых контактах с казахским населением Северной Кулунды.

Колонисты были весьма искушёнными людьми в вопросах коневодства. Тягловую силу использовали исключительно бережно. Немецкая упряжь не знала хомута, а основным элементом сбруи была шлея. При полевой работе и транспортировке грузов использовалась парная запряжка. «В лобогрейку и сенокосилку тройка запрягалась» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.).

Для полевой работы и «выезда», как правило, использовали разные комплекты сбруи, а в зажиточных семьях – разных лошадей. На выпасах кони находились отдельно от коров и овец. «На каникулы из техникума домой я обычно с базара ехал. По лошадям далеко было видно, что “наши” едут. Сбрую на выезд украшали – заклёпки, колокольчики. Наши лошади были упитаннее» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.).

В колониях, как отмечает П.П. Вибе, лошадей кормили овсом 180 дней в году против 90 в хозяйствах русских и украинцев [2007, с. 80]. Высокая работоспособность лошадей в колонистских хозяйствах объяснялась не только богатой кормовой базой, но и «щадящей» нагрузкой при весенних полевых работах. Обработку почвы немцы проводили мелким многокорпусным плугом – «буккером», что обеспечивало оптимальную всхожесть семян и затрудняло эрозию почвы в условиях засушливой и безлесной степной местности. «Пахали неглубоко, сантиметров на пятнадцать. Глубина нас вполне устраивала, семена заделывали на шесть–семь см» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.). В 1928 г. в зажиточных хозяйствах

купинских немцев содержалось четыре-пять рабочих лошадей, в середняцких – две-три. Кроме того, в «кулацких» хозяйствах Цветного Поля содержались волю – от двух до пяти голов, что указывает на продолжающуюся распашку целины, либо залежей (ГАНУ. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 27, 370, 379, 512).

Еще одним орудием, имевшим этнокультурную специфику, были молотильные катки гоффентальских (поволжских) немцев, применявшиеся до появления в селе паровых и конных молотилок (ГАНУ. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 2. Л. 20). Специфичным был и транспортный инвентарь: брички с железными осями и окованными бортами; «...фургоны у русских были однорядные, у нас – двухрядные» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.).

Большая часть полевого инвентаря представляла собой сельскохозяйственные машины на конной тяге, широко применяемые всеми кулундинскими земледельцами-новоселами с момента обоснования. «У отца была конная косилка и конные грабли. Вручную мы косили только камыш – зимой, на топливо. ...Хлеб убирали лобогрейкой. У нас серпов в хозяйстве не было. Серп был только у дяди Готлиба... На деревне было две стационарные молотилки на конном приводе» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.).

По качеству сельхозтехники, упоминаемой в «карточках лишенцев» Нейфельдского сельсовета конца 1920-х гг., можно судить об относительной архаизации производства. В конце 1920-х гг. эксплуатировались менее эффективные, но более простые в ремонте и уходе машины, нежели агрегаты, распространенные в предшествующее десятилетие. Например, паровые молотилки в хозяйствах кулундинских немцев вытеснили агрегаты на конной тяге. Исчезли и жатки-самосброски, а их место заняли «лобогрейки».

Цветнопольцы Ф. Шефер и Ф. Бухмиллер в 1920-е гг. содержали ветряные мельницы. Единственным исключением – свидетельством технического прогресса в Цветном Поле в конце 1920-х гг. стал нефтяной двигатель мощностью 10 л.с., приводивший в действие локомобиль при сложной молотилке (ГАНУ. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 27. Л. 38).

Огороды сибирских немцев, как и у переселенцев-украинцев, были разделены на две неравных части. На большом огороде (*Garten* – «сад») выращивали картофель, сахарную свеклу, подсолнечник. «Огород плугом вспахивали. Картошку мы сажали под плуг, тогда ее окучивать не нужно» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.). В «огородчике» (*Gaerten* – «садик») располагались грядки лука,

капусты, моркови, бахчевых (огурцы, тыква, изредка арбузы). Ягодные кустарники в кулундинских огородах отсутствовали. Из пряных трав культивировались цикорий и кориандр.

В 1920-е гг. инфраструктура региона не успела окрепнуть: в местной промышленности было занято не более 2 % населения. В наиболее населенном Купинском районе (54 455 чел. населения на 1930 г.) из 1 014 ремесленников и промышленных рабочих наибольшее количество было занято на переработке шерсти (188 чел., из них 176 – пимокаты) и мукомольном деле (188 чел.). В районе насчитывалось 120 портных – 75 из них шили только тулупы. 118 чел. были заняты выработкой масла. В районе изготавливали кирпич (81 чел.), ремонтировали сельскохозяйственные машины (78 чел.), занимались сапожным делом (73 чел.), деревообработкой (61 чел., из них 21 бондарь) и выделкой овчин (58 чел.). Кустарей-кузнецов в Купинском районе насчитывалось десять человек, «обозстроителей» – пять [230 районов..., 1930, с. 86–87].

«Обозстроители» сибирско-немецкой Орловки занимались доводкой покупного инвентаря: изготовители не рассчитывали на парную запряжку и возросшую грузоподъемность немецких фургонов и бричек. Орловские ремесленники, по выражению информанта, «были такими же мужиками» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.), т.е. в основном занимались хлебопашеством, получая лишь побочный нерегулярный доход от промысла.

Немцы продавали пшеницу, мясо – свинину и говядину. Коней и овец продавали также живыми. В середняцком единоличном хозяйстве держали 2–3 коровы, 2 свиноматки, до 5 поросят, 8–10 овец, большое количество птицы. Зажиточные хозяева в Цветном Поле держали до 20 голов овец (ГАНУ. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 27, 370, 379, 512). Овцеводство в андреевских немецких поселках было развито слабее, нежели в соседних русских деревнях.

Использование высокоэффективных сельскохозяйственных машин определило стратегии общественной кооперации. Сельские общества заводили общественные «службы». В Орловке, например, в 1920-е гг. («едноличное время») была общественная мыловарня.

Для реализации задач хозяйственного освоения территории немецкие крестьяне были вынуждены прибегать к помощи соседей, либо родственников – «супряжи». «Всю работу вместе делали. Люди дружные были – споровались вместе... Работали вместе с дядей – и косили и сеяли. Сейчас много говорят о фермерстве.

Но один фермер здесь ничего не делает. На самом деле мы никогда единолично не жили» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.).

Долевое участие в покупке дорогого инвентаря – от конной косилки до молотилки – В.Я. Нагнибеда отметил уже в первые годы обоснования переселенцев-кулундинцев. Бедность, обусловленная неурожаем и «перегибами» аграрной и налоговой политики первых лет Советской власти, способствовала закреплению «супряжи» в качестве базовой организации труда.

Самым дорогим агрегатом в немецком хозяйстве являлась конная молотилка, которую арендовали у зажиточных хозяев. «Двое крестьян имели молотилки с конным приводом, Иккерт и Генрих Шютц. Шютц брал семь рублей за день..., а Иккерт – 15 рублей, потому что у него была новая молотилка...» (ГАНУ. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 1. Л. 14). Более высокая арендная плата объяснялась еще и необходимостью погашения кредита: материалы дел купинских «лишенцев» показывают, что это были «новые» кулаки, чья зажиточность началась с приобретения в кредит сельскохозяйственной техники в 1925–1926 гг.

Немцы-староселы – респонденты Л.В. Малиновского упоминают о существовании кредитного (с. Цветное Поле), семеноводческого (пос. Гоффенталь) и машинного (пос. Розенталь) товариществ в середине 1920-х гг. Их деятельность основывалась на эксплуатации не только менонитских, но и государственных кредитных ресурсов (ГАНУ. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 2. Л. 8, 12, 20).

При получении льготных государственных кредитов заемщикам приходилось декларировать «социалистическое переустройство» хозяйственного уклада как конечную цель модернизации хозяйства. На деле крестьяне достигали оптимальных результатов за счет комбинирования индивидуальных и коллективных форм хозяйственной жизни. Так, председатель алтайской сельхозкоммуны «Новый мир», созданной в 1925 г. в немецкой деревне Шумановке, заявил пайщикам: «На бумаге мы будем артелью, фактически вместе будут работать только по двое» (ГАНУ. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 4. Л. 8).

Культура жизнеобеспечения немцев-старожилов севера Кулунды. Поселение и жилище. «Сюда съезжались немцы из различных местностей – Херсон, Чернигов, Саратов и пр. Каждый строил дом по своему обычаю: херсонцы ставили дом глухой стеной к улице, саратовцы – поперек, черниговцы (пелмезеры) не имели определенного порядка, пруссаки (платтдойч) ставили даже ко-

ровник вперед, на улицу», – раскрывает происхождение архитектурной пестроты д. Цветное Поле старожила П.Я. Боннет (ГАНУ. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 2. Л. 6).

Застройка Цветного Поля соответствовала традиционным принципам архитектуры мест исхода. «В сибирских ареалах, – по замечанию С. Терехина, – воспроизводились традиционные для “материнских” колоний схемы сельского двора; они соответствовали преобладавшим в местах выхода переселенцев типам» [1999, с.143]. Меннонитский Г-образный тип в северокулундинских колониях присутствовал лишь в Граничном и Цветном Поле (ныне Чистоозёрный р-н НСО). «Блоклинейный» тип изначально был представлен в «самарских» колониях Гоффенталь и Шендорфск. В пос. Александро-Невском, основанном украинскими немцами, до сих пор преобладает «блочный» тип двора. «В южных поселениях абсолютно преобладало размещение построек двумя блоками – по боковой (жилой дом с сараем, амбаром, хлевом) и дальней (другие подсобные помещения) сторонам узкого и глубокого участка» [Терехин, 1999, с. 143].

Основная масса переселенцев-немцев была вынуждена в большей степени ориентироваться как на «привезенные», так и местные традиции жизнеобеспечения, локальные ресурсы и доиндустриальные способы ведения хозяйства. В результате многие черты хозяйственной и бытовой жизни немца-колониста севера Кулунды были близки технологиям столыпинских поселенцев, крестьян скромного достатка – русских и украинцев, также прибывших из степей Европейской России.

Высокая стоимость привозного леса обусловила обращение столыпинских переселенцев к изготовлению строительного материала из грунтового сырья (саманного кирпича и пластов дерна), к технологии литья и плетения при постройке жилых и хозяйственных сооружений. «Строительным материалом, в большинстве случаев, служат пласты, т.е. толстые слои целинной или залежной земли, глина и саман. На крыши идет солома и камыш, иногда те же земляные пласты» [Сборник..., 1913, с. 169].

Первым жильём для колонистов служили полуземлянки («пластанки») – «визехаус» («луговой дом») (см. рис. 6). «Немцы обладают большим искусством в сооружении таких построек. Увеличивая количество деревянных частей, делая прочную штукатурку с примесью извести, они достигают того, что постройка может стоять лет десять и более» [Сборник..., 1913, с. 170]. «Пластанку обма-

зывали [глиной-беляком] и белили известью. Первые годы известь брали в озере. Потом – покупали в Купино... Мужчина раствор делал, а мазали и белили женщины» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.).

Если в случае украинских переселенцев мы имеем дело с одно- или двухкамерной дерновой жилой постройкой, то сибирские немцы – выходцы с Украины возводили шести-восьмикамерные комплексы, «фронтонные дома», где хозяйственные и жилые помещения находились под одной крышей. «У немцев жилые постройки в большинстве случаев воздвигаются под одну крышу с амбарами и конюшнями; под той же крышей часто находится и колодец, таким образом, в зимнюю непогоду они имеют возможность выполнять обычную работу по хозяйству под защитой кровли» [Сборник..., 1913, с. 170].

Дома располагались узким фронтоном к улице. Вход был с правой стороны, либо с внешнего торца. Внутренние помещения располагались линейно. «Визехаус» возникает как модификация казенного колонистского дома – «избы из двух связей» [Терехин, 1999, с. 148]. Жилые помещения располагались анфиладой. В дворовом крыле имелись коровник, конюшня, свинарник и дровяник. В «связном» пространстве размещались сени (*Vorhaus*), кладовка (*Backhaus*) и кухня. Параллельно улице располагались амбар и сарай для машин (*Querscheune*) [Малиновский, 1968, с. 102]. Овчарня и птичник шли параллельно дому, образуя второй ряд построек, перпендикулярных улице.

В пос. Гоффентальском, основанном «самарскими» немцами, преобладал саманный вариант русского «дома из двух связей», симметричная в плане постройка. В отличие от прямоугольной в плане украинско-немецкой пластанки – «визехаус», этот дом имел П-(«покое»)образную форму, раскрытую во двор. Подобная конструкция наследовала строительный опыт небогатой и густо застроенной ремесленной колонии нагорной стороны Волги (см. рис. 7, 38).

Примерно треть орловских хозяев сразу обзавелась фронтонным саманным домом, конструктивно схожим с «визехаус». На 1954 г. из 68 домов с. Орловка 18 представляли собой «визехаус», поставленные в 1910-е гг. В тот же период лишь семь хозяев смогли обосноваться в более дорогом саманном жилище (ОАС Купинского р-на НСО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 89, 90). Жилые комнаты имели деревянный пол, а кухня – земляной. Хозяйственные постройки выносились в отдельно стоящие здания. В посёлках украинских

немцев к саманному «крестовому дому» примыкала летняя кухня; у «самарских» немцев она располагалась отдельно [Малиновский, 1968, с. 102].

Саманные «крестовые» дома в 1920-е гг. преобладали в орловской застройке (14 саманных против 8 «визехаус»). В относительно благополучные 1926–1928 гг. пластанки не возводили вовсе (ОАС Купинского р-на НСО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 89, 90).

Окна в пластанках были маленькими, как из-за конструктивных особенностей (слишком толстые, до 1 м, несущие стены), так и по причине дефицита топлива. В саманном доме было светлее: «...окошки в доме были сверху закруглены – снаружи над рамами был снят слой самана, чтобы больше света было» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.). Для обогрева пластанки использовался вариант русской печи без тяги – «груба», которую топили сухим камышом, кизяком, либо тальниковыми прутьями. «Печи отличались от русских. Были они без поддувала. Топили кизяком, ракитой... Вперед плита, сзади котел. Летом на полозья ставили котел и плиты. Хлеб в этой печи всегда сгорал» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.). Саманные дома колонистов отапливались печкой-«голландкой». За ней обычно помещалась небольшая лежанка, через которую проходил дымоход. Двери использовались одностворчатые. В сарае дверь запиралась на пружинную щеколду (*Klinke, Schnipper*), снаружи дверь в дом закладывалась деревянной палкой – «ригелем». Навесные замки на дверях отсутствовали.

Наличие фонда целинных земель, используемых как луговые угодья, значительный удельный вес экстенсивного скотоводства в хозяйственном укладе сибирских немцев нашли выражение в оформлении усадьбы и жилища. Усадьбы украинских немцев Кулунды сохранили деталь, красноречиво выражающую отношение к преобразуемому ландшафту. В отличие от забутованных, сухих и чистых поволжско-немецких дворов, территория двора украинского немца была покрыта «ковром» из спорыша-«конотопа». Делянка «конотопа» (более половины сотой гектара) в засушливый период (июнь, август) представляла собой место резервного выпаса телят и основную дневную территорию домашней птицы. «Это конотоп. Его скотина хорошо ест и птица щиплет» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.).

Белёные стены пластанок и саманных домов украинские немцы украшали нарисованными цветами. Рисунок наносился скрученной тряпкой, которую макали в цветную глину; позже стали использовать масляные краски. «Цветочные» граффити цветными мелками

автор наблюдал на стене дома сибирских немцев 1970-х гг. рождения и в 2001 г. (пос. Александро-Невский). По воспоминаниям Э.М. Липы, в конце 1950-х гг. земляные полы в с. Орловка украшали цветочным орнаментом из песка (ПМА, Э.М. Липа, 1950 г.р.).

Интерьер колонистского дома являл собой пример обстоятельного обустройства. «Изготовлением мебели здесь чаще всего занимались не специальные мастера, так как рынок сбыта был достаточно узким, а плотники и столяры, которые выполняли и другие работы. Они делали платяные шкафы, диваны, кровати, комоды. Более простую в изготовлении мебель, например, столы, табуреты, скамьи, колыбели, мог изготовить практически каждый мужчина» [Смирнова, 2002, с. 93].

В 1930-х гг. набор мебели в середняцкой среде был нехитрым: стулья, стол, родительская и детские кровати. У «самарских» немцев Гофентала в доме находился обязательный атрибут поволжско-немецкого интерьера – деревянный диванчик-канапе. По свидетельствам информантов, дома русских и украинских переселенцев региона в межвоенный период были обставлены более скудно: кровать (для родителей), стол, лавки. Информанты упоминают «стол» из двух широких досок, прибитых к двум колям, вбитым в земляной пол, либо вырубленный из пласта, который затем покрывали клеёнкой. Присутствие в немецком интерьере традиции, вынесенной из материнских колоний, хорошо иллюстрирует следующая деталь: «В Орловке краснодеревщик был отличный – Ванзиттлер. Все шифоньеры его были. У него был один цивилизованный размер. Когда шкаф в пластанку вносили – в землю приходилось его *вкатывать*» (ПМА, А.Г. Крауз, 1938 г.р.).

Санитарное состояние жилищ немецких колонистов выгодным образом отличалось от положения дел в избах и пластанках переселенцев-славян. Спали колонисты на отдельных кроватях, дети – на тюфячках с соломой (*Strosack*, солома менялась два раза в год), взрослые – на перине. Укрывались взрослые и дети перинами, либо стёгаными одеялами, под голову клали пуховую подушку. На наволочках вышивали изречения-«шпрухи»: «Спокойного сна», «Порядок бережёт время» и т.д. На стирку и кипячение белья уходило два дня в неделю: обычно понедельник и вторник. При стирке использовалось мыло собственного изготовления.

Мылись колонисты раз в неделю, в субботу. Мытьё происходило на кухне, в бочках и шайках. «И по одному, и по двое мылись. Детей побольше в бочку набивали. Воду меняли после каждой смены»

(ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.). При мытье использовалось покупное туалетное мыло. Воду в бочках нагревали раскаленными в печи гирями. Уборка жилых помещений производилась перед «баней»: дети и подростки натирали земляной пол раствором глины и навоза, добавляя для отдушки чабрец или полынь – универсальный, применяемый повсеместно в жилищах с земляным полом традиционный способ поддержания чистоты и избавления от блох.

Вместе с тем, возведенные из грунтового материала дома сибирских немцев были сырыми, темными, непрветриваемыми. В семье цветнопольского «лишенца» И.Ф. Шеффера жена и дети болели туберкулезом легких (ГАНО. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 512. Л. 35). Лечился от «страшной болезни» – костного туберкулеза его земляк Н.А. Бауэр, комсомолец-активист (ГАНО. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 27. Л. 39). Эпидемии конца 1910-х гг. не обошли стороной сибирско-немецкие села: жена И.Ф. Шеффера практически утратила зрение вследствие трахомы.

Одежда. Мужская зимняя одежда кулундинцев довоенного периода состояла из овчинного полушубка и стёганных брюк, поскольку овчина и шерсть были самыми доступными материалами местной выделки. Полушубки немцы изготавливали сами, тулупы заказывали в русских деревнях. Женщины зимой носили полушубки и тёплые шали. Мужское нижнее бельё, рубахи, юбки и блузки покупали на районных ярмарках. Детское и женское нижнее бельё изготавливали хозяйки.

Выходная одежда кулундинского немца состояла из «городского» платья фабричного производства или сшитого на заказ. Мужчины носили суконные картузы, ситцевые рубахи с косым воротом, полушерстяные пиджаки и широкие брюки, заправляемые в хромовые сапоги. Женская одежда состояла из «готовых» блузок светлых тонов, длинных полушерстяных юбок и кожаных ботинок. На воскресную молитву женщины приходили в одежде тёмных тонов (летом – в ситцевых платьях); голову покрывала косынка, либо капор.

Для работы в поле колонисты надевали хлопчатобумажные рубахи и шаровары, сшитые хозяйкой, либо изношенную выходную одежду. Демисезонная повседневная обувь – «шлёры» (сыромятные, либо хромовые сабо). Зимняя обувь была представлена короткими валенками на шнуровке.

Поскольку в сибирских условиях оказалось выгодным овцеводство (в регионах выхода колонистами оно не практиковалось

из-за дефицита выпасов), весьма заметное место среди домашних занятий занимало прядение и вязание. Пряли с помощью ножной прялки. Вязали чулки (до колен – у мужчин, выше – у женщин), шарфы (красили покупным красителем), а также рукавицы (двойные). В основном шерсть шла на изготовление валенок: катанок – для выезда, чёсанок – для домашних хозяйственных дел. К чёсанкам полагались покупные галоши.

Питание. Прозвище сельского немца, использовавшееся в с. Антоново русскими соседями немецких колонистов, – «штрули» (от *Strudel* – пирог с фруктовой/ягодной начинкой). Оно отражает преобладание мучной пищи в кухне российских немцев (ПМА, Ф.А. Ланг, 1950 г.р.).

Переработка мяса включала заготовку колбас: «красной» («роудвошт»), представлявшей собой полуфабрикат фарша для последующего приготовления сырокопченой колбасы и ливерной («лебервошт»), готовой к употреблению. Весной коптили свиные окорока и грудинку, оставшиеся с зимнего забоя. В Орловке была одна коптильня на несколько хозяев. Обладатели печки-«голландки» имели возможность коптить мясо в дымоходе.

Специфические особенности кухни сибирских немцев возникли из-за замены ряда продуктов, широко употребляемых в украинских и поволжских степях, но отсутствовавших в Сибири. Так, вместо арбузного сиропа использовали патоку из корнеплодов, а отсутствие фруктов компенсировали степной ягодой. Большой удельный вес в структуре питания немцев-сибиряков имели мясо птицы (в т.ч. дичь) и рыба. Баранину употребляли в тёплое время года и только в варёном виде. Курдючный жир перетапливали и использовали преимущественно в фармакопее. Основным горячим напитком украинских немцев был *Pribs*, сваренный из жареного и растолчённого ячменного, либо пшеничного зерна – аналог *Cave* поволжских немцев. В немецких колониях Купинского района варили *Zyckorienpribs*. Грибы колонисты в пищу не употребляли, хотя шампиньоны в изобилии росли на «мауре» – ограде из навоза на огороде.

Отсутствие вблизи населенного пункта источника пресной воды обусловило повышенное внимание сибирских немцев к рациональному использованию продуктов переработки молока. Горько-солёная вода из местных колодцев не подходила для выпечки. В итоге в летние месяцы хлеб заводили на сыворотке (*Molge*), а зимой использовалась снеговая вода.

Соционормативная культура сибирских немцев. В 1920-е гг. продолжался процесс институционализации конфессиональной жизни в немецких деревнях Северной Кулунды. Так, в Цветном Поле местным учителем Рудольфом Нейманом был основан баптистский хор (ГАНО. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 300. Л. 8), а лютеранскую общину дважды в год посещал пастор (ГАНО. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 56. Л. 5). Согласно ходатайствам цветнопольцев, лишенных гражданских прав «по религиозной линии», к служению в баптистской общине мог быть допущен любой грамотный прихожанин.

Демографическая ситуация в сибирско-немецких поселениях на 1926 г. оценивается исследователями как чрезвычайно благоприятная: «Во-первых, доля трудоспособного населения была... выше, чем в других этносах. Во-вторых, трудоспособные немцы были очень молодыми – более 80 % из них еще не достигли 40 лет. В-третьих, высокий удельный вес детей... свидетельствовал о благоприятном режиме воспроизводства трудовых ресурсов как минимум в ближайшие 15 лет» [Славина, 2002, с. 456].

При имянаречении сибирскими немцами использовался фонд личных имён, имеющийся в клане. Стоит отметить, что в баптистских семьях при наречении в большей степени ориентировались на ветхозаветную традицию (Табея, Сарра, Лия, Бениамин, Даниель, Самуил и т.д.). Встречались имена греческого происхождения (Софья, Наталья, Николай). В семьях лютеран предпочитали христианизированные германские и латинские имена: Герда, Зельма, Лотта, Эрна, Густав, Оскар и т.д. (ОАС Купинского р-на НСО. Ф. 78. Оп. 3. Д. 118).

В колониетских семьях младенцев укладывали в деревянную «качку» (*Wiege*). Сосками и их вариантами не пользовались. При пеленании было принято оставлять ножки ребенка свободными.

Игры, в которые играли дети сибирских немцев в 1930-е гг., отражали меньшую степень модернизации немецко-сибирской деревни по сравнению с поволжскими колониями. Среди мальчиков была наиболее популярна игра «Раенікі» («в бабки»). Девочки играли в тряпичные куклы (*Poppole*). Немалый интерес вызывала игра «Таеніск» (аналогична русской игре «в чижа»). Аналогом русской «лапты» выступала «Schlagbaale». Шашки сибирских немцев представляли собой фасолины разного цвета, а мяч для игры в «Schlagbaale» делали из конского волоса.

Телесные наказания в колониетских семьях практиковались редко, почти исключительно в отношении мальчиков. «Отец никогда не бил детей. Они беспрекословно слушались. Мать – да,

шлѣпала» (ПМА, Ш.Ф. Литау, 1922 г.р.). Среди школьных наказаний информанты упоминают стояние провинившихся в углу на коленях. Однако подобные меры были редкостью. Среди мер дисциплинарного воздействия преобладали устные внушения. Как правило, ребёнку выговаривали спокойным тоном, нередко использовали обидные слова.

Разговоры на повышенных тонах были чрезвычайным явлением в семейной и публичной жизни сибирско-немецкого села. Как правило, конфликтовали соседи, разрешая межевые споры. Физическое насилие было неприемлемо по отношению к женщинам, равным и старшим по возрасту. Драки, как и другие нарушения закона, протестантским сообществом воспринимались как явления, неприемлемые в жизни общества. Упоминаемое Т.Б. Смирновой нанесение порицающих надписей на ворота [2003а, с. 22], либо навешивание на забор досок с указанием вины домохозяина было крайним выражением остракизма в немногочисленном сельском коллективе, где обычно все решалось устно, «по-свойски».

Социальные отношения. Сибирские немцы отличались высокой степенью кооперации и чувством сплочённости. Актуальный опыт создания успешных хозяйств на целине, формировавшийся под знаком евангельских ценностей, позволял сибирскому немцу чрезвычайно высоко оценивать небольшой коллектив родственников и единоверцев, воспринимать построенное им общество как совершенное.

В частности, Л.Г. Краус в интервью Л.В. Малиновскому дал такую апологию своему брату, «кулаку» и эмигранту Иккертю: «У моего брата дела шли лучше. У нас скот подыхал, а у него нет, ему везло в таких вещах. Шесть лошадей имел и три-четыре коровы, только пять детей было, из них три мальчика» (ГАНУ. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 1. Л. 18). «Повезти» могло любому члену семьи. «Было в Розентале два брата – бедный и богатый Грабовские» (ГАНУ. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 2. Л. 12). Достаток на целинных землях зависел в основном от сноровки и удачи.

В вопросах найма и эксплуатации рабочей силы сибирские немцы были прежде всего гражданами сельского общества. Батрачество и услужение, не лишённые выгоды, но имеющие выраженную окраску мирской поддержки клиентские отношения, – неотъемлемая часть жизни доколхозной переселенческой деревни. В немецких селах «обществом» назначались конкретные люди, ответственные за сироту до достижения трудоспособного возраста.

«В 1908 г. отец умер, над нами поставили опекунов, Шютц Генриха и Дель Карла, тоже были бедные люди» (ГАНУ. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 2. Л. 12). Договоры о найме за 1928 г. по с. Цветное Поле предусматривают проживание с хозяевами, питание «тем, что сами кушаем», снабжение бельем и верхней одеждой по сезону («шуба, пимы, пиджак, сапоги»), стоимость которых сопоставима с 10-месячным денежным содержанием батрака (60–80 рублей) и гарантируют двухмесячное содержание по болезни (ГАНУ. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 378. Л. 3). И.Ф. Шеффер, добываясь восстановления в гражданских правах, заявляет об опеке над батраком, а не его эксплуатации, поскольку содержал «прислугу» круглый год, в то время как рентабельным («капиталистическим») в деревенском понимании был лишь сезонный найм (ГАНУ. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 512. Л. 4). Лишенный в 1929 г. права голоса И.Х. Кунст так описывает обстоятельства «эксплуатации»: «Действительно, я имел батрака, но причина найма у меня была большая жена (рак). Болела семь лет, из них три года лежала в постели, не вставая, а я одинокий человек, не мог ухаживать за женой и вести свое хозяйство. Невольно приходилось нанимать ввиду негодности моей жены к работе... Когда снова женился, принял к себе два пасынка, *которых только нужно было воспитывать...*» (ГАНУ. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 237. Л. 12). В декабре 1930 г. бывшие цветнопольские батраки Бухмиллер, Шиц и Эйрих подали в местный избирком прошение о восстановлении в правах «лишенца» Людвиг Рая, «так как тов. Рей... не держал Карла (Шица. – А.О.) как батрака, а взял его приемным “в дети”». Избиркомом также было установлено, что Л.Г. Рей «батрачку держал не в целях наживы хозяйства, а по случаю болезни жены (ненормальной)» (ГАНУ. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 378. Л. 8). «Идеологически грамотный» бывший председатель колхоза И.Г. Эдель, описывая батрачество в рамках ленинской схемы, все же воспроизводит неоднозначность явления: «Крепкие крестьяне имели возможность эксплуатировать бедноту, в плохие годы они заставляли бедных работать за хлеб и это называли еще “добротой”» (ГАНУ. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 1. Л. 13). Неграмотная Л.Г. Краус цитирует мнение брата – «крепкого крестьянина» Иккерта: «Когда была уборка, то Вильгельм нанимал себе парнишку, а то всегда говорил, что лучше сам сделает, чем человеку копейку платить» (ГАНУ. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 1. Л. 19). Эти суждения свидетельствуют о примате мирского долга над соображениями выгоды при найме батрака в сибирско-немецкой деревне.

Для небольших немецких сёл Северной Кулунды было характерно доминирование партнёрских отношений над конкуренцией земляческих и конфессиональных групп или кланов. «Расслоения среди населения нет абсолютно никакого и не чувствуется в дальнейшем», – констатировал в 1929 г. один из пропагандистов, комментируя аналогичную ситуацию в немецкой деревне Рубцовского округа [Белковец, 1995, с. 44]. В выводах государственной комиссии, обследовавшей немецкие сельсоветы на предмет причин возникновения эмиграционных настроений в 1930 г., отмечено, что «немецкая деревня вся перероднилась, переплелась сетью родственных и бытовых отношений» [Белковец, 1995, с. 70].

Подобному положению дел очень способствовал актуальный опыт взаимоотношений с фискальными структурами Советского государства – прежде всего, продотрядами. Приведём высказывание секретаря немсекции при Алтайском губкоме РКП(б) И. Лигерера: «Продкампания совершенно наголову разбила немецких крестьян, т.к. они платили и при этом постоянно избивались и запирались в холодные амбары...» [Савин, 2004а, с. 123]. Именно непоследовательные, алогичные, противоречащие официальным декларациям о триумфе человека труда, немотивированно жестокие действия советских фискальных структур крайне затруднили дальнейший диалог сибирских немцев с государством, обусловили их ориентацию в основном на внутриконфессиональные и локальные связи.

Сибирские немцы, за исключением немногочисленных сельских администраторов, оставались «несоветизированным» населением. «Коренизация аппарата нигде не проведена; живой связи мало, а там, где она существует, она не дает желательных и необходимых результатов», – констатировал замнаркомпроса Курц, инспектировавший весной 1930 г. немецкие районы Сибкрая [Материалы..., 2002, с. 364].

Грамотные, бывалые сибирские немцы построили весьма эффективные сельские коллективы под знаком христианского социализма. Подавляющее большинство грамотных немцев Сибири на 1926 г. были «продуктом» конфессиональной школы: 88,6 % мужчин и почти 93 % женщин читали только на готике [Славина, 2002, с. 457]. На страницах алтайской немецкой газеты «Der Dorfrat» в 1920 г. бывший пастор Я. Штах «призывал соотечественников последовать примеру “пролетария Иисуса из Назарета”» [Савин, 2004а, с. 103].

Язык и образование. Тем не менее, в немецких сообществах наместились перемены. В середине 1920-х гг. возникли сельские «кружки самообразования». В частности, в с. Цветное Поле в 1927 г. повышали уровень знаний 12 мужчин (из них 11 немцев) – не менее 10 % взрослого мужского населения деревни. Пять кружковцев были кандидатами в члены ВКП(б), один – комсомольцем (ГАНУ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1643. Л. 89).

Колонистская школа в конце 1920-х гг. утрачивала конфессиональный характер. «В немецких сёлах Сибирского края уже к 1928 г. большинство учителей составляла молодёжь, окончившая школу-девятилетку или педтехникум, в том числе за пределами Сибири» [Белковец, 1995, с. 103]. Однако задача интеграции в русскоязычную среду перед национальной школой в 1920-е гг. еще не ставилась. Советское просвещение национальных окраин основывалось на доктрине «коренизации».

По сообщениям информантов, в конце 1920-х гг. колонистский ребёнок имел возможность посещать четырёхлетнюю школу с занятиями на немецком языке. «Обучение было совместным, и даже больше – “спаренным”. Первый и третий классы в одном помещении занимались, второй и четвертый – в другом» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.). Препятствием для посещения занятий было только отсутствие минимального достатка в семье. «В большинстве сёл до 50 % детей не посещало школу, часто из-за отсутствия одежды и обуви» [Белковец, 1995, с. 103]. По этой причине не посещали школу сироты и дети бедняков. «Я не ходила в школу, неграмотная. Родители мои умерли, когда мне три года было. С 12 лет уже в людях работала» (ПМА, К.В. Бухмиллер, 1914 г.р.). «Семи лет шли в школу. От семьи зависело: отдать ребёнка в школу, или нет. Одеваться, обуваться – ведь надо было. У меня 17 человек было семьи» (ПМА, Ш.Ф. Литая, 1922 г.р.). Нередко родители оказывались в ситуации выбора: кого из детей снарядить в школу. В первую очередь снаряжали мальчиков. «По данным Всесоюзной школьной переписи 1927 года, среди учащихся немецких школ мальчики составляли 56,4 %, девочки – 43, 6 %» [Гербер, 1996, с. 110].

Показателем образованности и выражением педагогической речевой культуры для колонистов являлось знание *Hochdeutsch*. «Российский немецкий» так и не сложился в единую языковую норму за неимением общего информационного пространства. На севере Кулунды были представлены южнофранкский (преобладал), поволжский, менонитский «платтдойч» и волинский

диалекты. Близки к литературной норме были средненемецкие поволжский и волянский диалекты. П.Я. Боннет так характеризует языковые процессы в среде купинских колонистов в первой трети XX в.: «Были в селе разнообразнейшие люди, которые друг друга не всегда понимали... С годами язык выровнялся, не по-литературному, а по-простому. В Граничном язык был “платтдойч”, в Нейфельде – “пелмезей”, в Николаевке – “волянский”» (ГАНУ. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 2. Л. 6–7). Стоит отметить, что информант Л.В. Малиновского в немецком варианте записи интервью именуется деревенское койнэ «prosto Sprache». Родной диалект сибирского немца был упрощенным (до трех падежей, редуцированная фонетика, отсутствие некоторых глагольных форм) деревенским языком, с помощью которого можно было объясняться с небольшой группой родственников и соседей.

Владение русским языком было в большей мере мужской привилегией в немецких колониях. «Отец говорил по-русски. Мама [русского] языка не знала. Так и умерла» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.). Женщины в северокулундинских немецких колониях вплоть до конца 1930-х гг. не покидали родных мест без сопровождения мужчин. Информанты-немки 1910 – первой половины 1920-х гг. рождения русский язык понимают, но по-русски не говорят. Сходную модель билингвизма, характерную для меннонитских сел Алтая, упоминает С.В. Соколовский: «Билингвизм распространялся в среде экономически активного населения и охватывал, главным образом, мужскую часть населения» [1996, с. 151].

Вместе с тем, лингвисты признают значительное влияние русского языка на российско-немецкие диалекты. Диалектолог В.К. Гейнц в конце 1960-х гг. отмечал: «Некоторые заимствованные русские слова выступают параллельно с их соответствиями в говоре как идеографические синонимы, например: *gase-grai*. Лексема “каша” (*gase*) выражает понятие “густая каша, сваренная на воде”, в то время как *grai* означает “жидкую кашу, сваренную на молоке”» [1969, с. 52]. Скорее всего, весьма ранним является и синтаксическое заимствование – частица «*be*» («*бы*»), используемая для описания нереальных, условных событий [Бетхер, 2003, с. 359].

Весьма значительным был и массив сведений о хозяйственной жизни соседей в русских крестьянских и в немецких колонистских общинах, несмотря на то, что отношения между поселенцами-славянами и немецкими колонистами в Кулундинской степи были

дистантными: сельские общины обладали отдельными земельными фондами; межконфессиональные и межэтнические браки стали заметным явлением лишь в конце 1940-х гг. Немцы и русские довоенной Кулунды эпизодически контактировали на волостных и районных рынках. В то же время информанты В.В. Эдель (1921 г.р.) и А.Д. Поличко (1929 г.р.) смогли очень полно описать варианты сбруи, использовавшихся в русских, немецких и украинских хозяйствах. Однако оба информанта принадлежали к сельским специалистам: Вильгельм Вильгельмович окончил ветеринарный техникум, Алексей Дмитриевич был дипломированным агрономом. Массив сведений о культурах соседей у крестьян присутствовал имплицитно. Для актуализации этой информации было необходимо образование.

ГЛАВА 2

СИБИРСКО-НЕМЕЦКАЯ КУЛЬТУРА В ПЕРИОД ИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (конец 1920-х – 1930-е годы)

2.1. Модернизация культуры сибирских немцев Северной Кулунды

Начало коллективизации сибирской немецкой деревни вызвало массовое миграционное движение, особенно сильное в Немецком национальном районе. В докладе комиссии Сибкрайкома, посвященном водворению «возвращенных» немцев, констатируется миграционная готовность половины из 5,5 тыс. немецких хозяйств Славгородского округа летом 1929 г, из которых выехали в течение полугода более 1,5 тыс. хозяйств (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 406. Л. 96). Миграционное движение сопровождалось массовыми распродажами имущества, забоем скота, порчей нераспроданного инвентаря. Сообщения информантов-староселов, проживавших в Купинском районе Барабинского округа, констатируют «единичные случаи» эмиграции самых зажиточных колонистов (ГАНО. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 2. Л. 9; Д. 1. Л. 14) (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.). Однако информанты упоминают тех немногих хозяев, которым удалось эмигрировать. На самом деле «брожение умов», как и масштабы ликвидации хозяйств в связи с коллективизацией и выездом, здесь были весьма серьезными. «Житель пос. Граничного Церникель Иван Карлович вместе со своим братом (бывший кулак) распространяли слухи о том, что... из Москвы должен прибыть делегат Кенинг (Геннинг. – *А.О.*) Кондрат и привезти документы для каждого на выезд» (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 470. Л. 259). В 1929 г. цветнопольцы ликвидировали сложный инвентарь, ломали и сдавали в утиль маслобойки, молотилки и мельницы (ГАНО. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 27. Л. 38). Миграционное движение было прекращено комплексом репрессивных и пропагандистских мер: «Церникель

Иван арестован. Меры по аресту Кенинг приняты...» (ГАНУ. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 470. Л. 259). В то же время пассивное сопротивление нескольких десятков тысяч немцев оказалось замеченным за границей. Кампания неповиновения в Немецком районе отсрочила раскулачивание «семей иностранных подданных тех стран, которые находятся в нормальных дипломатических отношениях с СССР» [Спецпереселенцы..., 1996, с. 51].

Модернизация производственной культуры. Хозяйства северокулундинских колонистов обладали к началу коллективизации внушительным набором современного покупного инвентаря. Согласно данным, приводимым В.В. Эделем, орловский колхоз «Умштурц», объединявший 80 хозяйств, в 1932 г. обладал 30 плугами, 20 буккерами, имел 12 лобогреек, 12 конных косилок, 10 конных грабель и 38 бричек (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.). По словам И.Г. и В.В. Эделей, степень механизации позволяла результативно вести хозяйство примерно на тысяче гектарах посевной площади, которую к тому времени освоила орловская сельская община (ГАНУ. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 1. Л. 14).

В.В. Эдель – председатель колхоза им. Тельмана в 1960–1981 гг. – так описывает процесс коллективизации: «Лошадей в 1931-ом отдали. Мы, середняки, отдали двух коров из трёх. Мелкий скот не трогали. Землю в колхоз отписали. Нам огороды только остались» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.).

В первые годы существования немецких колхозов в Северной Кулунде основная масса скота и семенных запасов находилась в хозяйственных помещениях колхозников, за что тем засчитывали трудодни. Как и прочие кулундинские крестьяне, сибирские немцы не имели опыта возведения и использования больших скотных дворов и зерноскладов. Первые опыты «социалистического животноводства» в д. Цветное Поле не имели принципиальных отличий от «молочно-товарных» начинаний в окрестных русских и украинских колхозах. «На ферме в телятнике сквозняк и грязь. Из-за этого недавно пало два теленка. Сейчас телята загнаны в изолятор, где неимоверная теснота. Кормят телят без всякой нормы, поят из ржавой посуды. Коровы грязные, молоко сдается низкого качества» (газета «Ударник» от 04.12.1935). В известной мере компенсировали скверную организацию молочных ферм в Нейфельдском сельсовете породный состав скота и личные успехи колхозниц. Телятницы колхоза «Рот Фронт» Е.Ф. Герцог и Р.Х. Рей за достижение рекордного «привеса телят метисов красно-немецкой породы»

были направлены на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в 1941 г. (газета «Ударник» от 25.05.1941).

Сибирские немцы шли на нарушения указаний райкома с тем, чтобы сохранить жизненно необходимый минимум ресурсов, получаемый почти исключительно за счет полеводства. Кулундинские районные газеты порицали немецкие колхозы за поздний сев: «“Сей в грязь – будешь князь” – правильно для России, а у нас в Кулунде надо поздно сеять» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.); «затягивание сенокоса» и «зеленые настроения» во время уборки (имевшие в основе стремление убрать вызревший, достигший оптимального качества продукт и рациональное использование сельхозтехники), запаздывание с вывозом хлеба «на глубинку» (рациональное использование тягла). «В колхозе, когда к нам уже агроном приезжал, находились грамотные мужики и спорили с ним, как вести хозяйство» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.). Спорить было о чем. Так, вместо хорошо себя зарекомендовавшего себя буккера власти приказывали пахать корпусным плугом, многополье заменялось «трехполкой».

Районная власть менее всего склонна была прислушиваться к мнению не только рядового колхозника, но и низового администратора, в любой нелояльности обнаруживая «происки кулака». «В колхозе “Нейдорф” Нейфельдского сельсовета 30 января проводился стахановский день по вывозке навоза для удобрения почвы. С раннего утра все колхозники приступили к работе, учитывая важность удобрения почвы в повышении урожайности. Не вышел на работу только член сельского Совета Шефлер. ...Он не только не принял участие в работе, а занялся агитацией колхозников против вывоза навоза в поле. “Успеем, товарищи колхозники, вывезти навоз, – с пеной у рта доказывал колхозникам этот кулацкий агитатор. – Куда нам торопиться: все равно толку мало от навозного удобрения”» (газета «Ударник» от 12.02.1936). «Председатель колхоза “Карл Маркс” Гук до сих пор не переключил полевые бригады на хлебоуборку. “Хлеб зеленый, косить рано...” Помогает кулаку в срыве урожая» (газета «Сталинский путь» от 25.07.1935).

Характер управления полевыми работами также вызывал нарекания районной газеты: «В колхозе им. К. Либкнехта, Нейфельдского сельсовета, в бригаде Рей Х.К. вспашка зяби идет черепашьими темпами. План не выполнен и на 50 проц. Это объясняется тем, что бригадир Рей *не занимается организацией труда на вспашке, редко бывает в поле*» («Ударник» от 16.10.1936). Без бригадирских

окриков в поле, «самотеком», нейфельдские колхозники успешно справлялись с плановыми заданиями, занимая в 1935–1937 гг. по различным видам сельхозработ с 3-го по 9 места (из 19) в «рейтинге» сельсоветов Чистоозёрного района и с 4-го по 21 (из 71) места – среди колхозов района (газета «Ударник» за 1935–1937 гг.).

Наибольшей эксплуатации в условиях колхозной экономики подвергались «лишенцы»: в колхоз их не принимали, ограничиваясь сезонным наймом. И.Ф. Шеффер в автобиографии написал: «Я работал почти день и ночь, работал где попало, чуть ли не в батраках, дабы только заработать кусок хлеба, на пропитание мне и семейству... Вступить бы в колхоз! ...Я стал бы работать в колхозе первым ударником, переносил бы все трудности в колхозном строительстве» (ГАНУ. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 512. Л. 42).

В середине 1930-х гг. немецкие колхозы Северной Кулунды стали получать новую технику. «Первую автомашину купили в 1935 г., в это же время пришли первые трактора и комбайны», – рассказывал первый председатель цветнопольского колхоза «Рот Фронт» П.Я. Боннет (ГАНУ. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 2. Л. 9). В организации МТС Андреевского района немецкое население приняло самое деятельное участие: в Студеновской МТС из 16 комбайнеров – 4 немца (2 из них – передовики), в Андреевской МТС – 4 из 20 (2 – передовики) (газета «Сталинский путь», август 1935 г.). В конце 1930-х гг. МТС располагалась в пос. Шендорфском. Коллективизация в кулундинских условиях отнюдь не означала безусловного прогресса производственной культуры: наряду с тракторами на орловских полях работали волы. «Волы только в колхозе появились, в единоличное время их не было» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 гр.).

Ценности традиционной культуры оставались более значимыми для крестьянина, нежели советские модернизационные инициативы-предписания. Это утверждение справедливо и в отношении производственной культуры, подверженной наибольшим изменениям в ходе советской аграрной модернизации. Так, и в середине 1930-х гг. осталась заметной разница в трудовых отношениях русских переселенцев и немцев-колонистов. Ее хорошо иллюстрируют два отрывка из очерков, напечатанных в Андреевской районной газете «Сталинский путь».

«Вывел я свой комбайн на участок ещё 23 июля, – говорит товарищ Соловьёв. – Отрегулировал, убрал в тот день всего 3 га. На другой день пустил на полный ход и убрал 15 га. А в следующие дни довёл дневную выработку до 20 га. Было у меня и забивание

соломотранспортёра, но я скоро это устранил. *Взял, переставил шестерёнку с колосового шнека на соломотранспортёр, увеличил его оборот – забивание прекратилось.*

В том же номере комбайнёр Мергель сообщает: «Успех работы комбайнёра во многом зависит от остальных работников агрегата. Прежде всего – помощника комбайнёра. Мой помощник Шнейдер А. добросовестно относится к машине, любит её – *вовремя про- чистит, проишприцует и тщательно проверит каждый винтик.*

Безаварийно водит свой трактор тракторист тов. Мор. Уверенный в свой комбайн и трактор я вывожу свой агрегат на полосу. Но какой должен быть участок для комбайна?

Чем длиннее участок, тем производительнее. Вот, например, на участке длиной 1 600 метров в колхозе “Гофенталь” я на “Сталинце” убирал по 22 га в день, а на участке длиной 800 метров больше 15 га не убирал» («Сталинский путь» от 12.08.1935).

Перед нами два крестьянина, поставленные в новые для своих культур условия производства, которые дают два различных ответа на вызовы советской индустриальной модернизации. Комбайнёр Соловьёв проявляет смекалку, подчиняя машину своей воле: для него чрезвычайно важно «явить чудо», покорить новое «дикое поле». При этом можно поступиться нормами эксплуатации техники. Для комбайнёра Мергеля залогом успешной сверхнормативной работы, напротив, является scrupulous исполнение инструкции, подчинение «работников агрегата» и элементов ландшафта машинному алгоритму.

Модернизация культуры жизнеобеспечения. *Жилище.* Недостаточность доходов для возведения новых домов и хозяйственных построек в условиях колхозного быта проявились в характере застройки сибирско-немецкого села 1930-х гг. Соотношение дерновых и саманных строений в Орловке на тот период составляло 13:8 (ОАС Купинского р-на НСО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 89, 90).

В этот же период «из пласта» возводятся и «общественные» постройки. «Здесьние люди избрали моего мужа председателем. “Краус умеет работать”, – говорили они. Для колхоза он построил коровник и другие здания» (ГАНО. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 2. Л. 18). «Визехаус» создавался как переселенческая «временка», либо жильё молодой семьи, но по причине колхозной бедности и «классового» порицания проявлений достатка «луговой дом» оставался основным элементом застройки немецких поселков Северной Кулунды до конца 1950-х гг.

Одежда. По свидетельствам информантов, возможность покупать одежду и материал фабричного производства у сибирских немцев сохранялась вплоть до конца 1930-х гг., в то время как русское население Кулунды уже к середине 1930-х гг. возвращается к льноткачеству и домотканой одежде. «Холст не делали и не использовали» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.).

Компромисс между фискальными требованиями государства и потребностями сельского общества был достаточно успешным хозяйственным начинанием: сибирско-немецкие колхозы могли обеспечить работников необходимым минимумом продовольствия на трудодни, более того, немецкие колхозники Кулунды в урожайные годы даже продавали зерно и муку. В наиболее тяжелом положении находились лишенцы-единоличники. Последствия «кратного» обложения И.Ф. Шеффер описывает лаконично: «...из-за плохой жизни померла жена, семейство раздето, ...хозяйство разбито, ...в таких трудных условиях я больше жить не в состоянии» (ГАНУ. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 512. Л. 23, 42).

Модернизация социальных отношений. Стремление выехать за границу было жестом отчаяния для крестьян, уже вложивших жизнь в освоение сибирских степей, состарившихся, либо родившихся в Сибири и не желавших другой родины: они отнюдь не разделяли мнения о непременной успешности своих колонизационных усилий в далеких, неведомых странах. Л.Г. Краус так воспроизводит семейное обсуждение темы эмиграции: «Брат хлопотал за нас всех, но мы не поехали – мой муж не захотел: “Здесь мы родились, здесь и останемся”, – сказал он» (ГАНУ. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 1. Л. 19). Орловский пресвитер Шиц предварил обращение к верующим, расцененное властями как «агитацию на выезд», на собрании 16 декабря 1929 г. следующими словами: «Если советская власть нас не восстановит в избирательных правах, то мы обязательно уедем в Америку, несмотря на то, что нам лучше хотелось бы жить на родине... Если бы нас не принуждали идти в колхозы, то мы бы не выезжали из России» (ГАНУ. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 470. Л. 231).

В ходе фискальных мероприятий 1928–1929 гг. и последующей сплошной коллективизации местное руководство столкнулось с массовым пассивным сопротивлением сибирских немцев. Колонисты отказывались вступать в колхозы и участвовать в репрессивной политике государства. «Массовые собрания абсолютно бойкотируются... На них не выступают и не голосуют ни “за”, ни “против”,

ни “воздержался”», – констатировал в начале мая 1930 г. председатель Славгородского окружка [Белковец, 2003, с. 98–99].

На протяжении первой половины 1930-х гг. жители д. Цветное Поле дружно подают ходатайства за «лишенцев»: в персональных делах содержатся петиции, подписанные «всем обществом» – до 70 подписей (ГАНУ. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 94, 378, 475). В августе 1930 г. жители соседней д. Николаевки даже подали прошение за арестованного и уже осужденного односельчанина: «Просим выдать Фурмана для обеспечения своей семьи, дабы не бросать их на голодную нужду» (ГАНУ. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 475. Л. 6). Апелляции к сельскому обществу наиболее ярко представлены в прошении Л.Г. Рея: «*Всем-всем известно, что мое хозяйство было не такое, что требовало применения наемного труда... Все это заставляло меня иметь работницу, но отнюдь не в целях извлечения прибыли или эксплуатации, что известно всему нашему обществу*» (ГАНУ. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 378. Л. 9).

«Раскулачивание» как шумная пропагандистская акция по ниспровержению «миroeда» среди сибирских немцев не имело успеха. «Кулаков у нас было мало, шестеро были признаны крепкими крестьянами, но не выселены», – вспоминает бывший председатель орловского колхоза И.Г. Эдель (ГАНУ. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 1. Л. 13). Впрочем, «кратное» обложение вынудило к бегству вчерашних «лучших людей» и «культурных хозяев». Пометки «выехал неизвестно куда» встречаются в половине дел купинских немцев, лишенных в 1929 г. «права голоса». Адрес выезда выявить было нетрудно: как правило, «лишенцы» выезжали на родину, либо в транзитные пункты ствольпинской миграции – туда, где еще оставались родственники. В частности, и «сын помещика» И.Д. Фурман, и «разваливший хозяйство» счетовод колхоза «Нацмен» А.Я. Бауэр оказались в немецких колхозах Омского округа (ГАНУ. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 27, 475). «Так как я остался ни с чем, то я вынужден был выехать с деревни в поисках пропитания. В первую очередь я направился в Донскую область к своим родным», – отмечает в автобиографии «лишенец» И.Ф. Шеффер (ГАНУ. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 512. Л. 35).

Беженцев ожидали скитания по объектам первой пятилетки. «В Донской области до 1930 года служил батраком и добывал себе дневное пропитание. С 1930 по 1932 год я работал при колхозе “Красный колонист”, где был назначен в бригаду отходников на производство угольных шахт, где я проработал один месяц. Я заболел, по выздоровлении меня прикомандировали в коллектив

рабочих Первого Керамзавода Коммунапромтреста ФЗК СССР, где я проработал один год и заслужил почетное звание Ударника четвертого года пятилетки. Оттуда я уволился ввиду заболевания моей жены и желания вернуться обратно в Сибирь. ...Остановился на ст. Исилькуль. Жену я поместил в больницу, а сам поступил на работу в укладочном городке, на участке работал кузнецом. Работал честно, о чем имею справку», – писал во ВЦИК И.Ф. Шеффер (ГАНО. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 512. Л. 35). «Когда мне ответили, что болезнь моей жены неизлечима, то я уволился и уехал на место старого жительства в дер. Цветное Поле, где через семь дней моя жена померла, оставив четырех малолетних ребятишек...» (ГАНО. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 512. Л. 35). Вернулся, чтобы умереть в родной деревне, и «лишенец» И.Х. Кунст (ГАНО. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 237. Л. 16).

Лишенцы, ходатайствующие перед районной и краевой властью о разрешении вступить в колхоз, ратовали в первую очередь о возвращении им прав гражданина сельского общества. «И вот уже проходит три года (с момента лишения избирательных прав. – *А.О.*), и вся наша деревня коллективизирована, все в колхозе! Только я один не в колхозе! Все мои ходатайства бесполезны, никто на мои просьбы не обращает внимания! Почему? За что?» – вопрошает цветнополец Л.Г. Рей (ГАНО. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 378. Л. 9). «Все мои братья работают дружно и по-ударному в колхозе», – отмечает его односельчанин И.Ф. Шеффер (ГАНО. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 512. Л. 42).

«Партийцев или вроде них у нас не было, только активисты были», – сообщает И.Г. Эдель (ГАНО. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 1. Л. 14). Своевременно вступившие в колхоз «крепкие хозяева» нередко сами выступали в качестве активистов как люди грамотные и сведущие в организации товарного хозяйства. Пресвитер, еще недавно «агитировавший за выезд», обладатель первой конной молотилки в Орловке, «Шютц с машинами был одним из первых колхозников, он честно работал до ареста в 1937-ом» (ГАНО. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 1. Л. 14).

Выбор властью жертв и героев «новой жизни» вызывал недоумение не только у «лишенцев». Строки о стабильной лояльности Советской власти («никогда не выступал, всегда голосовал, все выполнял в срок») в их прошениях были далеко не риторикой. В свою очередь, назначенные райкомом новые деревенские лидеры из числа бедняков не обладали влиянием на сельское общество, не могли распорядиться ни властью, ни хозяйством. «Председатель совета Даудрих В.Л. большевистского руководства подготовкой к весне не осуществлял, пьянствует, разлагается в быту, растратил 2 322 руб. 84 копейки, за-

нимается подлогами, попустительствует единоличникам... Райпрокурору тов. Лейман в пять дней подготовить обвинение и осудить» (газета «Сталинский путь» от 10.04.1935). «Первым председателем был мужик неграмотный, да ещё и пьющий – он сразу подал в отставку», – отмечает В.В. Эдель (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.). В декабре 1929 г. закрытое собрание Шендорфской кандидатской группы поставило вопрос об исключении двух кандидатов – немцев-бедняков, которые «ведут связь с кулацким элементом и систематически пьянствуют, не посещают партсобрания..., дискредитируют партию» (ГАНУ. Ф. П-28. Оп. 1. Д. 39. Л. 51).

Данные, представленные М.П. Малышевой и В.С. Познанским [1999], указывают на конгломерат общинных и колхозных норм в жизни кулундинских сёл 1930-х гг., на произвол сельской администрации. Репрессии в отношении наиболее зажиточных крестьян, рекрутирование новой сельской элиты из деревенских аутсайдеров привели к социальной деструкции. Кулаки были «лишены» прав, но институт батрачества сохранился, был представлен армией колхозных «разнорабочих». Зерно изымалось государством, но землю крестьяне считали своей. Скот был «обобществлен», но пойманных «скотокрадов» цветнопольцы «избивали обществом» [Малышева, Познанский, 1999, с. 202].

Произвол колхозной администрации в цветнопольском колхозе «Нацмен» послужил поводом к выходу «из артели» части колхозников в 1932 г. Счетовод колхоза был обвинен в торговых сделках с беженцами-казахами («казахам меняли хлеб на всевозможные предметы»), в то время как «члены артели страдали голодом». Чаша терпения односельчан переполнилась, когда администратор «даже нынешний год справил хату». Александру Бауэру припомнили эксплуатацию батраков «с раннего утра до позднего вечера» «за харчи» (приготавливаемые отдельно). Сын «вновь выявленного кулака» комсомолец-избач Николай Бауэр обвинил односельчан в заговоре и фальсификации показаний работниками сельсовета. Вероятно, фабрикация дела действительно имела место, судя по квалифицированной подготовке обвинений: в райисполком были направлены даже показания о подкупе счетоводом свидетеля – бывшего батрака. Имущество Бауэров было конфисковано решением сельсовета, сами они были вынуждены уехать из села. Лишь спустя два года их ходатайства были удовлетворены крайкомом, т.к. установили, что А.Я. Бауэр держал батраков, находясь на выборной советской должности (ГАНУ. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 27).

В этих условиях колхозники были заинтересованы в «грамотных» лидерах, способных на посредничество между районной властью и сельским обществом и умеющих выкроить необходимое количество ресурсов для выживания крестьян. В немецких колхозах Северной Кулунды в 1934–1935 гг. власть переходит к бывшим «крепким» середнякам, обладающим необходимым хозяйственным опытом и начальным образованием. Они позволяли колхозникам зарабатывать, подчас нелегальным образом. «В колхозе им. Карла Маркса плотники Рейзвих Егор, Бухмиллер А. и Мерц Яков работают на строительстве конюшни и систематически растаскивают лес. *Председатель колхоза Дель не принимает никаких мер.* Комсомольцы Гук, Даудрих» (газета «Сталинский путь» от 12.10.1935). Но «самодеятельность» немецких колхозов не устраивала районное начальство. В частности, третий председатель орловского колхоза И.Г. Эдель отмечает, что «район не одобрил» «слишком национальное» название колхоза, данное его предшественником Ф. Краузом (ГАНО. Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 1. Л. 14). «Сперва [колхоз назывался] “Umsturz” – “переворот”, значит, в крестьянской жизни. В 1934 году был первым секретарем Эйхе, колхоз стал имени Эйхе. В 1937 году Эйхе стал “врагом народа”, а колхоз – имени Фрунзе», – поясняет четвертый председатель орловского колхоза В.В. Эдель (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.). В 1938 г. нейфельдский колхоз «Грезонталь» переименовывают в колхоз им. Тельмана, а в 1940 г. цветнопольский «Нацмен» становится «Рот Фронтом» (Чистоозёрный р-н НСО).

В материалах районной прессы мы находим также свидетельства отхода от традиционных норм и проявления новых моделей производственных и личностных отношений. Упоминаются случаи хищения «социалистической собственности» и недобросовестной организации полевых работ, совершаемых в немецких колхозах. Фиксируют эти случаи селькоры – местные немцы из числа комсомольского и хозяйственного актива. «В колхозе “Грезонталь” грубо нарушают агротехнику. Пары и зябь не культивируют, а только боронят, да и боронование плохое и бороны плохие, борон “зигзаг” нет. Председатель Ерш и бригадир Церникель внимания не обращают. Призвать к порядку нарушителей агротехники», – оповещает общественность председатель соседнего колхоза Шиц (газета «Ударник» от 16.05.1937).

Колхозное строительство оставило заметный след и в сознании рядового немецкого населения. «За эти шесть лет... я себя считаю пролетаризованным, вполне перевоспитанным советским гражда-

нином», – подводит итог многолетним мытарствам И.Ф. Шеффер (ГАНО. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 512. Л. 42).

Сведения, имеющиеся о немецком населении в Андреевском РК ВКП(б) на 1937 г., никак не подтверждали сталинский тезис о «нарастании классовой борьбы». Районному отделу НКВД в 1936 г. досаждали четыре немца из четырех десятков местного «контр-революционного кулацкого и уголовного элемента»: два «уголовника», один «сектант» и один «кулак» (ГАНО. Ф. П-28. Оп. 1. Д. 150. Л. 2–4). При этом в 1937 г. два андреевских немца были «выдвинуты» в состав местной партийной номенклатуры – Карл Герман стал парторгом в Шендорфске, Андрей Зейбель – инструктором РК ВКП(б) (ГАНО. Ф. П-28. Оп. 1. Д. 188. Л. 153).

Социальный протест из-за скверного житья в колхозах сибирские немцы выражали так же, как русские и украинские соседи: путем миграции. В течение 1936 г. по четыре хозяйства выехали на Украину из колхозов им. К. Маркса и им. Ленина (пос. Александро-Невский), а также им. Микояна (пос. Шейнфельд). «Роте Аккерман» (пос. Розенталь) покинули девять хозяйств (из них шесть – «самовольно»), «Просвет» (пос. Луганск) – пять хозяйств. Из пос. Шейндорфск «в родный край» отбыли 11 хозяйств (ГАНО. Ф. П-28. Оп. 1. Д. 116. Л. 11, 12, 24, 31, 48). Среди выбывших преобладали «легальные мигранты», выработавшие более 200 трудодней. По русским и украинским хозяйствам средняя выработка мигрантов составляла менее 50 трудодней (ГАНО. Ф. П-28. Оп. 1. Д. 116. Л. 11, 12, 24, 31, 48). До половины семей бежали «неизвестно куда». Следует отметить, что одно из выехавших александро-невских хозяйств было водворено в 1934 г., согласно пометке в деле: «Шиллер Яков в 1934 г. приехал с Украины...» (ГАНО. Ф. П-28. Оп. 1. Д. 116. Л. 24).

Трафик между колониями выхода и сибирско-немецкими селами действовал вплоть до 1941 г.: согласно данным похозяйственного учета, в 1940 г. две семьи выбыли из пос. Шейндорфска во Франкский кантон АССР НП (ОАС администрации Карасукского р-на НСО. Ф. 8. Оп. 3. Д. 15).

Модернизация гуманитарной культуры. Согласно данным административного учёта по с. Цветное Поле на 1940 г., из 38 женщин 1880–1910-х гг. рождения 11 были неграмотными, а из 7 мужчин того же возраста не умели читать и писать двое (ОАС администрации Чистоозёрного р-на НСО. Ф. 262. Оп. 3. Д. 47). Данные по пос. Луганск на январь 1938 г. показывают, что гра-

мотность мужчин превышала средние данные переписи 1926 г., грамотность женщин осталась на том же уровне (см. табл. 10; рис. 8–14). «Библия – и всё. Художественную литературу никакую не читали, газеты – вряд ли, не помню», – характеризует грамотность орловцев в 1930-е гг. В.В. Эдель (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.).

В школах немецких сел Купинского района НСО наряду с немцами-сибиряками, получившими педагогическое образование в Славгородском педтехникуме, в 1937 г. работали оренбургские немцы, учившиеся в АССР НП [Белковец, 1995, с. 286–290]. К учителям «старой школы» принадлежал И.Г. Эдель (бывший шультмайстер), до 1936 г. преподававший в д. Граничной (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.). Однако если с педагогическими кадрами до репрессий 1937–1938 гг. дело обстояло более или менее удовлетворительно, то снабжение учебной литературой на родном языке в сибирско-немецких школах так и не было налажено вплоть до их русификации в 1938 г.

Отношение к учителю в сибирско-немецких селах Кулунды было почтительным. Открытая критика его действий категорически не допускалась. Педагог в глазах колонистов был куда более самостоятельной властной фигурой, нежели председатель колхоза: «Учитель определял будущее людей. Председатель и сам не знал, что с ним будет завтра» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.).

При всём несовершенстве школьного образования в сибирской деревне, семилетний цикл обучения создавал базу для интеграции как в «большую немецкую», так и в «большую русскую» культуру. «Русский у нас был как иностранный... Русский язык и русская литература у нас были. Пушкин был любим и понятен. Мы его первым изучали. Гёте из немцев был первым писателем» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.). Наиболее популярными у учеников-немцев предметами были точные дисциплины. «Самое главное в школьной науке – считать и решать!» (ПМА, Ш.Ф. Литая, 1922 г.р.). «Любимый предмет был – математика: тригонометрия, стереометрия, алгебра» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.). Однако степень погружения в русскую культуру в значительной степени зависела от внешних факторов. Так, бывший трудармеец, проработавший в хозяйствах Свердловской области до конца 1950-х гг. и говоривший в своей семье только по-русски, В.В. Эдель писал грамотно и стилистически верно, а говорил с небольшим акцентом. Его же ровесница Ш.Ф. Литая, никогда надолго не покидавшая с. Цветное Поле, по-русски не говорила. Орловский уроженец, новосибирский лю-

теранский пастор Иккерт, даже заполняя в 1962 г. «анкету служителя культа», допускал специфичные «немецкие» ошибки (ГАНУ. Ф. Р-1418. Оп. 2. Д. 42. Л. 6) (см. рис. 15).

Конфессиональная активность в сибирско-немецких селах севера Кулунды с началом коллективизации подавлялась государством. А.И. Савин упоминает о закрытии молитвенных домов поселений Граничного, Николаевки и Цветного Поля в 1930 г. [Brandes, Savin, 2001, S. 338]. Неприятие насильственных мер секуляризации проявлялось в характере социализации сибирских немцев 1920-х гг. рождения: «В пионеры мне родители не дали вступить. В школе меня тянули туда, потому что я был лучший ученик, передовой» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.).

Вместе с тем, идеологическое воздействие советской школы в условиях пресечения деятельности конфессиональных институтов было весьма эффективным, там действительно прилагались усилия по «советскому воспитанию» и интеграции в «новую жизнь». Цветнопольский избач Н.А. Бауэр считал себя «советским воспитанником со школьного возраста» (ГАНУ. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 27. Л. 28). «Учительница Шеффер Мария организовала колхозных детей на сбор колосьев. Ежедневно 40 малышей на полях колхоза “Рот Фронт” собирают по несколько кило колосков. Каждый колосок собран, ни зерна не оставить на колосе – вот задача, которую выполняют колхозники нашего колхоза! Даудрих» (газета «Сталинский путь» от 12.08.1935). «Ученики Шейндорфской школы под руководством учителя Мауль проработали письмо КрайОНО о выписке детских газет и одобрили его» («Сталинский путь» от 21.09.1935).

Советизация сибирских немцев старших поколений и в 1930-х гг. ограничивалась собраниями колхозников и активистов. Руководство немецких колхозов районная пресса нередко критиковала за «разделение» хозяйственных и политических задач: «Правление колхоза им. Тельмана Шейндорфского сельсовета недооценивает роль красного уголка. В колхозе имеется клуб, красный уголок, но благодаря оппортунистическим взглядам на вещи правления и председателя колхоза Шнайдер, красноуголец не выделен. Председатель колхоза заявляет: на красноугольца трудней нет, *мы и без него справляемся с заданиями*» (газета «Сталинский путь» от 17.03.1935).

Преодоление «трудностей перевода» – лингвистических и культурных барьеров – при трансляции актуальной властной риторики в сельские общины у купинских немцев было возложено на

местный актив. «Колхозники сельхозартели им. Грейзенталь Нейфельдского сельсовета – лучшие массовики колхоза. Ежегодно они выписывают центральные и краевые газеты. Тщательно прочитывают их сами, а потом производят громкие читки колхозникам. Сейчас, во время уборки урожая, колхозники Гофман, Шеффер и Бауэр ежедневно, в обеденный перерыв, читают колхозникам из газет, что делается в СССР и происходит за границей» (газета «Ударник» от 14.08.1935). Впрочем, в Андреевском районе пошли дальше «громких читок»: «Розучиваем новые песни. Немецкий колхоз “Роте Акерман” по-боевому организовал подготовку к 18-ой годовщине Октябрьской революции. Вся подготовка к празднованию проходит под лозунгом образцовой подготовки к стойловому периоду и завершению других хозяйственно-политических задач. Ставим перед собой задачей подготовить к октябрьским торжествам постановку и несколько новых песен *на своем языке*. Маркс И.» (газета «Сталинский путь» от 27.10.1935).

Сколько-нибудь внимательное и адекватное рассмотрение интеграции сибирских немцев в колхозное крестьянство указывало на относительную лояльность немецких сельских обществ, наличие примет советизации, принятие и даже ревностное исполнение решений местной власти. Лингвисты отмечают проникновение в 1920–1930-х гг. в речь колонистов лексем-канцеляризм: «Tovaristschestvo», «Kolchos», «Saim» информанты Малиновского не переводят на немецкий.

2.2. Социокультурные последствия репрессий 1937–1938 годов в немецких селах Северной Кулунды

Годы «большого террора» имели катастрофические последствия для сибирских немцев. «Практически всё взрослое мужское население было ликвидировано. По показаниям односельчан было взято и уничтожено 96 мужчин (по другим свидетельствам – 86) из 100 с небольшим дворов, имевшихся в Орловке. В деревне осталось четверо-пятеро мужчин. ...Немецкое крестьянское население было истреблено зимой 1937–1938 гг. в Граничном, Николаевке, Нейфельде, Красном Куте, Цветнополе...» – резюмирует Л.П. Белковец [1995, с. 281–283].

Обезлюдели и немецкие села Андреевского района Алтайского края. «С каждого третьего двора, считай, брали... Вечером на

кошёвке приедут трое и два солдата ещё с ними. К утру подвода уезжает – крик-стон по деревне. По двое, по трое брали. Вернулись единицы, три-четыре человека, которым по десять лет дали», – так информант воспроизводит ситуацию в с. Гоффенталь зимой 1937–1938 гг. (ПМА, Я.Я. Бендер, 1932 г.р.). В 1940 г. из 134 немецких хозяйств в Шендорфске 42 были вдовыми, в Луганске – 26 из 46, внесенных в похозяйственную книгу; 13 из 20 сохранившихся записей на 1938 г. по с. Розенталь содержат указание «изъят органами НКВД» по отношению к главе семьи (ОАС Карасукского р-на НСО. Ф. 8. Оп. 3. Д. 19, 22; Ф. 9. Оп. 3. Д. 3, 31).

В 1938 г. процесс автономного функционирования немецких хозяйств был приостановлен. Сибирско-немецкие колхозы за три года до войны вступили на путь использования труда «полуработников», вдов и сирот. Вчерашние исполнители второстепенных задач (по сути – общественных поручений) были вынуждены не только участвовать в основном производстве, но и руководить им. «Заведующий МТФ Арндт Амалия (колхоз “Найдорф”) одновременно исполняет обязанности письмоносца, в результате оба участка страдают» (газета «Ударник» от 06.10.38). Трагедия 1938 г. отменила практики компромисса и привела сибирско-немецкое население в условия полной зависимости от воли местного хозяйственного и партийного руководства.

Напуганные репрессиями немецкие колхозники начали использовать хозяйственные ресурсы на износ, стремясь выполнить властные предписания: летом 1938 г. колхозы Нейфельдского сельсовета Чистоозёрного района НСО первыми исполнили все повинности – от дорожных работ до уборки урожая («Ударник» от 11.05, 16.06, 26.06, 25.07, 07.08, 27.08, 04.09, 16.09.1938).

В урожайном 1938 г. немецкие колхозы севера Кулунды, лишённые в ходе репрессий основных работников, ещё выполняли план. Председатель правления колхоза им. Тельмана даже продавал «излишки» фуража, образовавшиеся вследствие убыли членов артели («Ударник» от 27.12.1938). Однако уже зимой 1940–1941 гг. сотрудники чистоозёрской «районки» наблюдают картину хозяйственного упадка, усугубленную неурожаем 1940 г. «Такие колхозы, как “Рот Фронт” (председатель Гофман, зав. МТФ тов. Боннет) до сего времени не уделили должного внимания созданию теплой и сытой зимовки для социалистического животноводства. Скотный двор, телятники, кошара и свиарники до сего времени стоят не ремонтируются. Скот сейчас отправить некуда. В колхо-

зе “Карл Либкнехт” Нейфельдского сельсовета (председатель тов. Шиц) до сего времени не приступили к ремонту: водопоем скот не обеспечен. Председатель тов. Шиц все эти безобразия видит, но соответствующих мер к устранению не принимает. Он мотивирует, что *нет людей...*» («Ударник» от 03.11.1938). «Автомашины не сохраняются. В колхозе “Рот Фронт” Нейфельдского сельсовета имеется две автомашины: они неисправны, стоят под открытым небом, незащищённые от ненастной погоды. В настоящее время в этом колхозе тяговая сила очень слабая, истощенная, мало ее, но правление колхоза не беспокоится о восстановлении имеющихся автомашин...» («Ударник» от 05.01.1941).

Три из четырех колхозов Нейфельдского сельсовета в 1940 г. последними сдавали зерно государству среди хозяйств района («Ударник» от 07.11.1940). Людей в немецких колхозах действительно осталось мало: помимо потерь от репрессий, немецкие села знали и миграционные потери. Так, из 164 хозяйств шендорфских немцев в течение 1940 г. выехали 30 (из них 15 – старосельческие) (ОАС администрации Карасукского р-на НСО. Ф. 8. Оп. 3. Д. 19, 22; Ф. 9. Оп. 3. Д. 3, 31).

Среди жертв «большого террора» в сибирско-немецкой деревне оказались не только граждане, проявлявшие молчаливую лояльность власти, но и «лучшие люди» – местные активисты, «проводники» Советской власти в немецких колхозах. «По Нейфельдскому избирательному участку № 177 Ерш Германа Адольфовича, Бухмиллера Альберта Егоровича..., разоблаченных как врагов народа, из состава комиссии отвести...» («Ударник» от 05.12.1938). В Андреевской районной парторганизации в январе 1939 г. осталось только 5 немцев из 140 местных коммунистов и кандидатов, в то время как в 1933 г. только в парторганизации сельхозартели им. К. Маркса (пос. Александро-Невский) насчитывалось 7 немцев (ГАНО. Ф. П-28. Оп. 1. Д. 188. Л. 133; Д. 182. Л. 40).

После «большого террора» стала замета деградация немногочисленного сельского актива, оставшегося без референтной аудитории, причастного к репрессиям в качестве доносчиков и «свидетелей» (пусть и под давлением следствия). В частности, основной «заявитель» по делу «орловцев» – председатель колхоза им. Фрунзе в 1940-х гг. «переезжал» от одной вдовы к другой, а «свидетель» – колхозный сторож «после 37 года всегда пьяный ходил. Рубаха расстегнута, стучит, бывало, себя в грудь: “Ich sind Stalin!”» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 гр.).

ГЛАВА 3

НЕМЦЫ ПОВОЛЖЬЯ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОПЫТ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МИГРАНТОВ

3.1. Немцы Поволжья в канун депортации: традиционная культура в условиях индустриальной модернизации

Первая автономия немцев-колонистов была образована в октябре 1918 г. постановлением СНК, утвержденным II Съездом Советов немецких колоний Поволжья из части территории Саратовской и Самарской губерний. В 1924 г. Трудовая Коммуна Области немцев Поволжья обрела статус автономной республики и более известные исторические названия: АССР НП, Немреспублика (см. рис. 4).

На 1939 г. немцы составляли большинство населения АССР НП – 366 685 чел. (60,4 %); значительной была численность русских – 156 027 чел. (25,4 %) и украинцев – 58 248 чел. (10 %) [Немцев Поволжья..., 1939, с. 598]. Расселение было компактным, совместное проживание немцев и украинцев, равно как и немцев и русских, было редкостью. Плотность населения в кантонах, из которых происходили позднее депортированные немцы, колебалась от 18,4 в Зельманском кантоне до 29,3 чел. на 1 км² – в Красноярском [Герман, 1994, с. 361, 365].

Культура первичного производства. *Хозяйство.* Немецкая колонизация Поволжья носила выраженный земледельческий характер. Благоприятные почвенно-климатические условия, нормы самоуправления, система обычного права, стимулы фискального характера и возможность создания компактных поселений, а также религиозная этика колонистов сделали эффективным немецкое экономическое присутствие на Волге. Престиж земледелия как основного рода деятельности был освящён религиозной традицией и поддерживался в колониях фискальной практикой Российской

империи. Присваивающие технологии природопользования были оставлены далёкими предками колонистов ещё в Германии. Они присутствовали в виде редких, подчас осуждаемых рекреационных занятий: «У нас так говорят: кто охотит да удит – толку с этого не будет».

Природные угодья для колониста всегда были предоставленной, либо купленной (арендованной) территорией, обеспечивающей семью и общество. Уже по водворении «отношения общины с государством регулировалось письменными контрактами, заключавшимися колонистами с российскими органами управления» [Лебедева, 2007, с. 61]. Стоит также отметить, что первые немецкие колонисты прибыли в 1760-е гг. отнюдь не на «ничейную» территорию. Первичное хозяйственное освоение будущего Немецкого Поволжья было уже осуществлено скотоводами – башкирами и казахами, а плодородие почв региона и богатство гидроресурсов было известно русским крестьянам.

Характер хозяйственных занятий колонистов отличался большой вариативностью при сохранении основной земледельческой специализации. Доминирование в немецком Поволжье общинного принципа землеустройства неизбежно вело к малоземелью, аграрной перенаселенности колоний. Вековой исторический опыт поволжских колонистов предполагал решение проблемы аграрного перенаселения за счёт ремесленной переквалификации крестьянина и вторичной колонизации. Многообразие производственных практик в дальнейшем оказало хорошую службу в адаптации депортированных немцев в местностях с угасшими во время коллективизации ремесленными производствами. Среди депортированных в Северную Кулунду немцев находились мастера, быстро приобретавшие известность в пределах нового района проживания: «Отец был знаменитый столяр...» (ПМА, Г.С. Котлярова (Эльшайдт), 1928 г.р.); «Буфет? Его дедок Эльшайдт делал. Теперь таких не делают. Залмон хорошо всё делал, даже маслобойки» (ПМА, Л.Д. Крунэ, 1915 г.р.).

Аграрная миграция поволжских немцев. Со второй половины XIX в. вследствие аграрного перенаселения, послужившего толчком к конфессиональным конфликтам в протестантских колониях, получила распространение миграция, преимущественно из «старых» колоний нагорной стороны Волги. По мере освоения близлежащих территорий Заволжья поволжско-немецкая колонизация распространилась и на более отдаленные территории – Юж-

ный Урал и Закавказье. С 1871 г. поволжские немцы основали десятки колоний в Канаде, США и Аргентине. Несмотря на впечатляющий размах колонизации, не стоит переоценивать «универсальность» миграционных возможностей поволжских немцев: алгоритм немецкой колонизации включал тщательную подготовку к добровольному переселению. «Обращает на себя внимание планомерность, предрасчитанность кампаний переселения и основания населенных пунктов – инициировались ли они государственными ведомствами или сообществами мигрантов; во втором случае константной была самоорганизация участников процесса. Создание компактных ареалов проживания планировалось изначально, причем поселенцам предлагалась или же доставалась функция первопроходца...» [Терехин, 1999, с. 173]. Зонально-климатические предпочтения поволжских немцев к XX в. устоялись в пользу степей умеренного пояса. Социальные условия, устраивавшие колонистов, были и вовсе «тепличными»: они обустроивались под защитой правительственных гарантий – земли предоставлялись на льготных условиях покупки либо аренды, предполагалось освобождение от налогов на длительный срок и т.д.

Советская модернизация поволжско-немецких колоний. Советской экономике «в наследство» достались развитые ремесленные промыслы и мелкие агропромышленные производства колоний, чья продукция имела стабильный спрос на внутреннем рынке и зачастую производилась из бросового сырья (например, плетёные изделия из соломы и прута, курительные трубки из древесных корней). Пожалуй, самая выразительная черта Немреспублики, в особенности первых десяти лет ее существования, – альтернативность, присутствие развитых автохтонных практик модернизации: будь то кооперация и механизация сельского хозяйства, школьное дело или санитарно-гигиенические мероприятия. Но, как и в ряде других аграрных районов СССР 1930-х гг., эти «встречные инициативы» всё менее учитывались советским государством – низовые практики, привычные, адекватные природно-климатической и социокультурной среде технологии проживания, заменялись шаблонами, экспрессивно внедряемыми и подчиненными задачам тотального государственного регулирования методами ведения хозяйства и нормами обыденной жизни.

Обобщающая экономическая характеристика АССР НП, приведённая в Большой советской энциклопедии выглядит так: «Передовой и высокоразвитый сельскохозяйственный район с быстро

развивающейся промышленностью» [Немцев Поволжья..., 1939, с. 598]. Поволжский регион был подвержен циклическим колебаниям урожайности. Хозяйственникам АССР НП (особенно на уровне среднего административного звена) представлялось необходимым создание многопрофильных аграрных комплексов после голода 1921–1922 и 1932–1933 гг. Среди возделываемых культур основное место принадлежало яровой пшенице (46 % посевной площади по республике), дополняемое в Кукукуском и Мариентальском кантонах плантациями подсолнечника, бахчевых и табака, молочно-мясным животноводством. В Зельминском кантоне, помимо выращивания пшеницы, товарное значение имело возделывание горчицы и мясошерстное животноводство.

Летом 1945 г. в ряде районов НСО были составлены списки невостробованных специалистов из числа спецпереселенцев. Профессии, указанные в «Списке спецпереселенцев-немцев, имеющих среднее, высшее и специальное образование и используемых не по специальности в районах НСО (на 17 августа 1945 года)» (ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 196. Л. 101–113), зафиксированы на основании трудовых книжек, справок с места работы, квалификационных свидетельств (см. рис. 16). Однако среди поволжских немцев было большое количество «недокументированных» профессионалов, обретавших квалификацию в процессе хозяйственной деятельности. Родители информантов – поволжских немцев были заняты в деревообработке (плотницкое, столярное, мебельное дело) и изготовлении обуви, работали в табаководстве и садоводстве. Голод 1932–1933 гг. обусловил рост отходнического промысла. Среди родительских профессий информантами упоминаются: плотник-бетонщик (работал в г. Ленинграде), строитель, дорожный рабочий.

Интенсификация сельского хозяйства тоже оставила свой след в списке профессий поволжских колонистов: среди специалистов, выселенных в Купинский район НСО, находились два председателя колхоза, заведующий нефтебазой, зоотехники, агрономы, операторы маслозавода. Из представителей инфраструктуры в с. Новониколаевка Купинского района НСО попали врач (хирург), три учителя, воспитательница детского сада, пекарь.

«Отцу тогда лет сорок было. Сапожник был. Обувь шил – куда там магазинная!» (ПМА, Т.И. Гросс, 1928 г.р.). «Дед плотничал, телеги делал, шкафы мог делать» (ПМА, Е.М. Сульзбах, 1931 г.р.). «Мама “на червях” работала, где шёлк выпускали» (ПМА, В.А. Милаенко (Лобес), 1935 г.р.). Среди сельских профессий

родителей информантов – немцев Поволжья мы практически не встретили «разнорабочих» – неквалифицированных «батраков»: все депортированные, ранее задействованные в общественном секторе аграрного производства, имели специальность.

Культура жизнеобеспечения. *Поселение и жилище.* Немецкие колонии Заволжья были крупными сёлами: Мариенталь – 5 385 чел., Прайс – более 5 тыс. чел., Красный Яр – 5 435 чел., Паульское – более 2 тыс. чел. (с квартальной застройкой) [Герман, 1994, с. 249]. «Родом я из села Куккус, большая была деревня...» (ПМА, Е.И. Крумм, 1916 г.р.).

Квартальная планировка колоний изначально была следствием настояний российской администрации («опекунских контор») и данью классицизму российской бюрократии конца XVIII – середины XIX в. Однако в последней четверти XIX в. эти архитектурные решения становятся полноценным этнодифференцирующим фактором: где бы ни основывали крупную колонию поволжские немцы, везде новые поселения имели выраженную квартальную застройку.

Дома колонистов являлись развитием «русского оригинала» – прежде всего «дома из двух связей» (предоставленного «опекунской конторой» колонисту по водворении) и крестового дома (как наиболее удобной деревянной постройки).

Поволжские колонисты не имели нужды в приусадебном огорождении: овощи росли на полях, небольшие площади близ домов были отведены под фруктовые деревья. «Укрупненные размеры участков-домовладений давали возможность помещать функциональные звенья нижнего уровня (передний и задний дворы, гумно, сад) внутри самого участка; все остальные элементы (огород, выгоны и пр.) выводились за пределы селитьбы» [Терехин, 1999, с. 131].

«Застройка “дочерних” поселений в Левобережье примечательна собственными строительными шаблонами, в частности, подходом к сооружению сырцовых (саманных) жилых домов. Поздний (1850–1860-е гг.) возврат к этой технологии был вынужденным: в глубине заволжских степей любая доска была привозной, поэтому колонисты покупали на волжских пристанях лишь необходимый минимум материалов (балки и доски для потолка и стропил) и готовых изделий (рамы, двери). Глина же добывалась непосредственно в селах, по берегам малых рек...» [Терехин, 1999, с. 167]. Деревянными домами располагали выходцы из приволжских колоний (например, Паульского), где была возможность дешевой лесоперевалки.

Для земледельческих колоний, которые преобладали в Заволжье, был характерен «покоеобразный» тип дворовой застройки: «Дом располагался длинной стороной по красной линии застройки; здесь же (по другую сторону от въездных ворот) обязательно возводился и дом-дублер – летняя кухня» [Терехин, 1999, с. 147]. Основным помещением для хранения зерна служил чердак.

«Дом в Куккусе был саманный. В доме две комнаты было. Наш нынешний как скворечник по сравнению с ним» (ПМА, Е.И. Крумм, 1916 г.р.). Нелестное сравнение информанта обусловлено сокращением не площади, а объема «сибирского» строения, лишенного большого чердачного помещения. «Особенности объемно-пространственного решения выражались, главным образом, в трактовке крыши и заключенных под ней помещений. В аграрных колониях Поволжья обычно встречались полущипцовые (с окнами-продухами) крыши, называемые колонистами “французскими”, либо щипцовые – с проветриванием чердака посредством окон» [Терехин, 1999, с. 147].

В убранстве фасадов саманных домов преобладала побелка, гармонирующая с окрашенными в синий цвет рамами. Наличники в деревянных домах украшали простым геометрическим узором. Ворота красили в синий, реже – красно-коричневый цвет. Выражением компромисса между колонистской общиной и государственными опекунскими органами, следствием проникновения в повседневную жизнь колониста бюрократических норм были вывешиваемые на домах «фасадные дощечки», извещавшие о несении домохозяином каких-либо обязанностей перед сельским обществом. Подобная дощечка из коллекции Саратовского областного музея краеведения сообщает об обязанностях хозяина дома возить воду в бочке в случае пожара в селе [Хозяйство..., 1998, с. 6].

Рационализация связей с кормящим ландшафтом проявилась в декоративном убранстве фасада поволжско-немецкого дома, которое уступало в эстетическом отношении жилищу зажиточного русского крестьянина. Необходимость в сложной охранительной и иной символике у немецких колонистов отсутствовала уже на момент приезда в Россию. Якоб Дитц, описывая «суеверия» поволжских немцев, упоминает в основном ритуалы, которые производили в случае, если равновесие нарушалось злонамеренным человеком. Предотвращение порчи не требовало сколько-нибудь сложных магических процедур [Дитц, 1997, с. 397].

Советская модернизация сферы жизнеобеспечения. Опираясь на наиболее подготовленное по ряду параметров к социокультурной модернизации население (уже в начале XX в. ориентированное на механизированное полеводство и интенсивное животноводство), чрезвычайно работоспособная и относительно компетентная управленческая элита Немреспублики смогла достичь впечатляющих результатов.

Действительно, в АССР НП эффективно функционировали медико-санитарная и ветеринарно-зоотехническая службы. Так, к 1937 г. в Немреспублике была фактически уничтожена оспа, крайне редки стали случаи заболевания дифтерией. Число больниц к 1939 г. достигло 62 (в том числе 6 специализированных – туберкулёзных и венерологических). В среднем на тысячу жителей Немреспублики приходилось 3 койкоместа [Герман, 1994, с. 252]. «В результате Ленинско-Сталинской национальной политики и, в частности, широких оздоровительных мероприятий, физическое состояние населения НП АССР значительно улучшилось» [Немцев Поволжья..., 1939, с. 604].

Однако рассмотрение «побочных эффектов» модернизации превращает «цветущий уголок» в поле битвы. По подсчетам В. Кригера, в 1932–1933 гг. Немреспублика потеряла 45,3 тыс. чел. (т.е. около 8 % населения), которые умерли от голода [2002а, с. 473]. «Всего 11 детей в семье было. Да в тридцатые голод был. В маленьком возрасте шестеро умерли...» (ПМА, Н.Ф. Крунэ, 1938 г.р.).

Культура жизнеобеспечения поволжских немцев приобрела характер этнодифференцирующего признака. Интерьер поволжско-немецкого жилища в 1930-е гг. в основном сохранял традиционные черты с отдельными элементами модернизации быта. «На столе клеёнка всегда была – не дрянь, как сейчас, а клеёнка. На кухне большая была скамейка, стулья, канапе. У родителей был ящик (Kiste), шкаф. Вешалки у нас в доме были, простые рукомойки, шторы. Дома был крашенный деревянный пол. Качественная была краска – дерьмо сейчас. Стены белили. На стенах – фотографии и вышивка, всё в рамочках. Шторы делали сами, кто как мог. Спали в Поволжье на деревянных койках. Дети – по двое-трое на койке. Спали на перине...» (ПМА, Е.А. Крумм, 1916 г.р.).

Высокий уровень личной гигиены колонистов достигался за счёт ежедневной влажной уборки жилых помещений, максимально комфортного содержания помещений для скота и отхожих мест, тщательного ухода за одеждой. «Отличались мы (от мест-

ных жителей. – А.О.), как приехали. Привычка делать все аккуратно осталась и по сей день. Мы так приучены: делать уборку. У других – грязь по колено» (ПМА, О.С. Эльшайдт, 1925 г.р.).

Борис Пильняк, описывая облик колонии, назвал порядок, царящий в домах поволжских немцев, «хирургическим». «Пильняк в своем рассказе восклицает: “Непонятно – люди для чистоты или чистота для людей!”» [Энгель-Брауншмидт, 1996, с. 131]. Всё в доме чётко исполняло хозяйственные и рекреационные функции, гармонизировало процесс коммуникации, служило предлогом беспрестанных развивающих упражнений. Если земледельческие угодья колонистов поддерживались в плодородном состоянии за счёт удобрения почв, многопольного севооборота, постоянного усовершенствования инвентаря и агротехнологий, то порядок в немецком доме достигался путём каждодневного труда незанятых в полеводстве членов семьи. «Мать с утра даёт задание. Пол мыть – рогожной тряпкой, потом идёт мягкая. Если восьмёрки на полу остаются: “Как ты мыл?!”» (ПМА, О.С. Эльшайдт, 1925 г.р.).

Уровень благоустройства колоний в годы Советской власти мало соответствовал призывам к «новому быту». А.А. Герман отмечает существование тяжелейшей жилищной проблемы, неразвитость коммунального хозяйства и инфраструктуры в городах и рабочих поселках Немреспублики. Так, в АССР НП не велось строительство государственного жилья, крайне медленно развивались водопроводные сети, образчик чистоплотности – поволжские немцы проживали без канализации. Единственным крупным советским успехом в деле благоустройства населенных пунктов стала электрификация.

Среди предметов повседневного обихода у немцев Поволжья в конце 1930-х гг. присутствовали изделия фабричного, кустарного и домашнего изготовления. В частности, посуда была представлена кустарной керамикой из красной глины, обычно глазурированной; использовалась также металлическая посуда фабричного производства, деревянные и стеклянные ёмкости для консервирования. Наиболее характерные для поволжско-немецкой материальной культуры предметы обихода – скалки с подвижными ручками, прямые коромысла с выемкой для плеч, *Woschtspritz* (шприц для изготовления колбасы), в 1920–1930-е гг. частично вытесненный *Woschtmaschin* – ручным станком-прессом (см. рис. 17, 18).

Одежда поволжского немца к 1940-м гг. состояла из наборов готового платья. Исключением была детская и частично женская

одежда. Шили ее в основном из хлопчатобумажных тканей и сукна фабричной выработки. В домашних условиях изготавливались вязаные вещи. «У нас, детей, пальтишки были, у матери – тужурка, когда сюда приехали. Платья были. Всё фабричное» (ПМА, В.З. Куропова (Гербер), 1927 г.р.) (см. рис. 19–21).

К 1930-м гг. в наибольшей степени домашний труд среди немцев Поволжья был представлен разнообразными женскими ремёслами: шитьём, вышивкой, вязанием, изготовлением кружев, плетением из лоскутков. Для поволжско-немецкой хозяйки конца 1930-х гг. это были скорее рекреационные, нежели жизнеобеспечивающие техники. «Выбивали, шили, вышивали. Лет в семнадцать вышивать начала и вязать; лет до двадцати пяти этим интересовалась» (ПМА, Е.И. Крумм, 1916 г.р.). «Я сама много-много вышивала. Всё вышивала – картины, скатерти, покрывало на комод, подушечки» (ПМА, Ф.И. Эльшайдт, 1925 г.р.). «Из рукоделий – кружево вязали. На подушки, подол койки, скатёрку вывязать. Дорожки вышивали – просто, иголками» (ПМА, Е.М. Сульзбах, 1931 г.р.).

Соционормативная культура поволжских немцев. Религиозные представления. Первые немцы-колонисты происходили из крестьянских общин, в германских землях обладавших весьма сложной социальной практикой. Просвещенческий характер колонизации времен Екатерины II и Александра I проявился в том, что колонистская «община изначально формировалась как социальная организация, имевшая официальную структуру..., являвшуюся частью государственной системы управления, и наделялась формальными (полицейской и финансово-податной) функциями» [Лебедева, 2007, с. 61].

Екатерина II экспортировала не столько «образцового землепашца», сколько аграрные коллективы, успешно сочетаемые с просвещенческими практиками и методами аграрной и налоговой политики. В течение полувека с момента основания российские немецкие колонии эволюционировали от предельно регламентированных, бюрократизованных структур через конфликт с обычно-правовыми, неформальными практиками в «компромиссный» социум, максимально эффективно выполнявший свои функции в рамках предоставленных законодательством прав. Вплоть до ликвидации опекунских контор в 1871 г., государство выдерживало режим партнерских отношений, что привело к «эволюции колонистской общины от социальной организации общинного типа к социальной организации общественного типа» [Лебедева, 2007, с. 66].

Благодаря эффективной коммуникации с властью, высокой степени заинтересованности опекунских структур в оптимальном функционировании колониальных общин и, наоборот, необходимости предъявлять власти консолидированное мирское мнение, социальные проблемы колонистов постоянно находились в фокусе внимания, были предметом гласного и продуктивного обсуждения, в том числе и в ходе молитвенных собраний. Поволжско-немецкая община оказалась более институционально подготовленной к демографическому буму и аграрному перенаселению последней четверти XIX в., нежели русский «мир».

В конфессиональном отношении немцы Поволжья были лютеранами (составляли большинство по переписи 1897 г.) и католиками [Курило, 2002, с. 82]. Немцы-спецпереселенцы Кулунды из Зельминского кантона (расселенные на территории Краснозёрского и Карасукского р-нов НСО) были католиками, выходцы из прочих мест – лютеранами. Проживая в моноэтничном окружении, немцы Поволжья наделяли чертами «чужого» представителей иных конфессий.

Лютеранские общины в России были экономически автономны, содержали молельный дом – *кирху* с пастором и школу с законоучителем – *шультмайстером*. Возможность саморегулирования церковных общин обеспечила высокую устойчивость религиозной жизни колонистов к вызовам времени. Более того, экономическая жизнь колоний моделировалась, исходя из навыков совместной конфессиональной деятельности. Колонисты-лютеране были не просто соседями, но и членами «духовного кооператива». Многие экономические вопросы колонистов оказались разрешимы в конфессиональных категориях: в частности, аграрные миграции осмыслились переселенцами – российскими немцами в новозаветной традиции.

Католицизм в немецких колониях был «маленькой победой» конфессионального меньшинства. На протяжении второй половины XIX в. российское правительство вмешивалось в дела Тираспольской епархии (центр которой с 1850-х гг. «временно» находился в Саратове) с целью насаждения православия среди католического населения юга Российской империи, но в немецких колониях практически не преуспело. Конфессии поволжских немцев выдержали вызовы времени и конкуренцию со стороны доминирующей государственной религии. Конфессиональные ценности оказывали позитивное влияние на нравственный облик

колонистов и экономическое развитие колоний, а конфессиональная идентичность колониcтов доминировала над этнической.

До начала советской секуляризации религиозный опыт осознавался российскими немцами как важнейшая часть культуры, а воцерковленность – как ее эталон. *Hochdeutsch* ценился немцами-лютеранами не столько как «средство наддиалектного общения», сколько как язык богослужения. Немец-католик «умел петь», только если мог воспроизвести хорал. Исполнение народных песен оценивалось лишь как общедоступная забава [Шишкина, 2005, с. 159]. Секуляризация 1930-х гг. осознавалась поволжскими немцами как разрушение основ народной жизни. Вероятно, с этим обстоятельством считались и партийные функционеры Немреспублики: избитые прихожанами при закрытии кирх и костелов местные активисты получали взыскания за «перегибы». Но открыть церкви вновь местные власти все же не решились.

Советская секуляризация в поволжских колониях включала не только репрессивные, но и относительно успешные пропагандистские акции, что привело к деградации религиозного воспитания и образования. Культурное пространство, в котором проживали поволжские немцы, к концу 1930-х гг. представляло собой секуляризованный и сравнительно урбанизированный ландшафт при наличии действующих элементов советской инфраструктуры: магазинов, аптек, больниц, кинопередвижек, автобусного сообщения и т.д. Для немцев Поволжья «новый быт» был реальностью, а не абстракцией газетных передовиц. Колокольный звон, по которому протекала жизнь немецкой колонии, сменился маршевой музыкой духового оркестра. «Эх, вот на Волге на собрание сзывали – оркестр заиграет, и отец после какого-то такта говорил: “Всё, пора на собрание!”» (ПМА, В.Н. Долгаймер, 1928 г.р.) (см. рис. 22).

Несмотря на значительную деградацию, религиозное сознание большинства немцев продолжало сохраняться. Система представлений, в течение полутора веков совершенствуемая в рамках письменной традиции, не могла исчезнуть одномоментно. Советские культурные новации опирались на остатки конфессиональной инфраструктуры. Так, новые советские праздники были заменой престольных (у католиков) и локальных торжеств-ярмарок. Применительно к 1930-м гг. можно говорить и о частичном принятии новых идеологических норм: «Коммунисты церковь разобрали. Культурный дом сделали. Большой, красивый был клуб» (ПМА,

О.С. Эльшайдт, 1925 г.р.). Для информанта «коммунисты» не являлись «своими», но значимым был уже клуб, а не церковь.

В 1930-е гг. религиозные праздники оказались локализованы в семейном кругу и отмечались конспиративным порядком: «У отца к Новому году была припасена пара бутылок. Просто заходили гости – садись, выпей, закуси. *Приходили свои, все свои...*» (ПМА, В.Н. Долгаймер, 1928 г.р.). Из советских праздников наибольшей популярностью пользовались «Октоберфест» (7 Ноября) и 1 Мая. В относительно благополучных поволжско-немецких селах было возможным и уместным проведение митингов и демонстраций в поддержку начинаний Советской власти и собственных трудовых побед.

Отсутствие пастырского надзора и конспиративный характер совершения обрядов в этот период привели к обеднению профессионального опыта и снижению его конкурентоспособности по отношению к атеистической идеологии. Устранение института религиозной социализации (в лице шультмайстеров) у лютеран Поволжья, как и в других конфессиях СССР 1930-х гг., произошло насильственным путём.

Результатом советской секуляризации среди немцев стала упрощённая, семейная катехизация молодёжи. Поверхностно усвоенные религиозные нормы и знание основных ритуалов способствовали развитию уважения к религии и верующему человеку, делали возможным обращение к Богу в кризисных ситуациях. Однако вне деятельности церковной школы, без публичного обсуждения и компетентных комментариев оказалось невозможным формирование религиозного мышления, традиционно присущего немецким колонистам.

Для информантов 1920-х гг. рождения их родители уже были просто «верующими» людьми, чья конфессиональная принадлежность вспоминалась с некоторым трудом. «Родители, наверное, католики были. У дедушки и бабушки были распятия и иконы. На чердаке у нас хоронились...» (ПМА, В.Н. Долгаймер, 1928 г.р.). «Отец и мать лютеране были. Раньше все молились. А при нас уже строго спрашивали. Книги рвали церковные... Родители их в чердаке, в карнизе скрывали» (ПМА, М.И. Эрих, 1928 г.р.).

Состав семьи. «Колонисты весьма плодовиты, и до введения всеобщей воинской повинности семья в среднем выращивала четырех детей: семьи в пять, шесть и семь детей в колониях не редкость...» [Дитц, 1997, с. 380]. «В 1927 году... в АССР НП об-

щий коэффициент рождаемости – 6,08 % – был самый высокий среди народов СССР и означал практически биологическую границу воспроизводства» [Кригер, 2002а, с. 471]. Судя по интервью, среди водворенных в северокулундинские районы депортированных поволжских немцев преобладали простые двухпоколенные семьи. «Отца звали Иоганнес Иоганн Петрович, 1886 года рождения. Мама – Варвара Ивановна, 1885 года рождения. Девичья фамилия – Розенталь. Брат – Иоганн, 1914 года рождения, сёстры: Эмилия, 1912 года рождения; Мария, 1921 года рождения; Амалия, 1924 года рождения» (ПМА, Е.И. Крумм, 1916 г.р.). В кулундинские районы НСО осенью 1941 г. прибыли семьи, средний состав которых колебался от 3,9 до 4,6 чел. (ГАНУ. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 181. Л. 32–34). Информанты – поволжские немцы 1920–1930-х гг. рождения происходят, как правило, из семей с количеством детей не менее четырех.

Традиционная социализация. По причине усложнения хозяйственной практики в немецких колониях России начала XX в. непосредственное приобщение подростка к основному труду начиналось сравнительно поздно: в 12–14 лет. До этого момента подросток выполнял вспомогательные работы по дому и в поле: «Летом в нашем селе подросток мог на конфеты заработать. Лозу шурилы, корзины делали» (ПМА, П.А. Крайсман, 1932 г.р.).

Игры в поволжско-немецкой среде претерпели изменения, присущие институтам социализации в модернизированном обществе. Любимой игрой мальчиков-подростков в 1930-е гг. стал футбол. При сохранении интереса к традиционным играм – шашкам, «Taenick», «Café bone hinerhaus» (вариант «третьего лишнего»), тряпичным куклам («Porpole») – у девочек, солдатикам и «бабкам» – у мальчиков, стратегические игры младших школьников уже знали заимствования из кинематографа (игра «в Чапаева»).

Стремление обеспечить эффективное проживание оборачивалось быстрой модернизацией всех сфер традиционной культуры поволжских немцев на рубеже XIX–XX вв. и вело к преобладанию коммунитаристских стратегий взаимодействия над коллективистскими. В педагогической практике немецкий коммунитаризм выразился в неукоснительном соблюдении алгоритма деятельности и строгом разграничении полномочий при исполнении работы, индивидуальной ответственности за результат. Выполнение воли старших в немецких семьях было не только беспрекословным, но и точным. «Распределяли между все-

ми работу. Если что не так, отец только глянет: “Was?”» (ПМА, В.А. Дамм, 1938 г.р.).

«В семейной жизни они деспотичны и требовательны; дети находятся в беспрекословном подчинении родителей и за непослушание и шалости жестоко наказываются» [Дитц, 1997, с. 387]. Однако в 1930-е гг. дисциплинарные меры, практикуемые родителями информантов, были уже весьма умеренными. «Мать, бывало, ругает – веником даёт по горбу. Вечером играть убежали. Но в девять часов чтоб дома были. Такие вот шалости... Бывало, попадало мне от родителей. (Не хотел я учиться.) В пятом классе, как на уроке натворю – шлепка от матери получишь. Отец не бил, мать только. Отлупит – тут же обнимет, пожалеет» (ПМА, О.С. Эльшайдт, 1925 г.р.). «А нас родители не били: ругать ругали. От поручения отказываешься – ругает мать...» (ПМА, Ф.И. Эльшайдт (Вейде), 1925 г.р.).

Уже в процессе воспитания поволжский немец оказывался вовлеченным в семейную жизнь как в процесс коллективного противостояния природе и соперничества с соседями. Успех в этом состязании достигался за счет ответственного исполнения корректно сформулированных родительских поручений. Если в русской крестьянской среде был важен процесс семейного труда как демонстрации лояльности родительской власти и семейной солидарности, то в колониетских семьях тщательно отслеживался и оценивался именно результат индивидуальной и групповой работы.

Гуманитарная сфера. Русско-немецкие контакты в традиционной культуре. При слабом «личном» знакомстве с русской крестьянской культурой немцы опирались на вековой опыт контактов, обобщенный в виде стереотипов. «Когда Господь Бог создавал людей, за русского он принялся с похмелья. Лепил, лепил, а он всё разваливается. Вдохнул Бог, достал верёвочку, перевязал русского и сказал: “Gehst Du im Welt, Russopaend!”». Это присловье, неоднократно приводимое информантами – поволжскими и сибирскими немцами в разных районах Северной Кулунды, выражало основной негативный гетеростереотип российского немца: в отношении русских постулировалась неаккуратность, недисциплинированность.

Russopaendl (букв. «русский отвес») – пеньковая верёвка, которой «на скорую руку» подпоясывали верхнюю одежду прямого кроя русские крестьяне. Кулундинскими немцами эта идиома используется в значении «недотёпа», «неумеха». Русским пугали

маленьких детей: «Придёт Russe с огромным мешком, тебя в мешок кинет и уйдёт». Склонность к воровству – второй по частоте упоминаний негативный стереотип.

Гендерной вариацией к образу русского являлось словосочетание «руземачка» – «русская матушка». В отличие от почтительного обращения в родной языковой среде, у немцев это выражение приняло насмешливый, иронический характер – «неряшливая, неприбранная женщина».

Благодаря высокой групповой сплочённости колони́стские общины могли решать достаточно сложные хозяйственные задачи, соблюдая необходимую культурную дистанцию с русскими и немецкими иноверческими общинами.

Однако изоляция немецких колоний была относительной. Своеобразие системы жизнеобеспечения отнюдь не исключало обширных хозяйственных контактов с иноэтничным окружением. Один из реформаторов колони́стской школы в правление Александра III, чиновник Министерства народного просвещения А. Формаковский в 1887 г. заявлял: «Наши немцы – не фанатики, не сепаратисты и доступны влиянию. Нужно попытаться прежде всего создать это влияние, и тогда многое, чего мы желаем, они сделают сами» [Плесская, 2005, с. 122]. Постепенная утрата диалога государства с колони́стскими общинами и распространение на колони́стов клишированных характеристик «имперского» немца были производными непродуманной национальной политики и малой компетенции российских публицистов начала XX в. Упреки в «замкнутости», изоляционизме, предъявляемые сельским российским немцам, происходили в т.ч. от слабого знания русской крестьянской культуры – высоконтекстной, усваиваемой индивидом тотально и только путем многолетней социализации в общине.

Основательность присутствия, высочайшее качество хозяйственного обоснования на самом деле было парадоксальной компенсаторной реакцией на неполноту «историко-мифологических» прав на родной ландшафт. Российский немец делал всё основательно, т.е. постоянно находился в попытке обосноваться. «Средний» колони́ст был богаче русского крестьянина, однако благополучие немецких поселений давалось нелегко.

Лингвисты отмечают, что в поволжско-немецком диалекте к началу XX в. насчитывалось более сотни заимствований из русской лексики [Громазина, Кноль, 1995, с. 520]. За время существования немецкой автономии на Волге к экспрессивной или культурно-спе-

цифической лексике добавился советский «новояз». Однако полтора сотен русских слов для дальнейшего существования в условиях дисперсного расселения было недостаточно.

На опыте межнациональных отношений в новообразованной республике немцев Поволжья негативным образом сказывались форсированные начинания «культурной революции». Так, политикой «коренизации» (1920 – первая половина 1930-х гг.) было недовольно население русскоязычных кантонов АССР НП, где вводилось делопроизводство и дополнительные школьные занятия на немецком языке. В свою очередь, немецкое население раздражала «интернационализация» (на деле – русификация) образования и общественной жизни конца 1930-х гг. Немецкая и русская общественность республики критиковала руководство за излишнюю уступчивость «центру» и пренебрежение местными интересами. Исследователи указывают на ожесточение межевых споров в голодные годы, осложнявших соседские отношения немецких колоний и русских деревень [Герман, 2005, с. 84–85].

Образование. Помимо престижа грамоты, объясняемого конфессиональной спецификой (в особенности у лютеран), интерес к образованию обуславливался и пониженным контекстом поволжско-немецкой культуры по сравнению с русской крестьянской культурой. Поволжские немцы с момента вселения оказались перед необходимостью иметь универсальный язык общения (*Hochdeutsch*) и знание религиозной составляющей немецкой культуры. Потребность в развитии этих средств межгрупповой коммуникации привела к созданию системы конфессионального образования в колониях.

В процессе модернизации традиционного уклада жизни в поволжских колониях ещё до начала советской культурной революции сформировалась сеть «реальных» школ. Советская «культурная» революция стимулировала этот процесс. За два десятилетия существования АССР НП в деле просвещения были достигнуты значительные результаты. До 1937 г. в республике выпустили полтора миллиона школьных учебников. Сельские поселения АССР НП обладали развитой социальной и образовательной инфраструктурой: при колхозах существовали дошкольные и школьные учреждения. В 1937 г. ясельная сеть АССР НП составляла 384 объекта [Немцев Поволжья..., 1939, с. 604]. В школах республики на 1937 г. обучалось более ста тысяч человек; на одного учителя здесь приходилось 32 ученика [Немцев Поволжья..., 1939,

с. 602–603] (см. рис. 23). Почти все информанты – поволжские немцы 1920–1927 гг. рождения закончили семь классов. Факты оставления школы ранее семилетнего срока упоминаются ими как «порок биографии», нуждающийся в приведении веских причин: «Я шесть классов кончила. Дальше – родители не пустили» (ПМА, Г.Г. Кениг, 1926 г.р.).

Модернистские попытки интегрировать все немецкое население в общесоюзное коммуникативное пространство были связаны с русификацией образования и прессы. В плотно населенном немецком Заволжье, регионе с относительно высокой степенью модернизации и широкими хозяйственными связями, распространение русского языка было более широким, нежели у сибирских немцев Северной Кулунды. Однако свободное владение русским языком и интеграция в русскую культуру были характерны для лиц со средним специальным и высшим образованием – профессиональной и управленческой элиты Немреспублики. «Среди нас были люди, что по-русски разговаривали: Минна Александровна Гофман (она русский в школе вела), по географии учитель Ойрих Виктор Соломонович, физик Пауль Яковлевич...» (ПМА, О.С. Эльшайдт, 1925 г.р.).

Поволжско-немецкие призывники проходили службу в национально-территориальном Ленинградском полку (г. Энгельс), либо национальных подразделений удаленных частей РККА (младшие офицеры которых обязаны были владеть немецким) [Шульга, 2000]. Большая часть мужчин-отходников работала на предприятиях Немреспублики [Малова, 2002, с. 467]. В результате уровень владения русским языком даже среди взрослого мужского населения АССР НП оставался низким. При этом объем и качество хозяйственных связей с соседними регионами существенно не страдали.

Большая часть немецкого населения АССР НП проживала в моноэтничных поселениях. Реформа национальной школы, проводимая на фоне репрессий в отношении управленческих и профессиональных национальных элит, не имела значительного успеха в освоении русского языка, в том числе и по причине отсутствия необходимой языковой практики. «По-русски мы на уроках читали, но что читали – того мы тогда не ведали...» (ПМА, О.С. Эльшайдт, 1925 г.р.). Занятия в начальных классах сельских школ по-прежнему велись на немецком языке (в т.ч. из-за нехватки кадров). Изучению русского языка в начальной школе посвящался один урок в неделю.

Оценка опыта модернизации АССР НП. Писатель Георг Люфт в конце 1930-х гг. суммировал достижения советской автономии в статье Большой советской энциклопедии: «НП АССР в результате последовательного проведения Ленинско-Сталинской национальной политики стала республикой цветущей социалистической культуры» [Немцев Поволжья..., 1939, с. 603]. На момент ликвидации в Немреспублике функционировали 5 вузов (педагогического и сельскохозяйственного профиля), 14 техникумов и рабфаков. Общее количество студентов разных форм обучения превышало 6 тыс. человек, примерно столько же специалистов различного профиля ежегодно повышало квалификацию на краткосрочных курсах [Немцев Поволжья..., 1939, с. 603].

Успехи АССР НП были внушительными, но за фасадом парадной риторики энциклопедии остались секуляризация и коллективизация, «чистки» 1937–1938 гг., русификация образования.

Исторический опыт АССР НП чрезвычайно актуален в контексте нациестроительства: это был масштабный и воистину титанический по усилиям исполнителей (германских немцев-интернационалистов и местных активистов) социальный эксперимент. Происходившие в Немреспублике процессы были в значительной степени инспирированы внешними воздействиями – директивами союзного руководства или же утопическими идеями интернационалистов. Титульное же население АССР НП во всё большей степени отчуждалось от власти – вплоть до минимизации присутствия в политической элите республики. Однако было бы неверно отрицать изменения в сознании и повседневности колонистов в результате масштабных социокультурных воздействий.

По поводу оценки исторического опыта Немреспублики в советской публицистике рубежа 1980–1990-х гг. А.А. Герман замечает: «Что касается журналистских публикаций, то они в подавляющем своем большинстве основывались на некритическом восприятии материалов довоенных отечественных официальных изданий... Информационный прорыв по проблемам немцев имел и одно серьезное негативное последствие – был реанимирован миф сталинской эпохи о социалистической республике немцев Поволжья как о “цветущем уголке” советской страны, где “зажиточно и счастливо” жили ее граждане, где немцы могли в полной мере реализовать свои национальные интересы и потребности» [2007, с. 10].

Современные высказывания информантов – поволжских немцев конца 1920–1930-х гг. рождения, не знакомых с раритетными изданиями Немреспублики, о покинутой родине, тем не менее, почти не расходятся в степенях оценки со сталинскими энциклопедистами: «Эх, на Волге жили...» Поволжье осталось для информантов «страной детства» – местом, где «все по уму», где дома больше, улицы прямее и чище, а товары и продукты только «качественные».

Анализируя «образы прошлого» поволжских немцев Э.Р. Барбашина приходит к следующим выводам: «В жизни отдельных людей и народа в целом появляется ярко выраженный водораздел – “до” и “после” депортации. В “жизни до” доминирующее положение всё больше занимают позитивные образы и ценности: высокий уровень жизни, высокие показатели в развитии культуры и образования, обустроенный быт, красота естественной и преобразованной трудом многих поколений немцев природы – цветущие сады, ухоженные поля» [2001, с. 495].

3.2. Депортация немцев Поволжья в зону Северной Кулунды: социокультурные аспекты

До депортации поволжские немцы Северной Кулунды проживали на территории Куккусского, Маркштадтского, Красноярского, Зельминского и Лизандергейского кантонов АССР НП (ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 352). В результате реализации постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. и Указа Президиума ВС СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» в сентябре – октябре 1941 г. органами НКВД была осуществлена депортация поволжских немцев в районы Сибири и Восточного Казахстана. На территорию Северной Кулунды тогда прибыли более 13 тыс. немцев Поволжья (ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 181. Л. 32–34) [Герман, 2007, с. 543–548].

Тотально перемещенное поволжско-немецкое население плохо подходило для нужд освоения Сибири по своей половозрастной структуре: 20–22 % взрослых мужчин, 30 % женщин, около 30 % иждивенцев – детей до 7 лет и стариков, до 20 % подростков (ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 181. Л. 32–34) (см. табл. 11). Опыт переселений по столыпинской аграрной реформе показал, что на

сибирских землях оседали и вели результативную хозяйственную деятельность семейные коллективы с преобладанием трудоспособных мужчин, где отсутствовали старики-иждивенцы (старшему мужчине 35–45 лет), а большая часть детей достигла подросткового возраста [Зверев, 1993, с. 25].

Адекватность депортации не только юридическим нормам (прежде всего советскому праву [Шадт, 2001, с. 290–291]), но и соображениям национальной безопасности была поставлена под сомнение уже на начальном этапе изучения роли немецкой диаспоры во Второй мировой войне, а затем и исследованиями сталинской национальной политики [Некрич, 1993; Бугай, 1999].

Исследователи не обнаруживают ни «фатальных закономерностей» в историческом пути поволжских немцев, ни сколько-нибудь адекватных «выталкивающих факторов», прямо приведших к депортации 1941 г. Даже в голодные 1921–1922 и 1932–1933 гг. территорию Немреспублики покидало не более четверти населения [Малова, 2002, с. 468]. «Улики» для доказательного обвинения целого народа в шпионаже и подготовке диверсий органы НКВД СССР так и не обнаружили. Контакты поволжских немцев с Германией действительно имели место в межвоенный период, однако носили исключительно гуманитарный характер, а в ходе массовых репрессий 1937–1938 гг. и с закрытием германских консульств в СССР совершенно прекратились.

Немцы Поволжья проживали в глубоком тылу, в аграрной провинции. Создание «пятой колонны» в тоталитарном СССР, где пресекалась даже потенциальная нелояльность режиму и была исключена внешняя диаспоральная активность, было в принципе невозможно. Кроме того, в отношении немецкого населения у советского руководства существовала и более умеренная «превентивная мера»: мобилизация в строительные батальоны.

На наш взгляд, наиболее близка к истине оценка смысла депортации поволжских немцев П.М. Поляна [2001, с. 328], который указывает на остроту сложившейся военно-политической ситуации августа – сентября 1941 г. Ликвидация АССР НП и высылка поволжских немцев были следствием неуверенности советского руководства, желания отомстить противнику и жестко утвердить свою власть.

По мнению В.Г. Чеботаревой [1999, с. 407], опасная для существования немцев Поволжья ситуация сложилась уже к 1938 г., когда было минимизировано «титальное» присутствие в государс-

твенно-партийной элите вследствие «чисток» и репрессий, произведена унификация и русификация культурной жизни автономии. Ликвидация формальных признаков автономии, равно как и ее степень, стали лишь вопросом времени и внешнеполитической конъюнктуры.

В.В. Сарнова указывает на преемственность практики депортации немецкого населения СССР 1941 г. с принудительным переселением крестьян в начале 1930-х гг., а также с высылкой «неблагонадежных» по этнической или социальной принадлежности групп населения в 1937–1941 гг. из приграничных районов СССР. Тем не менее, массовая и внезапная высылка поволжских немцев отличалась от предшествующих отсутствием административной инфраструктуры приема – «трудпоселков». Размещение значительных групп «спецконтингента» среди «правового» населения было «нововведением» НКВД [Сарнова, 2005, с. 23].

По замыслу авторов акта депортации, высланные поволжские немцы должны были получить компенсацию за имущество, оставленное на родине. Однако на практике сдать материальные ценности и оформить квитанции успели не все. «Узнали мы (о переселении. – *А.О.*) утром, а вечером повезли. Те, кто раньше узнал, хоть тряпки забрали, а мы как были – голыми уехали» (ПМА, В.З. Куропова (Гербер), 1927 г.р.). «Нас эвакуировали в сентябре. Рёв, плач. Сразу солдаты с винтовками появились. Сперва шесть часов на сборы дали, а потом ещё шесть дней жили» (ПМА, Ф.И. Эльшайдт (Вейде), 1925 г.р.).

С собой депортированным разрешалось брать до тонны груза на одну семью. Этот норматив, как отмечает Н. Малова, выдерживался далеко не всегда: «В Бангердте немцам разрешалось брать вещи весом до одной тонны на семью, в Тарлыковке – по 24 кг на человека, в Диттеле – по 30 кг на человека» [2001, с. 180]. Разницу в трактовке «транспортировочных инструкций» исследовательница объясняет произволом, либо неосведомленностью ответственных лиц [Малова, 2001, с. 180]. Известно также, что сроки и нормативы выселения слабо сочетались с наличием транспортных средств и их грузоподъемностью. Транспортные условия предполагали размещение в одном вагоне 40 чел. (т.е. шесть-восемь семей), а на практике доходило до 60 чел. [Шадт, 1998, с. 316]. Депортированные перемещались до пунктов отправления на телегах, баржах, на автомобилях-«полуторках», что также ограничивало возможности перемещения грузов. «Захватили при отъезде, сколько смогли нес-

ти. Отец, помню, рассыпал по двору зерно: гуляй, кура!» (ПМА, Г.С. Котлярова (Эльшайдт), 1928 г.р.).

При выселении депортированные стремились захватить как можно больше продуктов. Кроме того, переселенцы смогли взять некоторое количество одежды и рабочие инструменты: от лопаты до швейной машинки. «Семья Шпет, где мужчины были потомственными плотниками..., взяла с собой плотничьи инструменты весом 100 кг» [Малова, 2001, с. 180].

Депортация немцев Поволжья как военно-полицейская операция «отличалась своей организованностью, быстрыми темпами, оперативным решением вопросов обеспечения транспортом и всем необходимым в пути следования» [Белковец, 2003, с. 51]. При выселении более 400 тыс. немцев АССР НП, Саратовской и Сталинградской областей были задействованы 1 550 сотрудников НКВД, 3 250 сотрудников милиции и 12 150 красноармейцев [Герман, 2007, с. 424]. Физические потери при перемещении колоссального количества людей были минимальными (123 чел. преимущественно пожилого возраста на 365,7 тыс. депортированных из АССР НП [Герман, 2007, с. 424]). Моральный урон от депортации переоценить невозможно. Уже в процессе комплектации эшелонов разрушались клановые и родственные связи. В частности, уроженцев колоний Прайс и Мариенталь, проживающих ныне в Краснозёрском районе НСО и в Кожевниковском районе Томской области, разделяет более 400 км.

Выселение колонистов проходило в условиях неопределенности, дефицита информации о собственной судьбе, который, наряду с прочими лишениями, стал до конца 1940-х гг. «спутником» российских немцев. Морально-психологическое состояние родителей в момент депортации информанты 1920–1930-х гг. рождения оценивают как тяжёлое: «Рассуждение у стариков было: бомбу на баржу бросят – и конец нам» (ПМА, Д.Д. Видергольд, 1929 г.р.). Серьёзный урон духу депортированных наносила и невозможность откровенно высказывать свои мысли. Так, в отчете секретаря Купинского РК ВКП(б) о приеме немцев Поволжья уже содержалась выдержка из доноса: «Перед отправкой в город Энгельс на берегу Волги мать учителя Гаас Елизавета и мать шофёра Кейль Павлина Кондратьевна вели беседы между собой, при этом Гаас спросила: “Куда нас повезут?” Кейль на это ответила: “Нас повезут через Украину в Германию к Гитлеру, там наше место”» (ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 352. Л. 4).

Отчаяние и тревога за судьбу близких – пожалуй, так можно определить настроения колонистов, покидавших в сентябре 1941 г. родной дом. «Когда уезжали – ничего не думали. Мы напуганы были. Очень напуганы. Громко разговаривать боялись, думали – расстреляют. Сгрузили нас в баржу. Войска стояли наготове – в лугах. Дома, школа — всё солдаты заняли» (ПМА, О.С. Эльшайдт, 1925 г.р.).

Местному русскому населению тоже не хватало информации по поводу массового и внезапного исчезновения соседей. «Среди русского населения автономии бытовало мнение, что немцев выселяют не напрасно...» [Малова, 2001, с. 180].

На основании известных сегодня обстоятельств реколонизации территории АССР НП в 1941–1945 гг. можно с уверенностью констатировать военно-экономическую нецелесообразность депортации. По данным А.А. Германа, созданные на поволжско-немецких землях колхозы беженцев из Центрального Нечерноземья в 1943 г. не смогли обработать более трети пахотной земли от уровня 1940 г. [Герман, 2007, с. 459]. Общая численность трудоспособного населения на территории бывших кантонов на 1 января 1945 г. составляла 25–30 % от довоенного уровня [Хердт, 1995, с. 218]. Дизелестроительный завод «Коммунист» – единственное предприятие Немреспублики, представляющее интерес для военной промышленности, «до самого конца войны так и не смог достичь довоенного уровня производства, а проблема нехватки рабочего и инженерно-технического персонала на протяжении всех лет войны являлась самой болезненной» [Скучаева, 2001, с. 120].

В начале войны на территории АССР НП с помощью местного населения были развернуты шесть оперативных аэродромов (один – с твердым покрытием), размещены эвакуированные текстильные предприятия и авиационный завод (размещен в г. Энгельсе). После депортации в крупных населенных пунктах АССР НП размещались госпитали и военно-учебные заведения. Авиазавод оставался единственным стратегическим объектом на территории Немреспублики до конца войны.

В то же время поволжские немцы («потенциальные шпионы и диверсанты») оказались расселены вдоль линий стратегических железнодорожных магистралей – Южсиба и Транссиба, в составе «рабочих колонн» задействованы на строительстве и эксплуатации важнейших оборонных объектов.

Немецкие колонии в России были успешным начинанием рациональной внутренней политики «просвещенного абсолютизма» XVIII в., многие этнодифференцирующие признаки российских немцев изначально были правительственными инициативами. В дальнейшем образовательные и социальные практики способствовали сохранению частичной автономии внутренней жизни колонистов вплоть до начала Первой мировой войны.

В хозяйственной и соционормативной сферах культуры поволжских немцев 1930-х гг. была заметна частичная компенсация традиционных норм и практик начинаниями советской аграрной и социокультурной модернизации. Накануне депортации поволжские немцы проживали в секуляризованном и урбанизированном пространстве, в условиях умеренного достатка, имели доступ к развитым системам образования и здравоохранения.

Ликвидация АССР Немцев Поволжья разрушала отношения между немцами-колонистами и государством. Депортация, осуществленная вопреки советскому праву и в ущерб подлинной обороноспособности страны, не соответствовала ни миграционным трендам поволжско-немецкого населения, ни опыту эффективной аграрной колонизации Сибири. Для поволжских немцев депортация стала центральным пунктом этнической истории, способствующим становлению групповой идентичности «диаспоры изгнания».

ГЛАВА 4

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ КУЛУНДЫ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОЙ И ПОСЛЕВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ (1940 – начало 1950-х годов)

4.1. Культура сибирских немцев в условиях военной и послевоенной экономики

Трансформация производственной культуры. Тяготы военного времени (изъятие трудоспособного населения, военные фискальные обязательства, размещение перемещенных лиц) в сибирско-немецких деревнях приходились на ослабленную «большим террором» демографическую структуру. Мужское население сибирско-немецких деревень уже в конце 1930-х гг. понесло потери, сопоставимые с мобилизацией в РККА в 1941 г. в украинских и русских населенных пунктах региона.

«Труд оставшихся в деревне женщин, стариков, подростков не мог быть высокопроизводительным. ...В то же время выкачивание из деревни материальных ресурсов стало ещё более тотальным. В этих условиях оплата колхозного трудодня свелась к минимуму, который не обеспечивал и полуголодного существования» [Очерки..., 2001, с. 61]. К 1945 г. по НСО, в сравнении с 1941 г., вдвое уменьшилось поголовье крупного рогатого скота и лошадей, средняя урожайность зерновых упала с 10,1 ц/га до 6,2 ц/га, посевы зерновых уменьшились на треть. К 1953 г. запашка в кулундинских районах достигала лишь 85–90 % от довоенных площадей [Народное хозяйство..., 1961, с. 136].

Государство в 1940-е гг. не ограничивалось изыманием колхозных фондов. Весьма тяжелым было и налоговое бремя на личное приусадебное хозяйство (далее ЛПХ) колхозника. «Часть его (ЛПХ. – А.О.) ресурсов через денежные и натуральные налоги и сборы должна была поступать в государственный фонд. ...В на-

чале войны была введена 100 %-я надбавка к сельхозналогу. В декабре 1941 г. она была заменена военным налогом. 3 июня 1943 г. Указом Президиума ВС СССР были существенно увеличены нормы доходности, по которым рассчитывали сельхозналог... В Новосибирской области вследствие этого сумма налога в расчете на один колхозный двор, его уплачивающий, в 1943 г. выросла в 5,2 раза (с 97 руб. 60 коп. до 507 руб. 93 коп.)» [Очерки..., 2001, с. 64].

Вплоть до создания в 1944 г. спецкомендатур на государственном уровне не предпринимались попытки систематической поддержки высланных немцев. Выживание депортированных на сибирской земле было бы невозможно без механизмов социальной поддержки, сохранившихся в практике переселенческих общин Кулунды. Ситуация осложнялась тем, что помимо немцев Поволжья на попечении коренного населения севера Кулунды в военные и послевоенные годы находились и спецпереселенцы – меннониты из Сталинской области (Карасукский р-н Алтайского края – 946 чел. на ноябрь 1941 г.) (ОАС администрации Карасукского р-на НСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 22. Л. 70), калмыки, литовцы, латыши, эстонцы, западные украинцы, а также эвакуированное из прифронтовых областей население.

Так, данные на апрель 1942 г. фиксируют пребывание 2 233 эвакуированных граждан и 2 331 немца Поволжья на территории Купинского района НСО (ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 171. Л. 23). Быт и обеспеченность ресурсами эвакуированных мало отличались от аналогичных показателей существования депортированных граждан. Информант упоминает эвакуированных и «спецконтингент» единым перечнем: «Эстонцы, калмыки и ленинградцы – все здесь были, дружили и с теми, и с другими. Все ждали, когда нас обратно повезут» (ПМА, М.И. Эрих, 1928 г.р.).

Весьма уязвимое положение сибирских немцев усугубилось трудовыми мобилизациями 1942 г.: в феврале были призваны мужчины 17–50 лет, в октябре – мужчины 16–55 лет и женщины 17–45 лет [Белковец, 2003, с. 139].

Мобилизация местного немецкого населения в рабочие колонны не могла не отразиться на качестве и сроках выполнения полевых работ. Газета Чистоозёрного р-на НСО «Ударник» так отреагировала на снижение эффективности немецких хозяйств: «Саботажников из Нейфельдского сельсовета немедленно привлечь к ответственности. Колхозы им. К. Либкнехта (председатель

Ерш), им. Тельмана (председатель Гасс), “Найдорф” (председатель Гарке) и “Рот Фронт” (председатель Кампф), несмотря на неоднократное предупреждение районных организаций, продолжают не выполнять постановлений партии и правительства, срывать сроки выполнения сельхозработ, саботировать выполнение обязательств перед государством. Эти колхозы... своими действиями помогают немецко-фашистским разбойникам в войне с великим советским народом.

Сроки уборки зерновых, картофеля и овощей давно прошли, а в колхозах Нейфельдского сельсовета не закончена уборка этих культур, обмолот зерновых, сдача картофеля и зерновых государству. Не выполнены обязательства по мясу, шерсти и другим сельхозпродуктам.

Безобразно медленными темпами проходит подъем зяби. Из 1 500 га на 15 октября вспахано лишь 300 га.

Имея намолоченное и очищенное зерно на токах, тяглую и рабочую силу, эти колхозы изо дня в день график хлебосдачи не выполняют. На 11 октября план выполнен на 25 %. Срывая сроки уборки, саботируя выполнение гособязательств, руководители этих колхозов совершили тягчайшие преступления перед родиной и фронтом.

Районный прокурор обязан разобраться с саботажниками в выполнении всех сельхозработ по колхозам и сельсоветам и привлечь их к уголовной ответственности по законам военного времени» («Ударник» от 15.10.1942).

Таким образом, районное руководство вовсе не собиралось (да и не имело такой возможности) учитывать убыль трудоспособного населения и взимало полные «плановые задания» с обезлюдевшего сибирско-немецкого общества.

Попытки смягчения или обхода властных предписаний оборачивались репрессиями: «За перерасход хлеба на внутриколхозные нужды свыше 15 % от сданного хлеба государству, за расходование фуражного зерна без веса и счета, за допущение порчи хлеба председатель колхоза “Рот Фронт” Кампф райпрокурором был привлечен к уголовной ответственности. ...Кампф приговорен к восьми годам лишения свободы с поражением политических прав сроком на три года после отбытия тюремного заключения» («Ударник» от 28.11.1942).

Трансформация культуры жизнеобеспечения. Результатом трудовых мобилизаций и низовых «хозяйственных» практик стал

голод в сибирско-немецких селах северокундундинских районов. «Мать одна, нас пятеро, кушать нечего. Мёрзлую картошку ели, лебеду собирали. Лужпайки (картофельная кожура. – *А.О.*), собак, кошек ели. Мать за двадцать километров ходила в Лозовое зимой просить (милостыню. – *А.О.*). “Марфа, ну дай кошку!” Зарезали кошку и съели. Послед от коровы ели...» (ПМА, А.А. Рейн, 1926 г.р.).

В официальных докладах приводилась следующая информация: «По полученным данным от Чистоозерного РО НКВД в колхозах “Рот-Фронт” и “Карла Либкнехта” указанного района, вследствие острого недостатка продуктов питания, имеют место ряд фактов опухания колхозников и членов их семей от недоедания. ...В тяжелом положении находятся дети, родители которых – немцы мобилизованы на трудработы, а дети переданы на воспитание в колхоз, фактически находятся в безнадзорном состоянии и без продуктов питания из-за отсутствия хлеба в колхозе...» (ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 233. Л. 171).

Хозяйство сибирских немцев основывалось на производстве зерновых. Но именно на изъятие хлебных «излишков» у крестьянина была ориентирована советская фискальная практика 1930–1940-х гг.: «Всё зерно сдавали государству. Сдавали пшеницу, обратно получали рожь, два-три мешка (на семью. – *А.О.*)» (ПМА, А.Г. Крауз, 1938 г.р.). Полученное на трудодни зерно молили тут же, во дворе, каменными жерновами, иногда снабженными железными полосками. «Те “капиталистами” считались, кто имел такую мельницу», – горько иронизирует информант (ПМА, А.Г. Крауз, 1938 г.р.).

Перед войной в среднем по Чистоозёрному району НСО годовые надои на одну корову определялись в 1,3 тыс. л («Ударник» от 31.03.1941). «С коровы надо было сдать пять центнеров молока, либо 60 кг масла. Молоко – чтоб жирность 4,4 % была. Грамма от того молока не видели. Сепаратор крутили – три литра обраты имели» (ПМА, Е.И. Крумм, 1916 г.р.). Выживание населения степной полосы Сибири в военные годы зависело от степени владения подсобными промыслами. «Жили бедно – что ты! Колоски собирали. Люди только на рыбе выжили» (ПМА, Н.А. Лавриненко, 1928 г.р.). Подростки из Луганска зимой 1943–1944 гг. «караулили подводу с рыбой, им бросишь и дальше едешь. А как-то еду – он и лежит: не дождался парнишка, умер» (ПМА, В.В. Финадеев, 1928 г.р.).

По данным Л.П. Белковец, «после отправки немцев в рабочие колонны в октябре 1942 г. в ряде районов осталась половина тру-

доспособного населения. Так..., в 13 немецких колхозах Андреевского района из 1 187 чел. осталось 465» [2003, с. 142]. Сравнительный анализ половозрастной структуры населения (по данным сельского административного учёта 1941–1945 гг.) переселенческих (где проживали русские, украинцы, белорусы, поволжские немцы), сибирско-немецких сёл и казахского аула подтверждает сложность ситуации.

Данные по с. Казах: 7 умерших (из них два ребёнка) за военные годы на 46 казахских семей (ОАС администрации Карасукского р-на НСО. Ф. 8. Оп. 1. п.к. Октябрьского с/с, 1940–45 гг.). Сведения по переселенческому с. Демидовка: 9 умерших на 36 семей; здесь преобладала детская смертность: умерло 5 детей до семи лет (ОАС администрации Карасукского р-на НСО. Ф. 8. Оп. 1. п.к. Демидовского с/с, 1940–45 гг.).

В 1940 г. в немецком поселке Луганск Карасукского района НСО проживало 140 семей общей численностью 600 чел. В трудармии на 1 января 1943 г. находилось 117 чел. В 1941–1944 гг. умерли 73 жителя Луганска. Осенью 1942 г. «выбывшими» (родители – в трудармии, дети – на попечении родственников) считались 25 дворов (ОАС администрации Карасукского р-на НСО. Ф. 8. Оп. 1. п.к. Студеновского с/с, 1940–45 гг.). Топоним «Луганск» для старшего поколения немцев Баганского и Карасукского районов НСО стал нарицательным.

По официальным данным на 1946 г., «только в деревне Орловка Некрасовского с/совета, Купинского района насчитывается до 20 семей спецпереселенцев-немцев, которые оборвались, одеты в рубище, а постельной принадлежностью служит солома» (ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 233. Л. 129).

Местные власти не склонны были проявлять участие не только к колхозам, но и к отдельным домохозяйствам: «В войну всё отбирали. Елена Павловна была председателем сельсовета в Некрасовке. Ох, свирепствовала! Всё, что понравилось – забирала. Мужиков же не было никого. Мебель потом находили в райкоме» (ПМА, А.Г. Крауз, 1938 г.р.).

Степень оскудения орловских немцев в 1940-е гг. показывает следующий эпизод: «Меня в сорок восьмом судили – за жерди. Тридцать шесть жерденков спёр. Полторы тысячи присудили, описать хозяйство, продать и возместить. А что у нас брать? Корова, куры, койки, тряпки. Приехал исполнитель, написал бумагу какою-то: нечего, мол, описывать» (ПМА, А.Г. Крауз, 1938 г.р.).

В 1940-х гг. семейство Крауз считалось в Орловке зажиточным: тетка информанта работала в райисполкоме писарем, а бабушка была кухаркой у председателя.

Трансформация соционормативной культуры. Администраторы сибирско-немецких колхозов к 1943 г. были заменены «специалистами», буквально исполняющими призыв «Всё для фронта, всё для победы». «Председатель у них, в Луганске, с сорок третье-го был Фисенко. Как хлеб сдавать – его прислали. Орал: “Фашисты! Всех расстреляю!”», наганом грозил. Хлеб подчистую выметали» (ПМА, Н.А. Лавриненко, 1928 г.р.). «Казах одорукий был у нас в Павловке (Шендорфск. – А.О.) бригадиром. На нас, немцев, говорил: “Я бы вторую руку отдал, чтоб вас не было”. Приходил, проверял нас – и бил за брак» (ПМА, А.А. Рейн, 1926 г.р.).

Возможности противодействовать произволу властей со стороны не говорящих по-русски, малограмотных женщин и сирот практически отсутствовали. «Ушаков (председатель колхоза. – А.О.) велел матери на своей корове в Новоселье сливки возить. Тогда там сепараторное отделение было... Пять-шесть фляг сливок на своей корове. Корова как-то захромала и мать в Новоселье не поехала. Пришел Ушаков, давай мать ругать. А мне обидно стало, что он ее и так и эдак, последними словами. Я выбежал, за ногу его схватил. Он – на меня: “Ах ты, гитлереныш!” – и палкой. Мать схватила плетеный короб и как трахнет по голове. Ушаков убежал со двора – кричит: “Убивают, фашисты убивают!”» (ПМА, А.Г. Крауз, 1938 г.р.).

Помимо ресурсов ЛПХ и промысловых занятий, скудным и небезопасным источником продовольствия для населения советской деревни военного и послевоенного времени являлась реквизиция изымаемого государством урожая. Среди подсудимых, упоминаемых кулундинской районной прессой 1940-х гг. были все, непосредственно причастные к производству, – от председателя колхоза до возчика.

Даже законопослушные сибирские немцы к середине 1940-х гг. были замечены в кражах государственной собственности. «Чистоозерным РО НКВД в апреле 1944 г. была вскрыта хищническая группа в числе трех чел., на глубинном пункте Заготзерно в д. Цветное Поле, в состав группы входили: зав. глубинным пунктом Гофман Альвина, её родственник – немец Шитц Иван и ночной сторож глубинки – немка Целер Софья... Систематически в ночное время похищали зерно, продавали его на рынке и про-

менивали на вещи. ...Все трое арестованы по закону от 7.8.32 г., осуждены к 8 годам ИТЛ каждый» (ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 183. Л. 12). «В сорок девятом брат Яков украл мешок пшеницы, получил пять лет» (ПМА, А.Г. Крауз, 1938 г.р.). По данным текущего административного учета, на момент ликвидации поселения 21 житель Луганска отбывал заключение (дезертирство из трудармии, кража колхозного имущества, «антисоветская пропаганда») (ОАС администрации Карасукского р-на НСО. Ф. 8. Оп. 1. п.к. Студеновского с/с, 1940–45 гг.).

Количество детей, оставленных на попечение родственников или колхоза в ходе октябрьской мобилизации 1942 г., превышало возможности и родственников, и колхоза, который был в военные годы лишь структурой по тотальному изъятию продовольствия. В итоге в немецкой деревне появились беспризорники: «Как жил тогда – теперь самому не верится. Собаки сейчас лучше живут. Спал, где придётся – в сарае, на гумнах...» (ПМА, А.А. Шмидт, 1934 г.р.). Социализация «безотцовщины» – сирот 1937 г. также оставляла желать много лучшего. «Куриль я начал лет с десяти. Мы, пацаны, соберемся в околке, сухой лист заворачивали в газету и курили. Березовый лист, а потом и табак. Турецкий был и немецкий. У бабки наворуешь и через рушку пустишь» (ПМА, А.Г. Крауз, 1938 г.р.).

Попытки облегчить собственную участь посредством обращения к религии в среде немцев тщательно отслеживались органами НКВД. Совместная директива НКВД-НКГБ № 203/89 от 2 августа 1944 г. определяла порядок агентурно-оперативного обслуживания спецпереселенцев через сеть, вербуемую из среды самих спецпереселенцев и окружающего их населения [Белковец, 2003, с. 227]. Информант (уроженец с. Гоффенталь) так описывал эту практику: «За антисоветские разговоры сажали. Ходила баба одна с Карасука – подслушивала, вынюхивала и сдавала. В колхозной кузне, в мастерской...» (ПМА, Я.Я. Бендер, 1932 г.р.). Большая часть «антисоветских высказываний», фигурирующих в делах спецпереселенцев, мало походила на пропаганду: это чаще всего был «крик души» отчаявшихся людей.

Усилия сотрудников НКВД неизбежно привели к угасанию религиозной жизни немецких сельских общин: разрушалось без какой-либо компенсации важнейшее достояние духовной культуры (а для многих верующих – и основной мотив переезда в Сибирь).

Трансформация гуманитарной культуры. Помимо тягот военной экономики на долю старосельского населения Северной Кулунды выпала и опека над контингентами депортированных и эвакуированных граждан. «Меня волнует вот что. Мы все пережили много. Но есть у меня такое мнение. Колхоз был коллективным хозяйством: стащили имущество, лошадей, выделили личный скот. “Давай помогать (переселенцам. – *А.О.*)!” – отрывали у колхоза. Сейчас моё поколение возмущается. Ведь и мы в то время пострадали. Свой кусок отдавали им. По приказу тогда от колхоза давали зерно, скот... Русский Иван простит...» (ПМА, А.Д. Поличко, 1929 г.р.).

Сибирские немцы Кулунды, которые сами были «неблагонадежным элементом» для репрессивных органов, в 1940-х гг. отвергали депортированных немцев как «шпионов» и «фашистов». Недоброжелательное отношение к вновь прибывшим ссыльным немцам со стороны местных, сибирских немцев отмечает Т.Б. Смирнова [2003а, с. 20]. Собственно, добавление к этнониму эпитета «местный» или «сибирский» произошло именно в военные годы и связано со стремлением дистанцироваться от ссыльных поволжских немцев у старожильского немецкого населения. «Немцев здесь много было... Луганск – чисто немецкая деревня, здесь “свои” немцы, наши, сибирские. Тут и с Поволжья есть. Ладу у них между собой не было... Драки даже были между поволжскими немцами и “своими”. После кино дрались: “наши” за русских были. Обзывали поволжских “фашистами”» (ПМА, М.В. и Н.Д. Мартыко, 1929 г.р.).

Условия пребывания поволжских немцев в сибирско-немецком колхозе были наихудшими: у сибирских немцев Кулунды в 1940-е гг. практически не было возможности как-то помочь поволжским немцам. «В марте 1944 года умер отец. Забрали в трудармию сноху – трех детей оставила, да вторую сноху потом... Из шестерых маленьких четверо умерли. И хоронить некому было: Луганск был немецкий колхоз» (ПМА, М.А. Гаус, 1925 г.р.).

Поволжские и сибирские немцы «не ладили» даже в экстремальных условиях трудармии: «Не дружили с орловскими. Вредные они были. Здоровье было у них крепкое – сибирские же. Обзывали нас (поволжских немцев. – *А.О.*) всяко. Неприлично обзывали, на немецком. Как чуть – так по шее давали» (ПМА, О.С. Эльшайдт, 1925 г.р.). Однако, по словам информанта, более рослые немцы-сибиряки оказались в числе первых жертв недо-

едания в трудармии (ПМА, О.С. Эльшайдт, 1925 г.р.). «Трех сыновей Эделя в трудармию призвали. Альберт погиб там. Виктора привезли на лошадях с трудармии, еле живого, тощего» (ПМА, А.Г. Крауз, 1938 г.р.).

Пребывание в трудармии было особенно тяжелым для женщин. «Во время третьей мобилизации резко увеличилось число случаев дезертирства, симуляции, занижения возраста детей и сопротивления при призыве, а также отказа от мобилизации, что вызывалось стремлением сохранить семьи, уберечь детей от голодной смерти» [Белковец, 2003, с. 141–142]. «В сорок втором мать и старшую сестру забрали. Ни с кем остался – и сестрёнка, 1939 года рождения. Так и жили без родителей. В сорок третьем, в декабре, мать вернулась. Самовольно она уходила» (ПМА, А.А. Шмидт, 1934 г.р.). Для девушек мобилизация также была нелегким испытанием. «С мамой в трудармии была молодая женщина, по имени Эльвира. Она очень хорошо пела. Как-то был случай – всех ведут на прививку, полгода проходит, женских дней ни у кого нет. Они плакали, жаловаться никому не смели. “Мы больше не женщины!” А Эльвира пела – на душе становилось легче. Тогда многие поклялись назвать девочку, дочь то есть – Эльвирой. В честь той девушки и меня называли» (ПМА, Э.М. Липа, 1955 г.р.).

В коллективной памяти оставили свой след и тюремные сроки сибирских немцев. «Родом я с мест не столь отдаленных... Родился в лагере – по рассказам матери. Десять лет у ней был срок... Когда пацаном был – она гостям, знакомым про лагерь рассказывала» (ПМА, И.П. Кнелъц, 1946 г.р.).

Расселение немецких колхозов Северной Кулунды в 1945 году. Экономическая разруха и демографические потери привели к ликвидации немецких сел. В 1945 г. в Андреевском районе были ликвидированы 11 немецких колхозов, а вместе с ними села Луганск, Шейнфельд (теперь относятся к Карасукскому р-ну НСО), Красновку (не восстановлена). Та же участь постигла деревни Граничное, Николаевка и Нейфельд Чистоозёрного района НСО.

«В апреле месяце РК ВКП(б), Райисполком и РайЗО предложили колхозникам из бывших немецких колхозов выехать в русские колхозы, а кто не желает – устраиваться там, где они сочтут нужным» (ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 233. Л. 162). За этими решениями районных руководителей в большей степени стоял хозяйственный расчёт, нежели ксенофобия. Группы стариков и подростков не могли обеспечить плановые задания военных лет. Население немецких

колхозов разместили по переселенческим сёлам: «Людей (из Гоффентала. – А.О.) повыселяли в Калачи, Ивановку, Новоивановку. В Анисимовке тоже много наших» (ПМА, Я.Я. Бендер, 1932 г.р.). «В сорок четвертый год Нейфельд, Граничное, Николаевку разогнали по Павловке и Новокрасному» (ПМА, Ш.Ф. Литая, 1922 г.р.). «В Граничном когда-то много было народу – 68 хозяйств, разбросали нас всех. Сюда мы приехали по выбору: спрашивали нас, куда поехать хотим. Всё хозяйство переместили сюда и скотину перегнали. Семей пятнадцать здесь (в Новой Кулынде. – А.О.) было с Граничного» (ПМА, Э.А. Равве, 1931 г.р.). Немцы из Шендорфска и Гоффентала были принуждены к переезду в окрестные деревни и аулы, а казахское население – к перемещению в оставленные немцами дома.

Ликвидация немецких колхозов сопровождалась актами мародерства и конфискациями. Вот данные по Андреевскому району: «После того, как немецким колхозам весной 1945 года посевного задания дано не было, их имущество начало растаскиваться и разбазариваться. В результате на сегодняшний день растащено и сожжено значительное количество домов. ...Из колхоза имени Либкнехта для райисполкома были взяты: рессорный ходок, кошевка, комплект... сбури, некоторая канцелярская мебель и жеребец-производитель... Из бывшего колхоза “Шейндорф” была взята мельница с двигателем и оборудованием и передана Райпищепрому на слом» (ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 233. Л. 163).

Процесс расселения получил негативные оценки областных властей. «Поскольку в русских колхозах достаточно квартир не было, то расселение немцев затянулось до второй половины 1945 года, причем многие из них в этой связи не работали, и т.о. попали в тяжелое положение. Даже до сих пор много немецких семей, находящихся в русских колхозах Андреевского района, не имеют квартир. Например, в колхозе им. Комсомола, Кузнецкого с/с, немцы живут по 15–20 человек в одной квартире, в колхозе “Общий труд” того же сельсовета четыре немецких семьи до августа 1945 года жили под открытым небом, а сейчас в совершенно непригодной для жилья пластыной избушке» (ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 233. Л. 162–163).

В 1947–1948 гг. Шендорф и Гоффенталь «в соответствии с пожеланиями трудящихся» были переименованы в Павловку и Октябрьское (ОАС администрации Карасукского р-на НСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 248. Л. 61). В Ясную Поляну было переименовано с. Ро-

зенталь. Единственной данью реальному положению дел и изменившейся национальной структуре была смена статуса поселения: в 1957 г. Павловка еще именовалась аулом (ОАС администрации Карасукского р-на НСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 74. Л. 219). В 1949 г., с момента возвращения взрослых мужчин из трудармии, начался процесс стихийного переселения немецких семей в Октябрьское, Павловку, Шейнфельд и Луганск.

4.2. Культура поволжских немцев в условиях депортации и ссылки

Трансформация производственной культуры поволжских немцев. На момент прибытия переселенцы обладали рядом конкурентных преимуществ перед местными жителями. Хорошая одежда и престижный домашний инвентарь воспринимались славянами-кулундинцами как «богатство». Наличие среди депортированных технических специалистов делало этот контингент весьма ценным для колхозных администраторов. Наконец, большинство семей поволжских немцев на момент прибытия в сибирские села, практически лишенные взрослого мужского населения, были полными – призывников «вражеской национальности» советское правительство отказалось мобилизовать в РККА, даже при наличии большого количества запасников, обученных в АССР НП [Герман, 2007, с. 414; Шульга, 2000, с. 188].

Поволжско-немецкие колхозы были ликвидированы в ходе депортации. Воссоздание крупных агропроизводственных комплексов на территории Кулунды было невозможным и в довоенное время. Осенью 1941 г. эта задача и не ставилась. «Нас, большое село, погрузили в эшелон, привезли и выгрузили – по хуторам!» (ПМА, В.М. Герпсумер, 1932 г.р.).

В северокулундинских районах основная масса депортированных поволжских немцев была распределена по колхозам, причем в ряде случаев председателей интересовала специальность прибывших уже на момент отбора: «В Купино привезли. А там отцов в шеренгу построили – и председатели ходят, разбирают...» (ПМА, Д.Д. Видергольд, 1929 г.р.). Правилom было размещение нескольких семей депортированных в один колхоз. Хорошо иллюстрируют эту ситуацию материалы по Краснозёрскому району Алтайского края на июнь 1942 г. (см. табл. 13). Из 20 сельсоветов района

избежали «подселения» немцев лишь два – Чернаковский (вероятно, по причине незначительных размеров) и Октябрьский, где уже были размещены ссыльные латыши и литовцы (ОАС администрации Краснозёрского р-на НСО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 35).

Профессиональный состав депортированных мало соответствовал возможностям экономики сибирской глубинки. «Докладная записка о приёме переселенцев – немцев Поволжья в колхозы Кочковского района НСО» содержит данные о профессиональном составе прибывших: «Механиков – 3, электромонтёров – 3, слесарей – 14, токарей – 9, комбайнёров – 4, трактористов – 37, шофёров – 8, плотников – 4, столяров – 9, кузнецов – 6, врачей – 2, фельдшеров – 1, акушеров и медсестёр – 11, учителей и преподавателей – 41, счетоводов и бухгалтеров – 27, агрономов – 2. Председателей сельсовета – 1, председателей колхоза – 3» (ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 352. Л. 38). Инфраструктура сибирского села вряд ли была способна вместить такое количество специалистов. Не было работы для сотрудников дошкольных учреждений, прачек и маляров. Специальные директивы обкома запрещали трудоустраивать учителей, медсестер, врачей и ветеринаров «немецкой национальности». Местность с суровым климатом лишала работы садоводов. Неразвитые, либо угасшие в ходе колхозного строительства ремесла не давали возможности заработать резчикам, корзинщикам, гончарам. Слабость материально-технической базы делала безработными механиков и шоферов. Трудоустройству по специальности препятствовали также боязнь конкуренции со стороны местных специалистов и недоверие, вызванное антинемецкой пропагандой.

Осенью 1941 г. депортированные немцы склонялись к отказу от вступления в местные колхозы, полагая, что этот акт закрепит их пребывание в Сибири и сделает невозможным возвращение на родину. В записке от 3 октября 1941 г. секретарь Купинского РК ВКП(б) Проценко сообщал об этом в обком: «Ряд немецких семей не желают работать в колхозах. Обращаются к нашим работникам и требуют дать работу по специальности. Мы со своей стороны на этот путь нейдём, а требуем от них работы в колхозах... Многие, особенно служащие и специалисты, совершенно не желают вступать в колхозы, наотрез отказываются, считают себя временными здесь» (ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 352. Л. 36–37).

Весной 1942 г. ситуация изменилась: статус колхозника стал желанным для депортированного немца. Были мобилизованы

кормильцы семей, на еду были обменены последние вещи. Вступление в колхоз обеспечивало доступ к земельным ресурсам (под огород), к тяглу, к общественной помощи. На получение собственноручно заработанных денег – продуктов «на трудодни» – в военные годы рассчитывать особенно не приходилось. «Не платили совершенно ничего: палочки ставили. Брал быков камыш привезти – вычёркивают. Бык покрыл твою корову – вычёркивают. В бригаде поел – удерживают с тебя. Удерживали за вспашку огорода и займы. Мы не знали, что такое деньги» (ПМА, В.М. Герпсумер, 1932 г.р.). Председатели колхозов были обязаны снабдить их членов необходимым прожиточным минимумом, однако колхозных ресурсов для этого не хватало: в военное и послевоенное время «личное хозяйство оставалось для колхозников не подсобным, а основным источником существования» [Очерки..., 2001, с. 66].

Воюющему Отечеству требовалась рабочая сила, преимущественно в добывающих отраслях и на строительстве коммуникаций. В январе–феврале 1942 г. прошли мобилизации трудоспособного немецкого населения в «рабочие колонны» (мужчины от 17 до 50 лет). Первая мобилизация января 1942 г. коснулась только поволжских немцев [Белковец, 2003, с. 139]. Эти акции уравнивали депортированные семьи с коренным населением Кулунды в производственных возможностях и способствовали снижению интереса колхозных администраторов к трудоустройству переселенцев: «полурабочников» – женщин и подростков, занятых в конно-ручной полевой работе в сибирской деревне военных лет был даже переизбыток. Октябрьская мобилизация 1942 г. – призыв мужчин 15–16 и 50–55 лет, женщин 17–45 лет (кроме имеющих на иждивении детей до трех лет) – убила этот интерес на корню.

В колхозах оставались лишь иждивенцы – дети, старики, инвалиды. «Кучи детей оставляли. Три года исполнилось – и оставляли такую кроху» (ПМА, В.З. Куропова (Гербер), 1927 г.р.). Если мужчины-трудармейцы добывали руду, строили заводы, шахты и стратегические коммуникации, т.е. в полном смысле «ковали победу», то женщинам в составе рабочих колонн выпадали подсобные работы. «Я в Сызрани была, на нефтепромыслах... Под конвоем не ходили – свои же и охраняли. Кому надо было – заходил в лагерь и брал рабочих. Кидали нас – куда попало: и картошку копать, и в госпиталь – и там, и сям работали...» (ПМА, Ф.И. Эльшайдт, 1925 г.р.). Масштабы мобилизаций легко установить сопоставлением данных о прибытии депортированных в октябре 1941 г. и их

численности в районах высылки в феврале 1944 г. Данные по Курьинскому и Чистоозёрному районам НСО учитывают и сибирских немцев (см. табл. 12).

Вплоть до 1944 г. (регламентация режима спецпоселения) происходил отток депортированных немцев с мест первоначального вселения на более благоприятные в отношении доступности хозяйственных ресурсов. Семьи депортированных решались на миграцию на небольшие расстояния, в пределах сельсовета, в том случае, если на местах водворения их не закрепляли за ресурсами, проще говоря, не давали вступить в колхоз. Председателю было выгоднее использовать поволжских немцев как наемных сезонных рабочих за мизерную плату, чем весь год заботиться о них.

В условиях слабой, фрагментарной правовой обеспеченности депортированных, произвола местных властей и скудости военного времени мигранту – поволжскому немцу приходилось рассчитывать на милость администрации колхозов, прежде всего – председателя. В глазах женщин и подростков принимающий «полуроботников» председатель колхоза имел большой авторитет: «У нас – хороший был председатель: никто с голоду не умер» (ПМА, М.В. Герпсумер, 1932 г.р.).

Например, в Краснозёрском районе НСО председатель колхоза «Трудовик» А.И. Козлов охотно принимал депортированных немцев. «Трудовик» был одним из семи колхозов-«карликов» в крупном с. Половинное. К привлечению поволжских немцев в артель Андрея Ивановича подтолкнул собственный жизненный опыт: во время Первой мировой он находился в германском плену. На 1945 г. в «Трудовике» находилось уже более 40 немецких домохозяйств, против 25 хозяйств коренных жителей – русских и украинцев. Итогом миграции немецкого населения в принимающий колхоз явилось возникновение немецких «концов» – «берлинов» в сибирских переселенческих сёлах.

Трудовая биография поволжского немца-подростка в кулундинском колхозе военного времени начиналась «разными работами». «Работала я на всяких разных работах. Скотником – зимой, на прицепе – летом. Корм да назём возила» (ПМА, Е.М. Сульзбах, 1931 г.р.). «Худую работу сперва нам давали», за которую колхозники-старожилы не брались. Так, первый передовик-спецпереселенец, упомянутый Краснозерской районной газетой, был занят в канун Нового года транспортировкой навоза на колхозные поля (газета «На колхозной стройке» от 01.01.1946.). Впрочем, работы

на сложном инвентаре в колхозах военного времени были не лучше, а велись они при полном небрежении техникой безопасности: «Я на сцепе работала. Тракторист как-то спросил в шутку: “Не боишься – запашу?” А и запахал ведь как-то» (ПМА, В.А. Милаенко (Лобес), 1935 г.р.).

Специалиста, до депортации занятого в инфраструктуре поволжско-немецкого колхоза, в лучшем случае ждала должность возчика или доярки, в худшем – всё те же практически неоплачиваемые и по преимуществу полеводческие «разные работы». История врача Велькера стала одной из местных легенд: «Был случай... Лет семь-восемь мужик воду на поля возил. Схватил аппендицит тракториста. Сделал ему мужик прямо на поле операцию. Потом тракторист в больницу поехал. Там, в Купине, вопрос сразу: “Кто сделал?” Дошло до райкома. Оказалось, что мужик тот – хирург I категории. Забрали его в больницу. Оказалось, мужик тот и газету с Волги сохранил, где пишут, как он работал. С четырёх районов к нему на операцию приезжали. Лет тридцать он в Купине работал» (ПМА, А.Д. Поличко, 1929 г.р.) (см. рис. 24). По данным особого сектора Новосибирского обкома ВКП(б), в Купинском районе НСО на август 1946 г. не работали по специальности 14 из 26 высококвалифицированных специалистов (ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 233. Л. 132). Не лучшим образом дело обстояло и с трудоустройством рабочих: в Чистоозёрном районе НСО работу по специальности нашли лишь 35 из 64 специалистов (ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 233. Л. 132).

Устройство по специальности в условиях колхозной экономики военного времени также не гарантировало спокойной жизни. «За саботаж обмолота хлебов путем порчи мотора комбайна комбайнерка Юдинской МТС Э.П. Эйрих военным трибуналом войск НКВД осуждена к десяти годам лишения свободы и трем годам поражения в гражданских правах с конфискацией принадлежащего ей имущества» (газета «Ударник» от 01.12.1942).

В кулундинских колхозах господствовали внеэкономические меры достижения «трудовых побед» и поддержания трудовой дисциплины: «Буран – не буран, а на работу надо ехать. Бригадир за опоздание ведь и ударить мог... Брата избил кнутом. Возчик вёз пшеницу на поле, брат схватил две жмени. Так он его бил как скотину...» (ПМА, В.М. Герпсумер, 1932 г.р.).

Несмотря на скверные условия, поволжские немцы в кулундинских колхозах работали добросовестно. «Работали в войну

как бурки. Ещё и насмехались над нами...» (ПМА, Е.И. Крумм, 1916 г.р.). Ударный труд спецпереселенцев вызывал у местных жителей раздражение: на фоне хорошей работы слишком бросались в глаза факты халатного отношения к принудительному и плохо организованному труду в колхозе.

Трудовые достижения немцев (возросшие с появлением демобилизованных работников), начиная с 1946 г., регулярно отмечала районная пресса. В 1947 г. среди сообщений о трудовых достижениях в Краснозёрской районной газете – десять немецких имён. Немцы-передовики работали пахарями (на волах и тройке лошадей), отмечены доярка, косарь, пастух и тракторист, а заведующий МТФ Лауб рапортовал: «Тёплая и сытая зимовка скота обеспечена» (газета «На колхозной стройке» от 24.05, 07.08, 04.09, 02.10, 06.05, 12.10.1947). В газете Чистоозёрного района «Ударник» в 1947 г. упомянут 21 немец-передовик, в то время как в 1946 г. – лишь двое.

Депортированные немцы были готовы хорошо работать в колхозе, несмотря на практическое отсутствие оплаты и грубость колхозной администрации, негативное отношение к передовикам местных колхозников. К созданию подобной ситуации привели следующие причины.

Во-первых, традиционный и актуальный жизненный опыт немцев Поволжья: относительное благополучие поволжских агропромышленных комплексов конца 1930-х гг. основывалось на многолетнем опыте внедрения технологий в сельское хозяйство, коммунитаристских стратегиях проживания и уникальной системе договорных отношений с российским государством.

На сибирской земле вариантом договора с властью и были отношения между вновь принятыми колхозниками – немцами Поволжья и председателем. В отличие от местных жителей, «записанных» в колхоз из сельской общины с поражением в имущественных и личностных правах, немецкие семьи со вступлением в колхоз обретали права и шансы на выживание, имели личные обязательства перед председателем за спасение от голодной смерти: «Условие было только одно: работай!» (ПМА, П.А. Крайсман, 1932 г.р.).

Во-вторых, добросовестный труд на колхозном поле был для нищих спецпереселенцев практически единственным способом выживания в принимающую среду. Для поволжских немцев, в том числе католического вероисповедания, стимулом к «ударному труду» являлась соревновательность, желание подтвердить стереотип

«в работе немец – лучший». Образцовая работа в сибирском колхозе для немца была ритуалом и средством презентации этничности, способом утверждения себя как немца, крестьянина, человека.

Трансформация культуры жизнеобеспечения. «Жилищные резервы для расселения переселенцев следовало изыскивать за счет переселенческих фондов, пустующих строений, а в случае их нехватки селить прибывших в порядке уплотнения в домах колхозников, рабочих и служащих» [Белковец, 2003, с. 59].

К 1940 г. Западная Сибирь стала приоритетным регионом для аграрной колонизации: в этом году принято 46,5 тыс. хозяйств переселенцев – колхозников из Центральной России, Восточной Белоруссии, Слободской Украины [Гущин, Кошелева, Чарушин, 1975, с. 34]. Депортации поволжских немцев предшествовала переселенческая кампания, в ходе которой за 1941 г. НСО должна была принять 20 тыс. семей колхозников (ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 352. Л. 13). Основные заботы о приёме переселенцев должны были взять на себя колхозы: подготовить жильё переселенческого фонда, снабдить прибывших скотом, хозяйственным инвентарём, семенами, обеспечить работой и оплатой на трудодни. Для этих целей колхозам выделялись кредиты. Однако на практике кампания принесла куда более скромные результаты: в течение первых пяти месяцев 1941 г. колхозам области удалось принять около полутора тысяч семей (ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 352. Л. 13). Из отчётов отделов обкома ВКП(б) следует, что принимающая сторона (в лице руководства колхозов) постоянно недовыполняла обязательства по устройству поселенцев.

Среди препятствий были обозначены: нехватка рабочих рук для строительства нового жилья и ремонта; нежелание делиться ресурсами – тяглой силой и техникой для освоения целинных земель; отсутствие скота для выдачи поселенцам и т.д. Кроме того, в степных районах НСО руководители хозяйств столкнулись с нехваткой стройматериалов. Переселенческая кампания сопровождалась многочисленными злоупотреблениями низовых администраторов.

Сама по себе попытка хозяйственного освоения Сибири простым увеличением плотности населения (без предоставления должных стимулов, привлечения техники и технологий) была утопией. В неурожайном 1940 г. 16 тыс. хозяйств переселенцев (треть общего числа «плановых» аграрных мигрантов в Западную Сибирь) вынуждены были возвратиться в регионы выхода [Гущин, Кошелева, Чарушин, 1975, с. 35].

Ситуация с переселенческим фондом в кулундинских районах соответствовала общему тренду. В 1941 г. предполагалось «принять, хозяйственно обустроить и закрепить» в Чистоозёрном районе НСО 440 семей переселенцев, а в Купинском – 750 («Ударник» от 10.04.1941). Однако газета повествует о реальном положении дел по приёму переселенцев: «Не сделали ничего. В колхоз “Великий перелом” Шипицинского сельсовета должно приехать десять семей переселенцев, для них должны подготовить десять квартир, но 15 апреля готов только один дом в две комнаты (и тот брошенный)»; «Девять домов и те не готовы. Колхоз “Труд” ...должен принять 20 семей. Сумеет разместить только девять. Но и эти избы полностью не готовы. Часть окон не застеклены. До сих пор материалы не выкуплены» («Ударник» от 20.04.1941). Кулундинские газеты упоминают случаи самозахвата старожилами новых домов и предоставление переселенцам ветхих строений, «замены» окон и пр.

С жильём и компенсациями для депортированных немцев возникли немалые сложности. «Семь семей нас в Редке было: Розентали и Крумм. Маленькая была деревня, нас посадили по две семьи в один дом. Мы со свекровью пошли в брошенную избушку» (ПМА, Е.И. Крумм, 1916 г.р.). «Сперва жили четыре семьи в одной квартире. “Здание” было: четыре стены и крыша. И все там были. Каждая семья перегородила место тряпками. Зиму прокоротали в том доме. Четверо было нас, да мать; Швейгеровых двое, да мать; Дуквены – шестеро, с матерью семь; Бауэры – восемь человек» (ПМА, В.М. Герпсумер, 1932 г.р.).

Кулундинское село показалось прибывшим депортированным немцам местом диким, бедным и неопрятным: «Сильно здесь от Волги отличалось. Свиньи просто по улице бегали, в дома – заходи и живи» (ПМА, Д.Д. Видергольд, 1929 г.р.); «Я приехала – здесь такая бедность...» (ПМА, Л.Я. Гильц, 1920 г.р.); «Мы не знали, что такое “пласт”. Я сказала: “Папа, гляди, у них крыши оладиками крыты!” Кто поаккуратнее – крыл камышом, либо ровным пластом, потом щели солонцом засыпал. Двери часто камышовые были. А так – с пласта всё было» (ПМА, Г.С. Котлярова (Эльшайдт), 1928 г.р.).

Изъятие средств товарного производства в колхозы, чрезмерные налоги с ЛПХ вызвали архаизацию бытовой сферы сельской культуры СССР 1930-х гг. Развитие получали технологии, способствовавшие натурализации сельской экономики. Ещё 1920-е гг. в среде

славян-кулундинцев происходило вытеснение домотканых материалов фабричными, традиционных фасонов одежды – городскими, но поволжские немцы в октябре 1941 г. застали русских и украинцев Северной Кулунды «в самотканом». «Пошивки такой, как у нас, не было. Самотканое всё, верх отбеливали. Внизу – мешковина. Всё подвязано. Шубы овчинные верёвкой подпоясаны. Пуговиц на одежде не было: палочки шли на шубы. Желобок вырезан в середке – и всё» (ПМА, Г.С. Котлярова (Эльшайдт), 1928 г.р.).

Жилища русских и украинцев степной зоны Сибирского края санитарный врач Айзин во второй половине 1920-х гг. описывал так: «Они тесны, темны, грязны, без всякой вентиляции, малы по объёму воздуха...» [Зверев, 1998, с. 63–64]. Помимо блох – «бича» жилищ с земляным полом – неудобства северокулундинским поселенцам причиняла платяная вошь. «Иногда обилие насекомых достигает такого количества, что для непривычного человека пребывание в таком жилье становится совершенно невозможным... Насекомые – вши, блохи, клопы – встречаются в 89 % обследованных жилищ» [Зверев, 1998, с. 63].

Поволжских немцев поражал контраст «красного угла» и остальной части «русской избы», грязной и грубой одежды хозяйки и чистого, великолепно вышитого «рушника» иконы. «Здесь иконы по углам висели и полотенца наверх» (ПМА, О.С. Эльшайдт, 1925 г.р.). В первые месяцы вынужденного совместного проживания немки-квартирантки даже «выделяли» местным хозяевам постельное бельё. «Заселились мы в избу – а у хозяев ни пододеяльников, ни наволочек – ничего... Подушки чёрные были. Я им выделила пододеяльники» (ПМА, Л.Д. Крунз, 1915 г.р.).

Ситуация с компенсацией оставленного на Волге имущества была удручающей. «Государство в конечном счете не выполнило своих обещаний немцам и по зерну. Сначала выдача его затягивалась в связи с ожиданием конкретных распоряжений правительства, в октябре-ноябре 1941 г. стали выдавать вместо предусмотренных инструкцией трех центнеров на едока по три центнера на трудоспособного члена семьи» [Белковец, 2003, с. 91]. «Помню, как приехали мы сюда, нам дали хлеба по два центнера на семью. Ни мяса, ни жира. На зерно сменяли овечку, зарезали – поделили» (ПМА, М.И. Эрих, 1928 г.р.). Объем компенсации депортированным немцам за сданный скот к февралю 1942 г. по НСО Л.П. Белковец оценивает в 3 % от юридически необходимого [2003, с. 88].

«Корову сдали (на Волге. – А.О.). И дали нам (здесь. – А.О.) корову-старушку. Да и нестельная была. А 46 килограмм мяса – изволь сдать. Жмут нас, повели в Заготскот корову. Христа ради попросили (заготовителя. – А.О.). Бывают ведь всё равно люди. Дал он нам молоденькую телушку того же веса» (ПМА, М.И. Эрих, 1928 г.р.). «Учитывая отсутствие надлежащих условий для сохранения скота», «в целях сохранения поголовья и недопущения его заболевания» облисполком в январе 1942 г. ввел ряд ограничений на отпуск скота по обменным квитанциям. Проблемы с выдачей компенсации были окончательно «решены» распоряжением Наркомата заготовок от 18 мая 1943 г.: прекратить выдачу зерна «за давностью сроков переселения».

Областные власти периодически поднимали вопрос о трудовом и бытовом устройстве переселенцев-немцев. С подачи контролирующих инстанций НКВД (МГБ) запросы к районным органам власти приняли регулярный характер. Однако гуманные директивы областных властей, встревоженных крайней степенью обнищания «спецконтингента», были адресованы хозяйственным субъектам, которые не обладали физическими, структурными, кадровыми ресурсами и мотивацией для обеспечения переселенцев кровом, работой и продовольствием.

Невозможность сколько-нибудь адекватной компенсации оставленного на Волге имущества, слабость инфраструктуры мест вселения, а также мобилизация 1942 г. вскоре не только уравнивали депортированных немцев с местным населением, но и поставили их в зависимость от старожилов. Первой формой общественной помощи, к которой пришлось прибегнуть поволжским немцам, расселенным по кулундинским деревням, был обмен. «За ведро морозовой картошки мать последнее отдавала, чтоб с голоду не помереть» (ПМА, В.З. Куропова (Гербер), 1927 г.р.). «Покрывала, бельё – всё продавали, у местных ничего не было» (ПМА, Е.А. Крумм, 1916 г.р.). «Мать бегала по соседям: “Купите это, дети погибают!”» (ПМА, В.М. Герпсумер, 1932 г.р.).

Обмены 1942 г. до сих пор – один из самых трагических сюжетов в устной истории кулундинцев 1930-х гг. рождения. Различным является их восприятие в устной истории поволжских немцев и представителей старожилов-славян. «Местные» были «богаче» мигрантов на мешок картошки, «свой кусок отдавали им». Вещи были необходимы самим немцам, картофель старожилы выращивали для собственного скудного потребления, а не

на продажу. Славянское население воспринимало обмены как акт милосердия, а поволжские немцы – как акт экспроприации. Работу «в прислугах» немцы считали эксплуатацией. Страдания от местного населения в целом они переживали острее, нежели несправедливость со стороны государства. «Ну что я скажу: справедливо – несправедливо (о депортации. – *А.О.*)? Закон есть закон: исполнять надо!» (ПМА, В.Н. Долгаймер, 1928 г.р.).

К зиме 1942–1943 г. последняя «мануфактура», привезённая с Волги, была обменена на продукты. Немцам, оставшимся в кулундинских деревнях, пришлось облачиться в холщовые брюки, ватники-«куфайки», обуться в сыромятные «поршни» и лапти «из таль». Да и эта «одежда» предназначалась лишь для работающих членов семьи. «Мы совершенно голые были. Зимой на печи сидели. Тряпки вокруг бёдер намотаны были – и всё... Две зимы так было. Потом появились штаны общие, рубаха общая, одна куфайка на семью» (ПМА, В.М. Герпсумер, 1932 г.р.).

Документы Новосибирского обкома ВКП(б) фиксируют пребывание «раздетых немцев» на территории кулундинских районов и в послевоенном 1946 г. «В Кочковском районе из 476 спецпереселенцев-немцев, трудоустроенных в колхозах, не работали к весне 86 человек, т.к. совершенно не имели одежды, обуви и продуктов питания...» (ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 233. Л. 129–130). Подобная ситуация не устраивала обком и УМВД: крайняя степень обнищания создавала непредсказуемую социальную обстановку, способствовала росту антисоветских настроений среди «спецконтингента».

Заметим, что вещи, невостребованные при обмене (по причине чрезвычайной их простоты и распространенности), в дальнейшем стали бережно хранимыми реликвиями в поволжско-немецких семьях. Приведем фрагмент описания экспонатов ОИКМ: «Ракк Варвара Христофоровна, 65 лет, была выслана в 1941 году из с. Мариенфельд Эрленбахского кантона АССР НП. Из того скарба, что удалось прихватить при отъезде, сохранились доска для разделки лапши и толкушка для изготовления картофельного пюре» [Черказьянова, 1996, с. 394].

По мере исчерпания запаса вещей, годных на обмен, всё большее значение для выживания немецких семей принимал механизм «помочи». «Делали им “помочь”. Деды напахали пластов, за день сделали стены, нарубили прожилин, покрыли, подровняли. Беляк замесили, женщины мазали с обеих сторон избу. И так – одну, вторую, третью (пластянку. – *А.О.*)» (ПМА, А.Д. Поличко, 1929 г.р.).

В условиях пассивности государственных структур в решении проблем депортированных сами колхозники на подлинно «общественных», традиционных началах выполнили директивы обкома по обеспечению немцев отдельным жильем. Так же была решена проблема обеспечения семенным материалом: «Первый год мы лужайки (картофельные очистки с ростками. – *А.О.*) у людей высаживали и сажали» (ПМА, В.М. Герпсумер, 1932 г.р.).

Именно в рамках соседской взаимовыручки получило развитие немецкое ремесло в сибирской деревне. Колхозная деревня 1940-х гг. переживала тотальный потребительский голод и дефицит ремесленных услуг. Поволжские немцы обшивали, обували и снабжали мебелью старожилов: «Мать и сестра только этим и жили. Шерсть несли им, и они всё делали. Вышивали немки – и гладью, и крестом. Ночами работали, при коптилке сидели» (ПМА, Е.М. Сульзбах, 1931 г.р.).

Как правило, полноценную оплату за немецкое рукоделие местные хозяйки не могли себе позволить, но в семьях депортированных рады были каждому куску хлеба. «Соседка матери заказывала шитьё всякое. Говорит как-то: “Роза, если мой Василь с фронта придёт – отдам тебе вот эту ярочку”. Он вернулся. Соседка мать позвала: “Василь, не сердчай на меня”, – так, мол, и так, всё ему обсказала. “Воля твоя – выбирай, веди домой”. Так у нас (в хозяйстве. – *А.О.*) бараны пошли» (ПМА, В.М. Герпсумер, 1932 г.р.).

Если ссыльные немцы существовали в сельской военной экономике в условиях фрагментарной государственной опеки, по крайней мере, до 1944 г., то значительная часть трудармейцев находилась на полном государственном попечении. «Кормили как? Крапива утром, крапива вечером! 600 грамм хлеба полагаюсь. Хлеб – тяжёлый, влажный, как мыло хозяйственное» (ПМА, О.С. Эльшайдт, 1925 г.р.).

Отто Соломонович Эльшайдт, как и многие купинские немцы, в 1942–1947 гг. работал на Урале, в тресте «Шахтстрой», на «режимном» предприятии. «Как в трудармии жили? В бараках там трёхъярусные нары были сплошные. 975 человек входило. Барак не отапливался. Но сутки там побыли, жара наступила... С наших – семь человек умерли. Как умирали? Да бывало, смотришь – по помойке лазит человек. Глядишь, через четыре-пять дней помер. Голодные были, вшивые...» (ПМА, О.С. Эльшайдт, 1925 г.р.). «Отца звали Фридрих Лаврентьевич Вейде. По-

гиб в трудармии. Я его не помню. Помню только, как он ночью прощался с нами» (ПМА, Н.Ф. Крунэ, 1938 г.р.). «Отец в 49 лет ушёл из жизни, мало пожил. С трудармии он в марте месяце пришёл, в тряпки обутый. Семья сильно большая была, когда мы сюда приехали – одиннадцать душ. Отца и троих старших в трудармию забрали» (ПМА, В.А. Милаенко (Лобес), 1935 г.р.).

Канадский исследователь М. Поль, со ссылкой на отчет МВД, определяет прямые людские потери депортированных немцев Акмолинской области Казахской ССР за 1944–1949 гг. в 8,9 %, отмечая, что это самый низкий показатель потерь по «ссылным народам» региона. При этом не учитывалась убыль 1941–1943 гг. [Поль, 2002, с. 166]. Новосибирская Кулунда – регион более благополучный, нежели Акмолинская степь, где опека местных казахских общин практиковалась, прежде всего, по отношению к единоверцам-кавказцам. Однако прямые потери поволжских немцев Северной Кулунды в период 1941–1949 гг. вряд ли были ниже обозначенного показателя.

Демографические потери советских немцев в результате депортации, пребывания на спецпоселении и мобилизации в трудармию В. Кригер оценивает в 22–25 % численности российских немцев к началу войны [2002а, с. 485–486]. Этот показатель выше общесоюзного значения демографических потерь в Великой Отечественной войне, который определяют в пределах 18,7–21,3 % к населению страны на середину 1941 г. [Кригер, 2002а, с. 492].

Помимо высокой смертности (исследователи отмечают значительную убыль мужчин старшего возраста) в результате крайне тяжелых условий первых лет пребывания в ссылке и трудармии, высокие демографические потери объясняются и деформацией половозрастного состава населения в результате мобилизации. По подсчетам Л. Обердерфер, в 1944–1947 гг. рождаемость у спецпереселенцев НСО была в 4,2 раза ниже, чем у местного «правового» населения [2001, с. 334].

Уровень прямых людских потерь немецкого населения Советского Союза в 1940-е гг. вряд ли превышает нижний предел общесоюзного показателя – 11 % довоенного населения. Однако, учитывая наивысшую среди народов СССР долю небоевых потерь, нельзя не признать судьбу советских немцев в 1940-е гг. удручающей.

Трансформация соционормативной культуры поволжских немцев. Вплоть до 1944 г. оставался неопределенным и неразъясненным статус депортированных граждан. Большинство государ-

ственных и ведомственных нормативных актов, которые выходили под грифом «строго секретно», не были известны принудительным мигрантам и их сибирскому окружению [Белковец, 2003, с. 171–172]. Надежды на вмешательство государства и скорейшее исправление несправедливости депортации обходились переселенцам слишком дорого. «У нас в Токаревке были немки – они ничего не делали, картошку даже не сажали, вечером к матери придут – она на приемном пункте работала, она им зерна немножко отсыплет. Они думали, что назад нас скоро отправят, ведь невозможно здесь жить. Потом председатель про то прознал – их гонять стал и на мамку накричал. Они умерли скоро – с помоек, с могильников ели...» (ПМА, Э.И. Штайнбах, 1930 г.р.).

С октября 1942 г., согласно официальному постановлению, дети мобилизованных в трудовую армию немецких женщин «передавались на воспитание остальным членам семьи, ближайшим родственникам или, при их отсутствии, немецким колхозам... В других местах, где немецких колхозов не было, детей следовало оставлять на попечение обычных колхозов и совхозов» [Белковец, 2003, с. 140]. В результате на сельскую общину легло бремя заботы о детях поволжских немцев, призванных в трудовую армию.

Колхоз мог «опекать» подростков, годных к полевой работе. Детей младших возрастов ожидало нищенство и батрачество. «Бабушка с горя умерла, младший брат тоже умер. Ходили мы по миру, собирали куски» (ПМА, В.А. Милаенко (Лобес), 1935 г.р.). «До восьми лет в прислугах ходила... По месяцу, по два с детьми сидела. За это кормили, иногда что-нибудь из платья давали» (ПМА, А.П. Кинд, 1937 г.р.). Таким образом, в сибирских деревнях использовался традиционный вариант помощи сельскому сироте, упоминаемый, в частности, Т.К. Щегловой [2008, с. 135–136]: детей передавали из дома в дом, где они помогали по хозяйству, за что их кормили и одевали.

В течение семи-восьми лет немецкие подростки в сибирской деревне реализовывали программы выживания и поддержания этничности практически самостоятельно, с минимальным и непоследовательным влиянием взрослых социализаторов. Подростки для роли глав семей подходили плохо, в хозяйственной деятельности находились на подчинённых ролях. «Что могли дети сделать в это время!?! Страшнейший суд перед людьми, кто допустил такое!» (ПМА, В.М. Герпсумер, 1932 г.р.). Именно военные и послевоенные годы оказались рубежными в переходе от постфигуративной

модели социализации к кофигуративной, ориентированной на ценности и примеры не предков, а сверстников.

В результате акции НКВД по воссоединению семей в 1949 г. в кулундинские села стали возвращаться мужчины, ранее демобилизованные из трудармии. Вновь обретенные ими дети разительно отличались от оставленных в 1942 г. не только по физическим параметрам. В конце 1940-х гг. это были «шкодные» подростки по набору лексики и манерам, скептически настроенные по отношению к государственной власти и родительской воле.

Однако и существование в составе рабочих колонн резко отличалось от условий жизни в сельской поволжско-немецкой среде. Попытки задействовать традиционный (в т.ч. религиозный) опыт хотя бы в целях поддержания духа трудмобилизованных жестко пресекались сотрудниками «оперчасти». Молитвенные собрания были удобным объектом для инициирования следственных действий. Впрочем, конкурировавшая в довоенное время советская идеология имела мало шансов на самостоятельное существование в группах трудмобилизованных: в 1942–1944 гг. партийно-хозяйственная элита АССР НП, пребывавшая в составе рабочих колонн, стала жертвой репрессий [Кригер, 2002, с. 95–98].

Трудармейцы жили по нормам, ставшим универсальными для пенитенциарной системы СССР военного времени. «Распределили нас взводами по 32 человека. Командиров назначили. Выбирали грамотных. Издевались над нами, придирались – свои же, начальством выбранные. Бригадиры не садились с нами есть – следили за порядком. У них особый стол был – от нас отрезали, себе прибавляли. Тяжёлую работу они не работали. Однако их разоблачили: начальник приказал дополнительную пайку дать. А они съели нашу пайку...» (ПМА, О.С. Эльшайдт, 1925 г.р.).

Украсть продовольствие на режимном предприятии было делом чрезвычайно сложным, поэтому трудармейцам приходилось заниматься мошенничеством, чтобы выжить. «Мы у пленных румын хлеб меняли. Махорки старались где-то взять. Опилки подмешивали и на хлеб меняли. Хлеб схватишь – и бежать. Если что – к охраннику. Он ржёт: “Ты... Немчура, опять надули их!”» (ПМА, О.С. Эльшайдт, 1925 г.р.).

Для выживания трудармейцев гораздо больше значили актуальные партнерские отношения, нежели старые земляческие или родственные связи. «Когда в Новосибирске в телячий вагон сажали – последним хорошо одетого человека подвезли: бурки,

папах, кожанка. Горн, главный ветврач района. Ему худое место досталось, одёжу затоптали, рядом по нужде ходили... Я ему кипяток носил, а другие издевались... И он меня приметил. ...На самый край – на Урал, в шахту бросили. Горн там сразу попал в конный двор. У него 88 коней было... Он мне говорил: “Смотри, туго будет – я тебе, чем могу, помогу”. Ему допталоны давали...» (ПМА, О.С. Эльшайдт, 1925 г.р.).

Необходимым подспорьем в выживании семьи для советской деревни военного времени была реквизиция продукции, предназначенной на сдачу государству. «Мать добрые люди научили – с тока идёшь, возьми зерна в рукавицы: все женщины так делали, у всех ведь дети дома голодные...» (ПМА, В.М. Герпсумер, 1932 г.р.). В противостоянии властям крестьяне нередко проявляли солидарность. «Займы в войну были. Хочешь, не хочешь: подписывай. Пока не подпишешь – сиди в кладовке. В кладовке той холодно. Русская баба мимо проходила – клямку с двери сняла... А мать прибежала к председателю, молилась и плакала – думала, арестуют меня...» (ПМА, М.И. Эрих, 1928 г.р.).

В кулундинском переселенческом селе немецкая сторона фигурировала в качестве дисциплинированной рабочей силы. Местные жители выступали в роли «учителей жизни» – передавали полулегальные технологии выживания. Вместе со старожилами на скамье подсудимых оказывались и спецпереселенцы, получая «срока» соразмерно участию в преступлениях. «За совершение хищений ценностей из магазина Садоменского сельпо народным судом осуждены Рыбак Анатолий к 17 годам лишения свободы, Иосиф Эклер к 8 годам лишения свободы и сторож сельпо Борис Рейн за проявленную халатность при охране магазина к 1 году исправительно-трудовых работ» (газета «На колхозной стройке» от 16.03.1950).

Существование в экстремальных условиях трудармии и колхозной экономики военных и послевоенных лет при нивелировке традиционных институтов обусловили опору на актуальные товарищеские, партнерские отношения в трудармейских и сельских коллективах, распространение полулегальных практик жизнеобеспечения, деградацию конфессионального сознания. «Работы было много, а надежды на Бога – мало», – подводят итог «ссылному» периоду существования информанты Т.В. Савраниной [2001, с. 316].

Упоминания о спецкомендатурах НКВД (МВД), курировавших ссыльных немцев, – почти обязательный элемент рассказов

русских или украинцев, соседей кулундинских немцев. «Немцы были все под комендатурой. Если надо было уехать, разрешение комендант давал. Обязательно указывалось, зачем едешь» (ПМА, М.В. Мартыко, 1929 г.р.).

Сами немцы о контроле НКВД почти не упоминают: для информантов 1930-х гг. рождения это элемент «естественной среды», в которой прошло их детство, а для бывших «трудармейцев» – малозначимый факт в сравнении с пережитым на военных стройках и производствах.

Информанты-кулундинцы (русские и украинцы) упоминают о спецкомендатурах с сочувствием и недоумением. Сочувствие продиктовано нелепостью и несправедливостью полицейского контроля над людьми, по меркам сибирской деревни, феноменально законопослушными и безропотными. Недоумение вызвано юридической казуистикой: именно пребывание под спецкомендатурой послужило критерием для предоставления государственных льгот жертвам политических репрессий в современной России. С точки зрения русских и украинских респондентов, спецкомендатуры выступали скорее формальным средством удержания, надзора и наказания спецпереселенцев в местах ссылки: де-факто их удерживало колхозное право, надзидало и социализировало местное население, наказывали нищета и суровый климат.

Практики коммуникации и самосознание поволжско-немецкого населения. В результате совместного труда и преодоления общих невзгод из поволжских и сибирских немцев, украинцев и русских сформировались специфические переселенческие сообщества. Консенсус, на основе которого смогли результативно существовать представители разных культур, достигнут за счёт больших жертв со стороны спецпереселенцев.

На отношение местного населения к депортированным немцам Поволжья негативным образом влияло отсутствие разъяснений со стороны районных властей о статусе переселенцев, а также последствия советской военной пропаганды. Значительная часть оставшихся в кулундинской деревне жителей, не воспринимавшая газетный текст по причине неграмотности или малограмотности, была ориентирована в большей степени на образцы плакатного искусства. Советские антинемецкие плакаты «читались» как фольклорный текст. Работал механизм, описанный Ю.М. Лотманом применительно к жанру лубка: «Лубок живет в особой атмосфере комплексной, жанрово неразделенной, игровой художественности,

которая органична для фольклора и в принципе чужда письменным формам культуры» [2002, с. 322].

Старожилы-кулундинцы искали у депортированных немцев Поволжья портретного сходства с «плакатным» немцем. О подробностях униформы вермахта сибирские колхозники не ведали, немца в шлеме с «рожками» отождествили с бесом, а массовое вселение в деревню «чертей» – с пришествием Антихриста. «Как приехали сюда – сбежались, как на смотрины. Как на диковину смотрели. Они думали, у меня двухметровые руки, ноги, рожки» (ПМА, Л.Д. Крунэ, 1915 г.р.). «А местные у нас по приезде спрашивали: а почему у них рог нету?» (ПМА, Д.Д. Видергольд, 1929 г.р.). Об изначальном «карикатурном» восприятии прибывающих немцев говорят и алтайские крестьяне – информанты Т.К. Щегловой [2008, с. 355].

Немецкие крестьяне, впрочем, воспринимали плакаты сходным образом. «С германскими немцами разговаривал только в трудармии, нас на работу вместе водили. А раньше в журналах их рисовали, карикатуры были. Ну, мы думали, такие они и есть» (ПМА, О.С. Эльшайдт, 1925 г.р.).

По многочисленным свидетельствам информантов, говорить на родном языке можно было только шёпотом, в противном случае следовал окрик: «Ну-ка! Разговаривай, чтоб мы понимали!» Впрочем, бывали и обратные примеры. «Работал с нами молодой парень, всё интересовался, как мы говорим. За полгода кое-чему научился: самые простые вещи обсудить могли. В 1943 году его на фронт забрали, больше он не вернулся» (ПМА, Ф.И. Эльшайдт (Вейде), 1925 г.р.). Иноязычная речь в переселенческом обществе воспринималась как тайный жаргон, как нежелание поддерживать доверительное общение. Родной язык, таким образом, стал средством семейного общения. Владение же русским языком, точнее, местным диалектом, ощущалось как жизненно необходимое.

В частности, риск работы на изношенной сельхозтехнике усугублялся незнанием языка и отсутствием навыков и желания у местных техников и бригадиров что-либо разъяснить. «Не забуду: в 1941 году меня сразу на прицеп послали. Пахал Вороновский Митька. Трактор поломался, он говорит: “Принеси ключи”. Мы не понимаем – он злится, заводным ломиком гонял нас. Мы испугались, в кусты убежали, там спрятались. Он кричит: “Айдайте, я вас не трону”. Потом председатель пришёл, позвал нас. Митьку

отругал. А так к нам всё время – “немчура, немчура”» (ПМА, О.С. Эльшайдт, 1925 г.р.).

Следствием репрессивной политики Советского государства явилось то, что правила совместного проживания в одном сельском обществе выбирали обладатели ресурсов – местные жители, а консенсус сосуществования культур был продиктован бесправным и нищим немцам. «Сейчас мы можем защищаться, а тогда и поздороваться не могли» (ПМА, О.С. Эльшайдт, 1925 г.р.).

Негативизм в отношении к немецкой культуре и языку ярко проявлялся в подростковой среде, наиболее восприимчивой к пропаганде. Если немецких детей в школе было немного, школьные «игры» носили обидный, унижительный характер. «Нас в “Совсибири” двое только было с матерью немцев. И постоять за меня некому было. Издевались страшно. Свастикку рисовали на одежде, плевали – всё было» (ПМА, Н.Ф. Крунэ, 1938 г.р.).

Однако и в сельских школах, где немецкие дети составляли значительную часть учащихся, негативизм в отношении к немецкому разделяли ученики из поволжско-немецких семей. «В школе нам все предметы давали так же, как и русским детям. Русский язык тяжело давался, немецкий язык не хотелось учить» (ПМА, И.И. Кольмай, 1937 г.р.). «Свой язык – скрывали. Потому и позабыли... Честно скажу: и учить я его не хотел. Мы его презирали, немецкий язык... Как вспомню: “Крунов! Вон из класса!” Я матерщинным словам немецким русских девчонок учил, подсказывал им похожие. На немецком всё больше дома, с матерью говорил...» (ПМА, Н.Ф. Крунэ, 1938 г.р.).

Впрочем, большинство кулундинских информантов – немцев 1930-х гг. рождения не окончила семи классов, многие после депортации и не продолжали обучение в школах по месту ссылки. «Я четыре класса кончила. Потом бросила школу – ходить не в чем было» (ПМА, В.А. Милаенко (Лобес), 1935 г.р.). «На Волге не ходил в школу. А здесь – троим надо было ходить. Получалось до морозов» (ПМА, В.М. Герпсумер, 1932 г.р.).

Согласно микропереписи 1994 г., немцы НСО обладали самым низким показателем уровня образования среди основных этнических групп региона: 3,3 % мужчин и 8,5 % женщин старше 15 лет на 1994 г. были неграмотны [Национальный состав..., 1995, с. 7, 29].

Казахстанские демографы, комментируя аналогичную ситуацию среди немцев на 1970 г., высказываются весьма категорич-

но: «Причины низкого уровня образования немецкого населения следует усматривать, прежде всего, в ближайших последствиях депортации и спецпоселения, и, отчасти, в сравнительно молодой структуре немецкого населения. Практически целое поколение немцев, родившихся накануне войны, не имело возможности получить даже среднее образование, не говоря уже о среднеспециальном и высшем» [Немецкое население..., 2002, с. 57].

Лучшей школой информанты – поволжские немцы 1930-х гг. рождения склонны считать профессиональное обучение, позволившее им сравнительно рано «стать на ноги» и в дальнейшем достичь высокого положения в сельских сообществах. В результате трудовых мобилизаций, неэффективности практик водворения, деградации сельской инфраструктуры в условиях коллективных хозяйств и военной экономики немецкие подростки в 1940 – начале 1950-х гг. не могли перенимать собственно немецкие «мужские» ремесла. Единственным доступным в кулундинской деревне профессионально-образовательным «ресурсом» оставались сельские мастера-старожилы – «дедки». «Я валенки катал. Как катал? Шерсть теребишь, потом заращиваешь, потом в кислоту. Потом – в котел с горячей водой, что руки не терпят... Меня дядя Иван научил. А он – у Сергея Ивановича Парфёнова» (ПМА, В.Н. Долгаймер, 1928 г.р.). «Начинал в промкомбинате сапожником. Никто не учил, если бы не научился, то с голоду бы помер. Лапти, чуни – с этого начинал. Потом присматривался по дереву. Дед один заметил, помог. И пошло: сперва обозы делал. Потом столы, шкафы. В район их отправляли – замечаний не было» (ПМА, П.А. Крайсман, 1931 г.р.).

В конце 1940-х гг. у молодых поволжских немцев появился способ перейти с «худой», «разной работы» и переключиться с «остаточных» «мирских» ресурсов на прямое государственное обеспечение, выйти из-под опеки колхозов, прежде всего, в структуру МТС. «В сорок девятом поехал в Андреевку на механизатора учиться. Работал на тракторе, стал зарабатывать и хлеб, и деньги. Невероятная была радость! Теперь я достиг человеческой жизни!» (ПМА, М.В. Герпсумер, 1932 г.р.).

Можно констатировать, что адаптация немецкого населения Северной Кулунды в 1940 – начале 1950-х гг. оказалась крайне затруднена вследствие политико-правовых и экономических ме-

роприятий воюющего тоталитарного государства. Война усугубила системные недостатки управления, обусловила финансовую и ресурсную несостоятельность местных хозяйственных структур. В результате мер национальной, аграрной и экономической политики СССР в 1942–1943 гг. среди немецкого населения Северной Кулунды стало массовым беспризорничество, тотальным – дефицит социализации, обозначились проблемы трансляции этнокультурного опыта.

Вопросы жизнеобеспечения депортированных решались всеми возможными формами мирской поддержки старожильческих общин, трудовыми усилиями и технологиями русских и украинцев Кулунды. Возможности старожильческой опеки были чрезвычайно ограничены. В условиях Северной Кулунды выживание депортированных обеспечилось далеко не повсеместно. К середине 1940-х гг. поволжские немцы вынужденно заимствовали комплекс материальной культуры старожиллов. Коллективы мобилизованных в «рабочие колонны» не имели и такой возможности. В условиях изоляции и оскудения демографических и культурных ресурсов немецкие сообщества Кулунды приобрели кризисный характер.

ГЛАВА 5

НЕМЦЫ НОВОСИБИРКОЙ КУЛУНДЫ В ПЕРИОД ПОЗДНЕИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (1954–1964 годы)

В 1953 г. Кулундинская степь стала одной из основных территорий новой аграрной политики Советского государства. Освоение целинных и залежных земель способствовало притоку техники и специалистов в сибирские степи, внедрению экономически оправданных норм хозяйствования, повышению доходов и степени личной свободы крестьян. В годы освоения целины крестьянский труд обрел смысл не только из-за обращения к технологиям, а не пропаганде, но и благодаря возможности высоких сезонных заработков.

За 1953–1964 гг. в ходе масштабных аграрных мероприятий Кулундинская степь превратилась в местность с выраженным «культурным» ландшафтом колочно-полевого типа. На 1960 г. площадь пашни в кулундинских районах НСО выросла в 1,7 раза в сравнении с довоенным 1940 г. За шесть лет освоения целины было распахано по 50–70 тыс. га на район [Народное хозяйство..., 1961, с. 35]. Хозяйства Кулундинской зоны специализировались на выращивании яровой пшеницы (увеличение площади посевов в 1,6 раза в сравнении с 1940 г.) и на интенсивном молочно-мясном животноводстве. Интенсификация животноводства была вызвана и сокращением выпасных площадей в связи с распашкой. Часть пашни использовалась для производства кормовых культур. Возросла степень механизации сельского хозяйства: даже при значительном увеличении площади обрабатываемых угодий в 1960 г. на «условный» трактор приходилось не более 182 га пашни (в 1953 г. – не менее 224 га) [Народное хозяйство..., 1961, с. 183]. Если в 1953 г. половина сена заготавливалась вручную, либо конными косилками, то в 1958 г. кочковская районная газета с похвалой отзывается о председателе, который создал бригаду косарей

из числа домохозяек для выкашивания колков («Трудовая жизнь» от 27.07.1958).

К 1960 г. были электрифицированы все хозяйства Кулундинской хозяйственной зоны (в 1953 г. лишь треть колхозов имела электроэнергию «от дизеля») [Народное хозяйство..., 1961, с. 185]. Качественно изменилась инфраструктура кулундинских районов: родильные дома смогли принимать рожениц не только из районцентра, но и из близлежащих сёл; увеличился штат медработников и число больничных коек [Народное хозяйство..., 1961, с. 304–305].

Произошли изменения в государственной налоговой политике. В 1953–1954 гг. снизили ставки налога на личное хозяйство. В 1958 г. натуральные поставки с подворий колхозников были отменены [Очерки..., 2001, с. 71–72]. На страницах кулундинских районных газет в 1954–1958 гг. стали появляться многочисленные свидетельства успешной деятельности ЛПХ.

Кулундинские колхозники стали получать не только натуральные трудодни и авансы, но и небольшие суммы денег. Возросшую зажиточность селян констатировал инспектор Краснозерской районной сберкассы П. Петренко: «Если сравнить 1948 г. с 1954 г., то количество вкладов и вкладчиков по району увеличилось в три раза» («На колхозной стройке» от 06.08.1954). Объём вкладов граждан в Краснозёрском р-не НСО составил на 1958 г. 623 тыс. руб., в 1959 г. – 730 тыс. руб., в 1960 г. – 800 тыс. руб. [Народное хозяйство..., 1961, с. 269].

В конце 1955 г. советские немцы были освобождены из-под опеки органов МВД. Однако указ Президиума ВС СССР «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении» не влек за собой возвращение оставленного при депортации имущества и не содержал формулировок о признании государством ошибочности или неправомерности указа от 28 августа 1941 г. Юридическому освобождению немцев-спецпереселенцев, состоявшемуся в декабре 1955 г., предшествовал ряд актов 1953–1955 гг., смягчавших положение основной массы спецпереселенцев и выводивших из-под опеки МВД малые «специфические» контингенты. Наличие среди групп, освобожденных в течение 1954 г., не только заслуженных людей, лиц, достойных участия (стариков и инвалидов), заведомо безвинных (детей и подростков до 16 лет), но и амнистия реальным, осужденным судебным порядком коллаборационистам в сентябре 1955 г. свидетельствует, скорее, о логике демографа, чем юриста. После кош-

мара амнистии 1953 г. компетентные государственные структуры стремились поэтапно «разгрузить» места ссылки и заключения. В течение 1956 г. поволжские немцы были сняты с учета при условии невозвращения в родные места и получили свободу выезда в пределах бывших мест спецпоселения [Белковец, 2003, с. 289]. Однако немцы, в отличие от депортированных кавказских народов и калмыков, получили лишь фактическую свободу передвижения по стране с наличием запретных для проживания районов. Причины затянувшейся на 18 лет реабилитации советских немцев, реализованной тремя указами (1955, 1964 и 1972 гг.) Президиума ВС СССР, исследователи видят преимущественно в «хозяйственной ценности» бывшего спецконтингента для нужд освоения Сибири и Казахстана. Действительно, отмечаемая документами МВД степень хозяйственного обустройства выгодно отличала поволжских немцев от других категорий спецпереселенцев, позволяла в дальнейшем стимулировать немецкие трудовые успехи посильными для государства средствами.

Немецкое население Северной Кулунды на 1959 г. насчитывало 15 516 чел., что составляло от пяти (Краснозёрский и Купинский р-ны НСО) до десяти процентов (Баганский и Карасукский р-ны НСО) населения района, пятую часть общей численности немцев НСО и треть сельских новосибирских немцев [Население..., 1972, с. 61].

К началу целинной кампании группы немецкого населения были более благополучны в демографическом смысле, нежели старожилы степных районов Сибири и Казахстана. В частности, потери поволжских немцев в результате смертности в трудармии и сибирских селах военных лет всё же были меньше потерь славянского населения Кулунды в 1941–1945 гг. При этом пик боевых потерь пришелся на поколение первой половины 1920-х гг. рождения. Среди немецкого населения этот возрастной сегмент был наиболее сохранным.

Особенно ощутимыми демографические проблемы целинных районов стали в конце 1950-х гг., когда количество выпускников сельских школ было минимальным, а качество полученного среднего образования предоставляло обширные возможности для продолжения обучения или трудоустройства в городах. В начале 1960-х гг. помимо целины комсомольские путевки выдавались на ударные стройки, привлекавшие молодых рабочих и специалистов. Получить среднее образование и остаться в колхозе – поступок,

достойный в 1960 г. упоминания на районной конференции передовиков. Доярка колхоза им. Чапаева Нина Альбах, в частности сказала: «Дорогие товарищи! Я окончила десятилетку и пошла в животноводство» («Коммунист» от 16.01.1960). В силу неполной реабилитации немецкая молодежь была менее мобильна, нежели их сверстники – русские и украинцы. Ограничения касались не только свободы перемещения по стране, но и возможности получения высшего образования.

В результате реализации индивидуальных и клановых миграционных стратегий, в ходе кампании по укрупнению хозяйств, а вслед за ними – сельских населенных пунктов, кулундинские немцы вошли в современную культуру как жители крупных полиэтничных сел. Компактное проживание старожильского немецкого населения на 1950-е гг. сохранялось в с. Цветное Поле (Чистоозёрный р-н НСО), Орловка (Купинский р-н НСО), Октябрьское (бывш. Гоффенталь, Андреевский, ныне Карасукский р-н НСО). К началу 1960-х гг. в Андреевском р-не были восстановлены немецкие села Александро-Невский (ныне Баганский р-н НСО), Луганск, Шейнфельд (входят в современный Карасукский р-н НСО).

Однако полным объемом сельской инфраструктуры (фельдшерский пункт, семилетняя школа) обладало лишь крупное село Октябрьское. В остальных немецких селах Новосибирской Кулунды (до 100 домохозяйств) полный цикл школьного обучения был организован лишь в 1970-е гг. Сибирско-немецкие сёла севера Кулунды до конца 1950-х гг. находились в составе совхозов и «укрупненных» колхозов, русско-украинских или казахских по основному этническому составу.

Часть старожильческих немецких семей осталась жить по месту расселения 1945 г., наряду с поволжскими немцами, в соседних полиэтничных селах: александро-невцы – в с. Казанке, луганцы и шейнфельдцы – в с. Студеном. В результате, например, в Казанке на начало 1960-х гг. из 89 семей 41 была немецкой (ОАС администрации Баганского р-на НСО. Ф. 28. Оп. 3. Д. 63, 64). Напротив, в немецко-старосельческом селе Ясная Поляна (бывш. Розенталь) на 1963 г. лишь 46 хозяйств из 101 были немецкими (ОАС администрации Баганского р-на НСО. Ф. 28. Оп. 3. Д. 59), а в Павловке (бывш. Шендорфск) до начала 1960-х гг. преобладало казахское население. Концентрация поволжско-немецкого населения в Чистоозёрном, Кочковском и Краснозёрском р-нах НСО иногда была сопоставима с немецко-старосельческой. Так, в с. По-

ловинном Краснозёрского райрна НСО немцами уже к середине 1950-х гг. была заселена целая улица – Карасукская.

В 1955 г. справка 4 спецотдела МВД сообщала, что поволжские немцы «в подавляющем большинстве трудоустроены по специальности в различных отраслях промышленности и сельском хозяйстве». Основная масса немцев, как говорилось в том же документе, к порученной работе относится «добросовестно и за время нахождения на спецпоселении показала себя положительно, активно включилась в хозяйственную и культурную жизнь и прочно обосновалась в местах настоящего жительства» [Белковец, 2003, с. 286].

На момент реабилитации кулундинские немцы были наследниками не только значительных по численности носителей и по масштабам свершения колониетских культур. Бывший спецпереселенец руководствовался не только ностальгией и традицией, но и актуальным опытом двадцатилетнего проживания и совместного труда с русскими и украинскими старожилами.

5.1. Поволжские немцы на кулундинской целине: антропология «трудовой победы»

Формирование современной производственной культуры.

По степени освоённости кулундинский ландшафт к началу 1960-х гг. был сопоставим с заволжским образца лета 1941 г. Однако, если параметры электрификации и механизации, а также обеспеченности скотом были примерно одинаковы и даже слегка превышали средние показатели по АССР НП, то уровень развития кулундинской инфраструктуры сильно уступал поволжскому варианту. В частности, плотность населения районов Кулундинской хозяйственной зоны в 1960 г. составляла от 5 до 9,8 чел. на 1 км² [Народное хозяйство..., 1961, с. 19], что вдвое меньше минимального показателя по АССР НП на 1938 г.

Однако в 1950-е гг. перспективы развития целинных районов превратилась в ресурс для бывших спецпереселенцев, высланных в 1940-е гг. из регионов с более высоким уровнем модернизации. Неустроенность территории компенсировалась высокими сезонными заработками, возможностью образцово содержать личное хозяйство. Целинные районы были привлекательны и для немец-

кого населения, избежавшего депортации. В частности, до половины населения пермских немецких сел на рубеже 1950–1960-х гг. выехали в Казахстан [Вайман, Черных, 2008, с. 42].

Большую роль в социально-экономической адаптации сыграл опыт работы в крупных агропромышленных комплексах АССР НП значительной части трудоспособного немецкого населения Кулунды. В процессе освоения целинных земель партийно-хозяйственное руководство все больше интересовалось рациональным использованием техники и трудовых ресурсов, интенсификацией животноводства. Здесь опытные профессионалы пришлось как нельзя кстати. Так, очень пригодился, например, опыт специалистов, имеющих навык выращивания кукурузы. «Проживая ранее в одном из приволжских колхозов, – начинает П. Миллер, звеньевой колхоза имени Сталина, – я занимался возделыванием кукурузы в початках... Скажу прямо, что эта культура нетрудоёмкая по затратам труда, но требует к себе особого внимания и заботы, хорошие земли и изобилие удобрений. Кукуруза любит, чтобы при возделывании соблюдались все правила агротехники, сроки и хороший уход. Только при этих условиях можно рассчитывать на получение высокого урожая» («На колхозной стройке» от 11.05.1955).

Немцы Поволжья были слабо включены в структуры сельского переселенческого общества, изначально не могли рассчитывать на клановые и земляческие ресурсы в процессе административной карьеры. Вчерашний спецпереселенец мог преуспеть на новых направлениях, не востребованных коренным населением в силу обилия специализированного труда и высокой ответственности.

Пережившие коллективизацию, сверхнормативную эксплуатацию военных и послевоенных лет и трансформирующиеся в ходе целинной модернизации сельские общества Кулунды остро нуждались в «трудягах». Необходимы были также «культуртрегеры» – модернизаторы локального хозяйственного опыта и проводники достижений советской городской культуры в сельский быт. Аутсайдеров «чужеспинников» в «хрущевской» деревне было достаточно, но на целине требовались добросовестное отношение к работе и профессионализм.

Жёстко ограниченные в перемещениях колхозным и административным правом, не имевшие возможности ожидать (из-за недостаточности ресурсов ЛПХ и слабости корпоративных связей) или выбирать (в силу особенностей трудового и колхозного законодательства, состояния местной экономики) приоритетный

вариант деятельности и заработка, поволжские немцы в первые годы реализации целинной аграрной политики отличались на любой работе.

Занятия, считавшиеся в Кулундинской степи исконно русскими (например, изготовление валенок) или казахскими (овцеводство), в течение короткого времени «прирастали» немецкими технологиями. «Хорошо трудятся пимокаты Гербаевского отделения промартели. Мастер Миллер А. в ноябре скатал 46 пар валенок» («На колхозной стройке» от 05.11.1953). «Среди чабанов колхоза имени Сталина замечательных успехов добилась Вальдман Анна» («На колхозной стройке» от 29.12.1954).

В 1950 – начале 1960-х гг. произошло качественное увеличение вклада поволжских немцев в хозяйственную жизнь кулундинских районов. Они стали приобретать новые профессии. К концу 1950-х гг. поволжскими немцами был освоен весь спектр сельских и агропромышленных специализаций, представленных в регионе.

Обозначился образовательный и карьерный рост молодых немцев. Немецкие ремесленники, не имея доступа к специальному образованию, самостоятельно осваивали новые профессии, становясь подлинными сельскими мастерами. «“Мастер на все руки”, – так говорят в Мохнатологовском совхозе о слесаре-жестянщике Эйволде Гартвиге. Уже более десяти лет работает он в ремонтной мастерской. Любые детали могут изготавливать умелые руки Гартвиге, и при этом качество продукции всегда безупречное... Знают Эйволда и как хорошего кровельщика, хорошего каменщика...» («На стройке коммунизма» от 11.04.1962). «Владимир Шеффер и слесарь, и медник, и электрик» («Трудовая жизнь» от 26.07.1961).

Комбайнер Б.И. Гейт так охарактеризовал свою карьеру: «На комбайнах я работаю с 1948 года. Разные машины испробовал, начиная с “Коммунара”. Правда, последние три года бригадирствовал. Нынче снова стал на комбайн. Взял два “С-6”. На них никто не хотел работать. Каждый старается заполучить технику поновее. Но при хорошем уходе и старые машины могут хорошо послужить. Комбайны в совхозе отремонтировали в мастерской. Я свои готовил дома. Всё как следует осмотрел, подделал, как следует отрегулировал» («Маяк Кулунды» от 25.08.1965).

Немецкие мастера были гордостью целинных хозяйств. Информант В.М. Герпсумер к 30 годам мог управлять транспортными средствами всех номинаций. П.И. Крайсман в том же возрасте ос-

воил все специальности деревообработки, мог построить и телегу, и дом (см. рис. 25, 26).

Поволжские немцы на кулундинской земле в 1950–1960-х гг. добивались хозяйственных успехов в сложных природно-географических условиях, проживая в специфичной принимающей среде и участвуя в советских аграрных кампаниях.

Сибирский степной ландшафт они, по мере возможности, изменяли и окультуривали. Тракторист А. Сагель так рассуждал о благоустройстве колхозного «культурного стана»: «В этом году посадили маленькие деревца возле помещения, а то уж очень пусто было возле него» («Кулундинская правда» от 09.06.1963). «На многолюдном собрании коллектива Чистоозерного совхоза была выдвинута кандидатура в депутаты райсовета М.Д. Кениг, агронома-садовода совхоза. Много упорства и энергии приложила М.Д. Кениг, чтобы получить в условиях Сибири фрукты. Борьба увенчалась успехом. Коллектив колхоза уже несколько лет подряд дает яблоки, вишни. Успехи не успокаивают Марту Давыдовну» («Строитель коммунизма» от 06.02.1959).

Помимо лестных для локальных групп поволжских немцев упоминаний о достижениях передовиков районная пресса публиковала и критические замечания в адрес немцев – бригадиров, механизаторов, пастухов. Однако таких упоминаний гораздо меньше. Так, краснозёрских немцев в 1958 г. хвалили и ругали в соотношении 10:1, краснозёрцев с русскими, украинскими, казахскими фамилиями – 6:4 («На колхозной стройке» за 1958 год). Кроме того, большая часть критических отзывов обусловлена не столько плохой работой «виновников», сколько равнодушием и халатностью «смежников» и администраторов. «“Мало у нас в районе ещё заботятся о дойном стаде, – говорит Александр (Шнайдер. – А.О.). – Можно добиться больших надоев, если бы...” – и он на минуту замолкает. Из разговора узнаем, что мешает пастуху повысить надой. ...В этом году на пастбищах ещё не было соли, нет ее и сейчас. Разговор о том, что коровам нужно подвозить воду к месту пастьбы – остается разговором. Дело дальше слов не идет. Правда, с полмесяца тому назад вывезли в поле колоды, привезли даже раз воды, но коровам она не попала: колоды оказались дырявыми» («Трудовая жизнь» от 11.07.1958). «Мешает нормальной работе мастерской недисциплинированность отдельных рабочих. 3 декабря, например, токаря Лунев, Дерябин пришли на работу в нетрезвом состоянии, за всю смену ничего не сделали, чем создали

задержку монтажных работ на следующий день. А. Шрайнер, зав. мастерской РТС» («Трудовая жизнь» от 10.12.1958). «У нас сейчас не хватает шести кроватей, девяти матрацев, много простыней. Да разве нормальным является такой факт, что для детей нет ни одной необходимой игрушки... Нет у нас умывальников и полотенцев. Участок не обнесен оградой... Недостатки устранимы, прояви руководство колхоза больше внимания яслям. Е. Глек, зав. детскими яслями колхоза им. Буденного» («На колхозной стройке» от 23.05.1956).

Конфликты с хозяйственным руководством у поволжско-немецких передовиков носили частый, «рабочий» характер. Кулундинские администраторы «старой закалки» стремились исполнить партийные директивы на уровне хозяйства. Конечной целью работы был рапорт о ее успешном завершении: «Правление во главе с т. Куртовым явно мешает этому. Оно считает, что рыхление междурядий нужно только для сводки... Д. Юстус» («Трудовая жизнь» от 25.07.1958).

Однако экономика целинных хозяйств стала настолько сложна и экономически ответственна, что неэффективность простому следованию партийным директивам была очевидна для хозяйственника-практика. «Много труда вложил в повышение урожайности наших полей агроном Давид Карлович Юстус и, пожалуй, сделал бы больше, если бы я, как председатель, изменил отношение к нему. Иногда в вопросах ведения зернового хозяйства я выступал против агронома, мешал ему работать. Признавая свою вину, прошу прощения у нашего мастера-хлебороба», – раскаивается председатель колхоза Куртов («Трудовая жизнь» от 23.03.1958). В момент преобразования хозяйства в отделение вновь созданного совхоза должность управляющего досталась беспартийному Д.К. Юстусу.

Помимо высоких сезонных заработков передовиков-целинников, работавших не за страх, а на совесть, ожидали и правительственные награды. «ЦК ВЛКСМ наградил комбайнера А. Вейде значком “За освоение новых земель”» («Трудовая жизнь» от 29.10.1958). В целом, целинная интенсификация сельского хозяйства способствовала мобилизации этнических трудовых ценностей немецкого населения.

Формирование современной системы этносоциальных коммуникаций. В ходе двух десятилетий адаптации немцы Поволжья прижились к кулундинской земле и сибирскому климату, смирились с неполной реабилитацией и смогли наладить

отношения с ближним окружением и хозяйственной администрацией. Наиболее удобным способом добиться высоких результатов и достойной оплаты было дистанцирование – хозяйственная автономия в пределах звена, бригады, производственного участка.

Часто передовой производственный коллектив собирался на основе семейной группы, позволявшей сохранять этнические традиции трудового поведения. «Вирц Иван Петрович работает старшим чабаном в Хабаровском совхозе с 1950 года. В последние два года тов. Вирц отказался от привлечения на работу в его отаре посторонней обслуги и обеспечивает уход, кормление и содержание отары своей семьей, состоящей из жены, отца и матери» («На колхозной стройке» от 16.02.1958).

Относительная хозяйственная и социокультурная автономия в пределах производственного звена или домохозяйства требовала от поволжского немца дополнительных усилий. Парадокс заключался в том, что за право осуществлять традиционно обусловленное трудовое поведение (уже приводящее к перевыполнению плана) в рамках советской аграрной экономики он должен был декларировать более масштабный результат. Таковы, например, производственные обязательства слесаря Виктора Шеффера: ««Моё слово – 200 процентов. ... Чтобы вовремя всё сделать, я прихожу на работу заранее. Домой не уйду, пока не выполню заказ» («На колхозной стройке» от 11.08.1961). «Слесарь Купинского элеватора Карл Семёнович Эмлих... пока не выполнит всю работу – домой не уходит. Силой заставляли идти домой» («Маяк Кулунды» от 01.01.1965).

Весьма примечательны жизненные приоритеты, расставленные токарем Купинской РТС Федором Юстусом: «Два важных события, происшедших в 1959 году, никогда не изгладятся из моей памяти. *Во-первых*, я взял обязательство семилетний план выполнить за пять лет. И уже выполнил два годовых задания. А сейчас работаю в счёт 1961 года. Как правило, ежедневно выполняю по две нормы. *Во-вторых*, 1959 год примечателен тем, что я женился и полностью стал на самостоятельный путь жизни» («Коммунист» от 01.01.1960). Передовики получали квартальные премии (как правило, в размере оклада), путевки, мотоциклы и автомобили по льготной очереди. Но слесарю Шефферу за двойную работу не платили двойную зарплату, токарю Юстусу никто не считал льготный пенсионный стаж.

Кампания по освоению целинных и залежных земель представляла собой напряженную работу, основанную на индустриальных

технологиях. На производстве передовик-целинник был занят практически весь год. «На бригадирство пойти уговорили. Туда так просто не идут – уговаривают. Краснобаев поставил, председатель. Всё в этой работе трудное. Техника: всё вовремя нужно – ГСМ, запчасти. Не дай бог бригадиром работать. Всю эту землю я знаю. У меня восемь К-700 было – во всех концах. Как снег сошёл – в поле. И до зимы» (ПМА, В.Н. Долгаймер, 1928 г.р.). «Папа по дому ничего не делал. Картошку не сажил, не копал, он в колхозе самоотверженно работал. Мы его даже не видели. Когда он умер, бабка-соседка подошла к гробу и сказала: “Всё, трудяга, отработал”. И это была правда. Он не жил – он работал» (ПМА, Л.В. Долгаймер (Эрнст), 1959 г.р.). Семьи рядовых трактористов тоже нечасто видели своих родителей во время полевого сезона. Типичным для тех лет было высказывание тракториста А. Адольфа: «Все мы живем в восьмой бригаде Куйбышевского отделения, что в Мохнатовском совхозе. Здесь и кушаем, и отдыхаем. Бригада стала для нас *вторым домом*» («Кулундинская правда» от 26.05.1963).

По исчерпанию ресурса семейных групп поволжский немец-бригадир продолжал комплектование производственного звена не за счет клана или локальной поволжско-немецкой группы, а за счет местного населения: «Карл Эдуардович Лампартер в овцеводстве работает более 12 лет... – В нашем деле, – говорит т. Лампартер, – успех решает вся бригада. Поэтому к себе я взял *добросовестных людей* – своего брата Франца, Ивана Липовского, Андрея Данилкина. Каждый хорошо усвоил свои обязанности» («Коммунист» от 06.04.1960).

В ходе интеграции поволжских немцев в аграрное производство стихийно развивались отношения межэтнической кооперации. Успехи передовиков-немцев были связаны с добросовестным трудом их напарников – русских и украинцев. «Умело пасут дойный скот Николай Бовт и Иван Рейнвальд» («На колхозной стройке» от 28.11.1956). «Почти круглыми сутками трудились кузнец Я.Г. Вейде со своим помощником И.П. Сороченко» («Трудовая жизнь» от 04.06.1958). В октябре 1963 г. фотограф районной газеты запечатлел трактористов-рекордсменов Эклера и Хроликова во время краткого перекура: напарники добились лучшего результата по району за 40 дней пахоты («Кулундинская правда» от 11.10.1963) (см. рис. 26).

Обращение к ресурсам переселенческого села низовых администраторов-немцев было вызвано не только маргинализаци-

ей, размыванием традиционных этнокультурных трудовых норм, «авральной» занятостью целинников. Передовики-целинники, занятые в сложных, отличных от традиционных вариантов моделях землепользования и ремесла, наблюдали тех, кто жил и рос по соседству. Гораздо проще было взять в бригаду добросовестного человека, которого уже видели в деле соседской «помочи», в процессах ведения личного хозяйства и трудового воспитания. «Всё по Некрасову, только “деревню на лугу” заменяют всего четыре человека: три брата – Андрей, Владимир и Виктор Гольцман, да их товарищ Владимир Анищенко. “Агрегат Гольцманов” – в шутку называют их в Павловском отделении совхоза “Сибирь”» («Кулундинская правда» от 07.07.1963). В актуальных экономических связях поволжские немцы были прежде всего кулундинцами, проживая в маргинализованном социокультурном пространстве переселенческого села 1950–1960-х гг.

В открытом письме комсомольца А. Сагеля читаем: «Есть у меня друзья на Центральном отделении Хабаровского совхоза, где я работаю. Зовут их Николай Варенников, Эдуард Сагель, Иван Кислых. *Все они комсомольцы. Комсомолец и я. Да не о том речь. Главное, что мы крепко держимся друг за друга. Настоящая мужская дружба помогает нам в работе*» («Кулундинская правда» от 09.06.1963). В экстремальных условиях целинной страды, с немецкой точки зрения, должно было быть надёжным всё – и агрегат и команда. Товарищеские отношения здесь предстают ценнее родственных, более того, родственные и этногрупповые отношения оцениваются через дружеские: в дни страды кузен-немец для тракториста Сагеля прежде всего – коллега и друг.

Написанное комсомольцем А. Сагелем близко новозаветному «Нет ни эллина, ни иудея...», весьма возможно, и было перифразом апостольских посланий. Однако простой сельский человек – наследник крестьянских культур и комсомолец-«шестидесятник» – наблюдал не остаточные артефакты традиционного трудового поведения, а примеры успешной работы советских людей и довольствовался «газетным» языком для их интерпретации. Другого языка для публичного выражения молодой тракторист А. Сагель не имел. Однако даже идеологические штампы, введенные в текст, позволяли передать особенности миропонимания: для А. Сагеля на целинных полях не было ни этников, ни комсомольцев. Культурно-антропологическим результатом целинной кампании стал толерантный к традиционным ценностям, прагматично ориен-

тированный в стандартах модернизации кулундинец, усвоивший элементы традиционных культур сибирских переселенцев путем снижения их контекста.

Формирование современной культуры жизнеобеспечения. Относительно высокие доходы целинников не только способствовали воссозданию традиционного хозяйственного комплекса, но и требовали ревизии, селекции наследия. Инновационный характер деятельности (который способствовал быстрому росту мастерства и влияния молодых членов сельской общины) и дефицит времени также не благоприятствовали возвращению позиций традиционной культуры.

Поволжско-немецкие усадьбы середины 1950-х гг. зачастую располагались на неудобных землях, в низинах. Постройки были сделаны на скорую руку из «пласта». Помимо значительных затрат, от расширения «личной» хозяйственной активности в местах ссылки немцев удерживала надежда на возвращение в родное Поволжье. Чиновники МВД накануне отмены спецпоселения весьма формально оценивали «прочность обоснования» немцев в местах ссылки. Трудоустройство спецпереселенцев было вынужденным, а построенные наспех «пластянки» или купленные саманные развалюхи-«избушки» поволжских немцев Кулунды свидетельствовали о компромиссе между суровой реальностью и ностальгией.

Изменение демографического и этнокультурного состава сибирского села, смена технологической базы сельского хозяйства не способствовали реконструкции довоенного быта. Целинный достаток гораздо удобнее было разместить в ценностях культуры современности, предполагавшей снижение культурного контекста, консенсус в сфере межэтнических отношений, приоритет образования над традиционными формами трансляции знания, главенство технологии в основных процессах жизнеобеспечения.

В этих условиях немецкое население Кулунды играло роль не столько собственно «культурного донора», сколько проводника городской культуры в жизнь переселенческого села. «Я с горбылей настилал пол. Это было что-то новое в деревне» (ПМА, О.С. Эльшайдт, 1925 г.р.). Русские соседи заимствовали не собственно немецкие изобретения, но адаптированные к сельскому быту городские технологии: копировалось и воспроизводилось местными жителями не «немецкое», а «новое».

Опыт одного из застройщиков-немцев – Петра Крайсмана был распространен на весь Краснозёрский район НСО. Столяр-саморо-

док смог составить технологический цикл, пригодный для поточного возведения колхозного жилья и практически возродил немецкий «фахверк», впрочем, не зная об этом.

«Дома Крайсмана» были результатом рационализации русских и украинских традиционных строительных техник, адаптации индустриальных технологий в сельскую застройку, но никак не реконструкцией традиционного жилища. По мнению Л.В. Малиновского, «крестообразное расположение помещений, типичное для кулацких домов начала XX в. и для большинства современных построек немцев-колхозников, распространилось, по-видимому, под позднейшим влиянием городской культуры» [Малиновский, 1968, с. 99]. Только в с. Казанак Краснозёрского района НСО в те годы было возведено более сорока домов по проекту Петра Крайсмана (ПМА, П.А. Крайсман, 1932 г.р.). За счет использования готовых камышитовых щитов (фашины камыша в дощатом или жердевом каркасе с глиняной обмазкой или бетонной заливкой) ускорились возведение дома. Обилие столярных заготовок сберегало дефицитную в степи древесину.

От поволжского архитектурного прототипа кулундинскому «немецкому дому» достался «абрис», геометрическое решение, в свою очередь, восходящее к русскому крестовому дому. Традиционной (покоеобразной) осталась планировка надворных построек с обязательной летней кухней. Во всём остальном «немецкий дом» в Западной Сибири наследовал хозяйственный опыт групп старожилов и продолжал актуальные практики строительства агропромышленных объектов Кулунды. Он превосходил жилище славянина-соседа размерами (60–80 м² против 40–60 м² полезной площади), наличием фундамента, качеством благоустройства и совершенным текущим обслуживанием. «У меня долго был самый большой дом на улице. Так замучили приезжие: “Контора здесь? Контора здесь?” Правление искали...» (ПМА, П.А. Крайсман, 1932 г.р.).

Ориентация поволжских немцев на существование в рамках переселенческих славянских сообществ подтверждается и на материале контактов бывших спецпереселенцев с сибирскими немцами. Сколько-нибудь явных заимствований из традиционного хозяйственного комплекса сибирских немцев (в т.ч. поволжского происхождения) в ходе исследования зафиксировано не было. Бывший спецпереселенец строил утилитарно-функциональный дом, почти лишенный значимых архитектурных подробностей (типа полувальмовых крыш с. Октябрьского) (см. рис. 28).

Наследие сибирских немцев украинского происхождения было весьма востребовано в обрядовой сфере. То, «как играют свадьбы в Орловке», для поволжских немцев переселенческой Новониколаевки являлось эталоном. Однако ветхие пластаные «визехаус» и саманные «фризские» дома с большими, но бесполезными в колхозных условиях чердаками (колхозники редко видели столько зерна на трудодни) не годились в качестве образца домостроения. Деревянный пол в сибирско-немецких кухнях Орловки появился лишь в 1960-е гг. (ПМА, В.В. Крель, 1952 г.р.).

На юге НСО жилище поволжского немца рубежа 1950–1960-х гг. постройки представляет собой крестовый дом из местного строительного материала – «камышита» с четырёхскатной крышей. Камышитовые дома белили, позднее стали обшивать. Ограду палисадника покрывали синей, либо зелёной краской, наличники украшали простым геометрическим орнаментом. Немецкие хозяева поддерживали местные инициативы по общественному благоустройству. В ходе одной из кампаний немецкие дома обзавелись фасадными досками, которые, в отличие от поволжского «предка», содержали одну и ту же надпись – «Дом образцового порядка».

В условиях сибирской зимы следовало обеспечить большой крестовый дом совершенной системой отопления. Без электрификации кулундинского села (рубеж 1950–1960-х гг.) и перехода на высококалорийный уголь в качестве основного топлива были бы невозможны «гибридные» печи (русская печь с теплоэлектронагревателем), снабженные баком водяного отопления. Первыми наиболее полно блага электрификации в кулундинском селе использовали именно поволжские немцы. «Немецкий дом» стал результатом адаптации технологий промышленного строительства к стандартам сельской жилой застройки.

Помимо решения утилитарных задач, «немецкий дом» исполнял и экзистенциальную функцию, на что указывают «пафосные», не соразмерные по временным, трудовым и финансовым затратам прямому хозяйственному назначению элементы благоустройства: покрытие двора бетоном либо асфальтом, ежегодный косметический ремонт, ежедневная уборка. Именно из-за обилия затрат удобный, соответствующий актуальным представлениям о престиже и благоустройстве «немецкий дом» проиграл щитовым «финским» домам. Кулундинцу в 1970-е гг. стало выгоднее и проще получить готовый «колхозный» дом, чем возводить нечто самобытное.

Формирование соционормативной культуры современности. Создание поволжско-немецких усадеб на территории Северной Кулунды в начале 1960-х гг. оказалось возможным силами тридцатилетних людей. Это были билингвы, интегрированные и в культуру предков, и в культуру сибирского переселенческого села. Обе стороны признавали их своими: при постройке домов «помочь» оказывали и немецкие родственники, и русские соседи. Строители «немецких домов» были профессионально состоявшимися людьми, которые уже не боялись прослыть зажиточными.

Поволжско-немецкое строительство породило парадокс: чтобы вести немецкий образ жизни в сибирском переселенческом селе, потомок колонистов вынужден был работать на постройке дома по воскресеньям, нарушая религиозные запреты; участвовать в «помочи» соседям – русским и украинцам; добывать стройматериал, расходуя казённое горючее. «Тогда на тракторе работал – специально попросил, чтоб в ночную смену» (ПМА, О.С. Эльшайдт, 1925 г.р.). «И все это Клюх получает лишь за то, что, используя совхозную лошадь, разъезжает по личным делам, для удовлетворения собственных потребностей» («На колхозной стройке» от 28.07.1961).

На строительство одного из первых «немецких домов» в Краснозёрском р-не НСО местная газета «откликнулась» фельетоном «Пан Клюх из Красного хуторка»: «Облюбовал он себе красивую усадьбу и ставит сейчас там огромный деревянный дом, *поистине помещичий*. ... Не уважают честные труженики пана Клюха, плохо о нем говорят, презирают. Писали в администрацию совхоза докладные о нечестном отношении к труду...» («На колхозной стройке» от 28.07.1961). «Честные труженики» писали докладные не только в Красном хуторке. «В то время наш дом считался лучшим в Новониколаевке... “Письма” писали на меня. Комиссия приезжала – спрашивали, что я за дом строю. А тут что – жерди одни, а на всё, что купил, справка с лесоторгового склада... Так ни с чем и уехали» (ПМА, О.С. Эльшайдт, 1925 г.р.).

Осмелившиеся вопреки эгалитарным настроениям части односельчан и санкциям местной администрации на возведение особняков поволжские немцы не считали себя более обязанными сельскому обществу. Завистливые «честные труженики», авторы докладных, к тому времени приходились «чужеспинниками» немецким передовикам, де-факто забирая часть их заработка в колхозах. Целинная распашка превосходила на порядки колхозные угодья 1940-х гг., а в совхозах старожилы были лишены и номинальных прав на землю.

Поволжские немцы были ответственны перед небольшими группами коллег и соседей – коллективами, которые реально помогали обустроиваться и зарабатывать. Бывшие «спецпереселенцы» являлись патриотами сельских микролокусов. Вот пример соседской работы по электрификации улицы: «Если Сопову и его помощникам Юстусу и Рейзнеру не хватало изоляторов, они без зазрения совести снимали их со столбов на соседней улице» («Трудовая жизнь» от 24.09.1958).

Каких-либо санкций в отношении немецких застройщиков не последовало. Фельетоны, подобные процитированному выше, в 1961–1963 гг. более не появлялись. На территории Кулунды в это время строились десятки «немецких домов», ставших пропагандистским ресурсом для районных функционеров, иллюстрируя налаженный быт целинника. Местная власть была заинтересована в добросовестных, инициативных работниках, задающих темпы соцсоревнования и способных к обучению.

Функционеры могли рассчитывать на поволжских немцев Кулунды в деле аграрных рекордов. Это было стабильное (в силу неполной реабилитации, малограмотности и многодетности) и эффективное по своим половозрастным и профессиональным показателям население. Среди бывших «спецпереселенцев» ещё до опубликования указа 1964 г. «усилили партийно-комсомольскую работу». «Александр Викторович Кайзер, тракторист колхоза им. Свердлова, давно мечтал вступить в партию великого Ленина. Сначала было боязно – ему все казалось, что он недостоин носить звание члена партии...» («Кулундинская правда» от 30.08.1963). «В партии? Зачем тебе? Да, был. С 1963 года и до конца. Надо было. Родители – не были, а я бригадир – положено» (ПМА, В.Н. Долгаймер, 1928 г.р.).

В начале 1960-х гг. в связи с непопулярностью «классических» сельских специальностей среди молодежи районные пропагандисты всерьёз взялись за имидж передовой доярки. Фотогеничная Нина Роппель позировала фотографу краснозёрской районной газеты по любому поводу: счастливое замужество, приём в гурт новой коровы, поездка в районный дом отдыха («Кулундинская правда» от 01.05, 30.08, 11.09.1963) (см. рис. 29, 30).

Маргинализация крестьянской культуры в сибирской деревне коснулась и младшего поколения немцев, сознательная жизнь которых началась уже в ссылке. «В колхозе “Знамя Ленина” нигде не работающие комсомольцы Виктор Дортман и Алексей Удалов,

а вместе с ними и Владимир Лобес 27 августа ночью подошли к квартире Рудольфа Дорна, подперли дверь и стали стучаться в окно, выражаясь нецензурной бранью. Хозяин квартиры не постеснялся выйти к хулиганам, но ему на голову была наброшена телогрейка с требованием “давай деньги”» («Трудовая жизнь» от 21.09.1958).

Если на улице, в публичной жизни, молодые кулундинцы уже не имели этногрупповых отличий, то в семье межкультурные различия, последствия военного сиротства (и последующее замещение лакун в социализации формами, заимствованными из производственного и армейского опыта) и общего оскудения крестьянской жизни, проявились очень ясно.

Возможностей для изоляции в области брачных связей у дисперсно проживающих поволжских немцев было мало. Вплоть до начала 1960-х гг. родители-немцы ещё могли задействовать старые поволжские либо трудармейские знакомства, «вынесенные» из моноэтнической среды. Реализацию изоляционистской стратегии брачного поведения иллюстрирует история супругов Крунэ. «Как нашли друг друга? Не, не сами... Родители помогли... – Я в “Совсибири” жила. Мы там одна семья немцев были... Нас с матерью отец-Крунэ как-то встретил. Разговорились. Он моего отца по трудармии знал. У Виктора после армии русская любовь появилась. “Гулял” он после армии... Родители были против, решили его женить. – Мы за неделю до свадьбы в первый раз увиделись. Ну... и она мне понравилась!» (ПМА, В.И. и Н.Ф. Крунэ, 1938 г.р.). Для ориентации в брачных контактах в дальнейшем актуальны были соседские, школьные и служебные связи.

Исследователи подчеркивали, что доля национально-смешанных браков у немцев Сибири была весьма высока: «Если в первое послевоенное десятилетие доля национально-смешанных браков колебалась от 29 до 45 %, то в период с 1961 по 1970 год национально-смешанные браки начинают превалировать над однонациональными» [Смирнова, 2003б, с. 152].

«Потом уже за русских замуж выходили. “Фрицем” называли, как закон. Своя свекруха называла – “германкой”» (ПМА, Г.А. Котлярова (Эльшайдт), 1928 г.р.). «Свёкор всё попрекал, что из-за меня свою ногу потерял. Он всё говорил: “Фриц!” Я уходила, потом дети. “Терпи, будет конец”, – муж мой говорил. Всё молчала, всё терпела. Нас-то – за что?» (ПМА, В.З. Куропова (Гербер), 1927 г.р.). «У меня жена – русская. Война была страшная, ду-

мал, ничего прежнего уже не осталось. Но по нашей с ней жизни понял, что делать этого нельзя. На своей нации надо жениться. Она – хорошая жена и мать. Но – нация есть нация. Главная проблема: не ем сейчас ту пищу, которую мать мне в душу заложила» (ПМА, В.М. Герпсумер, 1932 г.р.). «Замуж я вышла в 1955 году. Сама его выбрала. Родители были против того, что за русского иду. Сейчас мы с ним давно не живём... Отец ремня дал, мама плакала... С мужем плохо жили. Дрался постоянно, руку ломал мне – от него заслонишься, а он по ней бьёт. Четыре сына у нас было. Пил каждый день. ...А парнем он – ничего был» (ПМА, В.А. Милаенко (Лобес), 1935 г.р.).

Для поколения поволжских немцев 1930-х гг. рождения, принужденных с отрочества автономно решать задачи жизнеобеспечения, «самовольный» межэтнический брак был вполне закономерным вариантом самоопределения. Для их родителей – людей традиционной культуры – это было шоковой ситуацией. Русские ухажеры и мужья импонировали эмоциональностью, нравились немецким девушкам и женам как люди «душевные». «Я ведь и сама ему говорила: “Не спорь с отцом”. Он отца спрашивал всё: “Она причём?” – “Молчи!” Он у меня смиренный, Иван» (ПМА, В.З. Куропова (Гербер), 1927 г.р.). Женихи-немцы считались «перспективными», т.к. обычно были непьющими и работающими. Размолвки и скандалы в смешанных семьях происходили не собственно от разницы культур, а от неумения с ними считаться, обусловленного как раз недостатками социализации, неполной погруженностью в родную культуру.

Именно в контексте общих для сельской России проблем сохранения семьи Краснозёрская районная газета опубликовала материал «Почему Гильда ушла от мужа?» («Кулундинская правда» от 21.04.1963). Понять, почему её непременно надо «учить», т.е. регулярно избивать, не могла не только жена-немка, но и многие ее русские товарки по несчастью, приславшие в газету письма-отклики. Но даже в случае страшного пьяного буйства супруга немка находила участие и защиту в семье мужа, либо у русских соседей: «Дрался он страшно. И на чердаке ночевала, и к соседям бегала. А со свекровкой спокойно 32 года жили» (ПМА, В.А. Милаенко (Лобес), 1935 г.р.).

Большая часть переселенческих сельских обществ Кулунды уже в начале 1950-х гг. воспринимали немцев как соседей и партнеров. Проблемы создавали односельчане, не отличавшиеся ни

трудолюбием, ни трезвым умом. «Отец не хотел здесь оставаться. Жили и боялись. Каждый пьяный попрекал: “Фашист” да “немец”» (ПМА, В.А. Милаенко (Лобес), 1935 г.р.).

Молодое поколение немцев, социализировавшееся в условиях ссылки, уже решало проблемы «оскорблений по нации» рабочим порядком. «Один меня в школе дразнил “фрицем”, завёл (его. – А.О.) в умывальник, “помыл” ему морду» (ПМА, В.И. Крунэ, 1937 г.р.). Для более зрелых людей, воспитанных в обстановке законопослушания и прошедших дисциплинарную школу спецкомендатуры и трудармии, добиться уважения и справедливости было гораздо сложнее. «Был случай – отца не то “фрицем”, не то “фашистом” назвали – морду набил. Что Вы!? Что Вы!? Какой там – “правильно”!? Дома прямо траур был. Мать: “Что ты наделал!?” Но ничего, обошлось. Тот даже на суд не стал подавать» (ПМА, Л.В. Долгаймер (Эрнст), 1959 г.р.). На десятки упоминаемых примеров оскорблений приводятся единичные случаи возмездия обидчику: «Ну, это на кого нарвёшься... Вон, Маня за “фашистку” то взяла и отлупила...» (ПМА, Э.А. Кольмай, 1938 г.р.).

Либерализация времен «оттепели» сказалась и на организации правопорядка в сельской местности. «Показательные» уголовные процессы над деревенскими хулиганами и «расхитителями» ушли в прошлое. Действенность регулярных общественных взысканий, административных арестов и штрафов подтверждают высказывания информантов: «Потом за оскорбления стали “гонять” – “десятка” штрафа, всё и прекратилось» (ПМА, В.И. Крунэ, 1937 г.р.).

Отмена режима спецпоселения и запаздывание нормативных, общегражданских мер партийно-пропагандистской работы с советскими немцами (признанное Указом 1964 г.) сделали возможным частичное восстановление конфессиональных институций немцев. Однако религиозные общины поволжских немцев в силу дисперсного проживания верующих и специфики государственного законодательства в сфере религии были ограничены в возможностях отправления веры. Так, немцы-лютеране из с. Новониколаевка по воскресеньям выезжали на службу в г. Купино (в 10 км от села). В свою очередь, единоверцы из Купина приезжали на похороны в близлежащие деревни (ПМА, О.С. Эльшайдт, 1925 г.р.).

Немцы-католики Карасукского, Краснозёрского и Кочковского районов, чьи общины не знали традиций эгалитарного служения, свойственных лютеранам и евангелистам, находились в худшем положении. «Altmutter» – пожилая женщина, на правах церков-

ного старосты воспроизводящая обряды («Как крестили? Старуху зовешь домой, да крестишь!» – ПМА, Д.Д. Глок, 1932 г.р.), не годилась на роль пастыря и комментатора. Однако именно женщины среди немцев Кулунды занимали лидирующие позиции в соционормативной сфере. Эта ситуация определялась социальной структурой и структурой занятости немецких локальных сообществ.

По данным на 1970 г., немецкое население НСО сформировало целую армию уборщиц: 1 287 чел. делали чистыми производственные и общественные помещения, что составляет 4 % от трудоспособного немецкого населения того времени, или 3,8 % новосибирских уборщиц. В сельских разнорабочих находилось 1 548 немцев, что составляет 15 % от трудоспособного немецкого населения аграрных профессий того времени, или 5,2 % разнорабочих области [Характеристика..., 1973, с. 61].

Однако потребности целинных хозяйств в неквалифицированном и нерегулярном труде становились все меньше. Кроме того, необходимые в семье деньги приносила успешная работа в животноводстве. В результате сочетать ударный труд доярки и долг материнства у немки получалось с помощью русских соседок. «Дети как пошли – горе, канитель, работа, нужда. Обращались к “бабкам”: “Бабка Лукерья, я тебе оставлю ребенка?”» (ПМА, М.А. Эрих, 1928 г.р.). Здоровье детей спецпереселенцев также достигалось в результате обращения к местной фармакопее и знахаркам. «Травы собирать, как дети пошли, так и начали. Дальше – больше. Врача нет, один фельдшер. Как-то недоглядели. Меньшая девчонка полезла на кадушку. Был октябрь, там – лёд. Гукнулась. Успели. Сгребли за ногу. Испугалась девчонка. “Бабка” лечила от испуга – девчонку потом “дергало”. “Бабушка” ее отходила» (ПМА, М.А. Эрих, 1928 г.р.).

Элементы синкретизма и архаизации отличали религиозные практики немцев Кулунды. «Характерными чертами религиозного сектантства в СССР послевоенного периода, – подчеркивал А.В. Горбатов, – можно назвать сокращение доли молодежи в общинах и группах и, соответственно, постарение их состава, уменьшение доли мужчин, снижение доли лиц, непосредственно участвующих в общественно-полезном труде». Отмечая несоответствие общей картине половозрастного состава немецких религиозных общин Западной Сибири, А.В. Горбатов основывается на данных по юргинским немцам, не учитывая «трудоармейский» характер

формирования (и, как следствие, демографическую молодость) этой группы [2007, с. 380].

Архивные данные и сведения информантов свидетельствуют о соответствии общей тенденции религиозных общин Новосибирской Кулунды. Так, в Купинской общине ЕХБ с момента регистрации в 1950 г. до 1967 г. доля мужчин не превышала 25 %, преобладали лица старше 60 лет (на 1967 г. – 76 %) (ГАНО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 106. Л. 4). Анализ списочного состава евангелической общины г. Карасука на 1966 г. показал преобладание среди верующих домохозяек старше сорока лет. Среди профессий карасукских баптистов – рабочие, санитарка и шофер (ГАНО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 98. Л. 3). Безусловно, списки «уполномоченного по соблюдению советского законодательства о культе» не дают полной картины, фиксируя лишь семейных «конфессиональных представителей». Открытое исповедание религии в СССР было доступно лишь человеку, отказавшемуся от карьеры. Протестантские конфессии СССР были де-факто лишены права на прозелитизм и катехизацию молодежи.

Обсуждение круга проблем, связанных с депортацией, спецпоселением и последующей неполной реабилитацией, было чрезвычайно важным для поволжских немцев, несмотря на достигнутое к 1960-м гг. благополучие. Поиски ответа на экзистенциальные вопросы привели часть краснозерских католиков к принятию учения «Свидетелей Иеговы» в начале 1960-х гг. «Вся группа иеговистов в пос. Светлое состоит из немцев Поволжья, как показала беседа со Шпомер Л.А. и Гаар Л.П., у них осталась еще обида за прошлые репрессии...» (ГАНО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 84. Л. 9).

Помощь конфессиональных институтов в адаптации и реабилитации бывших спецпереселенцев могла бы быть весьма существенной, учитывая сохранность религиозного мышления поволжских немцев старшего поколения, если бы не жесткий контроль государства. Партийные органы отслеживали не только именной состав верующих, но и содержание проповедей – нередко явным порядком, с помощью активиста или инструктора-немца. В проповедях безопаснее всего было обсуждать повседневные проблемы верующих. «В проповедях и молитвах в этой общине сектанты молятся: за мир, за местные органы власти, за то, что... улучшено водоснабжение, проводятся большие работы по озеленению...» (ГАНО. Ф. Р-1418. Оп. 1. Д. 98. Л. 7). Несмотря на подвижничество проповедников, мужественных и мудрых людей, религиозные цен-

ности невозможно было адаптировать не только к историческим вызовам, но и к требованиям современности без компетентного церковного сопровождения. «Мы думали над этим (комментарием к судьбе депортированных и ссыльных. – А.О.). Пришли к тому, что надо оставить эту тему», – констатирует лютеранский пастор, проповедовавший в с. Кожевниково Томской области в 1970–1980-х гг. (ПМА, К.К. Оккель, 1931 г.р.). Старосты и пресвитеры не обладали сколько-нибудь значимым образованием. Издание и распространение конфессиональной литературы и прессы каралось советским законодательством.

Особенности самосознания немцев Новосибирской Кулунды. Отсутствие вспомогательных ресурсов – образования, сопоставительных профессиональных и досуговых практик, да и собственно досуга – препятствовало более полной реабилитации бывших вынужденных мигрантов – поволжских немцев. «В воспоминаниях самих бывших спецпереселенцев преобладал советский трудовой пафос... Некоторые, прежде всего немцы, показывали мне различные награды, грамоты и прочее, полученные за хорошую работу...» [Поль, 2002, с. 158]. Автору также доводилось видеть пухлые папки с грамотами, вырезками из районной и областной прессы, наградными и авторскими свидетельствами, предъявляемые информантами – поволжскими немцами – как доказательство напряженной *трудной* жизни.

Поволжские немцы Кулунды демонстрировали соседям то небольшое, что было дозволено консенсусом совместного проживания. «Иные живут и культуры немецкой не знают! Я же и постираю, и покрахмалю, и подвешу» (ПМА, Э.А. Кольмай, 1937 г.р.). Немецкая культура кулундинской деревни «скрылась» в алгоритмах деятельности. Немец делал то же самое, что и местные жители, но стремился работать тщательнее и лучше. «В работе немцы – лучше русских. Мы много вместе работали. Хорошо работали. Так вот, я считаю, они всё время старались сделать больше, чем я. Соревнование было: больше сделать и чтоб брака не было» (ПМА, М.В. Мартыко, 1926 г.р.).

При этом вплоть до конца 1950-х гг. бывшие спецпереселенцы избегали полемики с коллегами на полевых работах, производственных участках и фермах. «Часто доярки мне говорят, что телят я вижу насквозь, поэтому знаю, какого лекарства дать заболевшему, чтобы он был здоровым. *Спорить я с ними не спорю...*» («Трудовая жизнь» от 12.01.1958). «Колхозный ветсанитар Яков Иоси-

фович Цаберт даже и не пытался оправдываться. Наклонив голову, *он молча слушал*) («Трудовая жизнь» от 08.03.1958).

Оценивая развитие ситуации в немецком сообществе Кулунды, нельзя не согласиться с Л.В. Малиновским: «В связи с положением ссыльных немцев следует отметить, что рубеж в изменении их правового положения часто неправильно связываются с реабилитационным указом 1964 г., который имел, скорее, моральное значение» [1995, с. 129]. Именно «моральная поддержка» со стороны государства была чрезвычайно актуальна для поволжских немцев, ведь основную работу по реабилитации и воспроизводству традиционных ценностей они совершили (насколько это было возможно в сибирской деревне) сами. В середине 1960-х гг. речь шла уже о переходе сельских, локальных культур советских немцев на более масштабные информационные и статусные уровни.

Деятельности и пожеланиям немцев, демонстрирующих позитивные качества крестьянина и соседа в сибирском переселенческом селе, в 1960-е гг. по-прежнему противостояла советская пропаганда. Для поддержания милитаризации общества в условиях «холодной войны» советские пропагандисты подпитывали негативные стереотипы времен Великой Отечественной войны. «Русские ребята кричали: “Ура! Наши победили!” А мы – молчком смотрели, унижение чувствовали. Ничего себе – немца убили. Резануло – чуть не до слез. Странно было – и те “наши”, и эти “наши”» (ПМА, В.И. Долгаймер, 1959 г.р.).

Порицаемый почти каждым советским «военным» фильмом образ немца обесценивал труд носителя образцовой крестьянской культуры. «Носки вязали без “пяток”, вон соседка моя до сих пор так и вяжет» (ПМА, В.З. Куропова (Гербер), 1927 г.р.). Максимум влияния со стороны традиционной поволжско-немецкой культуры русские и украинцы Кулунды получали за счет непосредственного контакта и наблюдения: «Если у моей соседки-немки двор с утра прибран, неужели я свой грязным оставлю?»

Тексты, функционирующие в рамках семей, кланов или соседских групп нуждались в выходе на более широкий уровень в целях консолидации советских немцев. Ещё более насущной в 1960-е гг. стала потребность в адекватном переводе экзистенциальных текстов и потребностей немцев «на русский», в целях достойного сопровождения процесса интеграции немцев в «большую» советскую культуру. «Чистоозерцы в Москве. В колонном зале Дома Союзов ансамбль баянистов Чистоозерного ДК под руководством

Александра Неффа вдохновенно, исключительно слаженно и мощно сыграл труднейшую вещь И. Баха “Бурре”» («Маяк Кулунды» от 30.03.1965). Немцы на районных сценах пели советские песни, исполняли частушки, декламировали российских и русских поэтов. Однако эти усилия ориентировались на манифестирование не этнической, а региональной, кулундинской общности (см. рис. 31, 32).

На уровне своего населенного пункта и даже районного и зонального сообществ, т.е. в ситуации актуальной повседневности, немцы были принятыми и успешными, вполне интегрированными в славянские переселенческие сообщества этниками. Немцы «держали» культурную дистанцию в отношении ландшафта и технологий природопользования, но в межличностных отношениях с русскими и украинскими соседями не могли, да и не хотели этого делать.

Восприятие северокулундинской переселенческой деревни поволжскими немцами как «родной среды», а соседей-славян как референтных групп подтверждает следующий рассказ: «Я дома папке что-то сказала на “Ты”. А бабка услышала, разговоров было! “Грамотная женщина, а так сказала об отце!” Но мы вот на “Ты” были. Отец сам говорил “Как люди – так и мы”. Когда маму хоронили, соседи говорят: “У немцев ведь не так хоронят – крест в ноги надо”. А папа сказал: “Мы здесь век прожили, как людям, так и нам”» (ПМА, Л.В. Долгаймер, 1959 г.р.).

«Солирующие мужские голоса сменились на многоголосные женские хоры, а мужчины в этих певческих ансамблях выступают в качестве инструменталистов» – такие перемены, по мнению Е.М. Шишкиной, состоялись в «последепортационный период» под влиянием русской культуры [2005, с. 166]. «Со струнным оркестром было жаль расставаться – я на щипковых играл. На гармошке до сих пор все немецкие песни исполняю» (ПМА, О.С. Эльшайдт, 1925 г.р.) (см. рис. 33, 34).

Весьма драматичной для немцев 1960-х гг. была проблема межпоколенной культурной трансляции, затронувшая не только смешанные, но и моноэтнические немецкие семьи. «В нашей семье чисто по-немецки все говорили. Но на людях я стеснялся говорить. Понимать – понимал, а отвечать стеснялся. Отец, бывало, меня на улице подзовёт, спрашивает на немецком, а я стою как дурак и ничего ответить не могу» (ПМА, В.И. Долгаймер, 1959 г.р.). «Дома чаще по-русски говорили. Дети упрекали: “Что немничаешь?”»

(ПМА, В.А. Дамм, 1938 г.р.). «При детях и внуках по-русски говорим. По-немецки начинаешь, они думают – скрываем что-то» (ПМА, М.И. Эйрих, 1928 г.р.).

Трансляция семейных историй депортированных немцев долгое время носила «конспиративный» характер, по сути, существовала в виде коротких присловий, возникавших в общении людей старшего поколения и в своих вариациях, доступных их потомкам. «Мой отец говорил: в трудармии немцев полегло больше, чем деревьев в лесу срубают». «Отец говорил, что дорогу строили – через метр по немцу лежит». «Как про Поволжье в семье говорили? Да к слову – часто поминали. Принесёт бабка яблоки с базара – и начинает причитать – да разве ж такие яблоки должны быть? Да вот, в Поволжье...» (ПМА, В.Г. Лехнер, 1949 г.р.).

Вследствие неполной реабилитации поволжских немцев, а также общей слабости национальной и культурной политики в переселенческих селах отсутствовала какая-либо государственная поддержка немецкой культуры. Самостоятельно и легально немцы могли наиболее полно поддерживать родную культуру лишь в пределах «немецкого дома» и «берлина» – своего этнического сегмента в переселенческом селе. В результате бабушки и матери, частично освобождённые от работы в колхозе, передавали детям традиционные формулы немецкого воспитания, а мужчина обеспечивал всю семью. «Освобождение женщины» в условиях советской аграрной экономики 1960-х гг. было возможно за счет занятости в разнорабочих, либо в инфраструктуре – на должностях швей или уборщиц. Подобная занятость предполагала минимум рабочих дней, давала возможность работать на дому, но существенно понижала уровень социального престижа.

Огромные затраты времени и усилий на поддержание «немецкого дома» и «немецкого стиля» в работе, отсутствие поддержки со стороны системы образования, невостребованность немецкого языка в социальной практике, возросшее качество адаптации новых поколений немцев к проживанию в славянской среде – все это вело к утрате актуальности традиционных ценностей для новых поколений немцев. Отсутствие гласности, конспиративный характер функционирования текстов новейшей этнической истории, фрагментарная, ситуативная трансляция материала потомкам усилили тенденции ассимиляции и маргинализации в среде немцев Кулунды.

Дети из моноэтнических немецких семей ходили в одну школу с детьми из смешанных (украинских, русских) семей. Немцы-ме-

ханизаторы, трактористы и комбайнёры работали в составе смешанных производственных подразделений. Перебраться в город или хотя бы в более благополучную сельскую местность можно было лишь при условии знания русского языка. Мир советской маргинальной культуры, обладающий большей толерантностью и сниженным этнокультурным контекстом, нежели сельская русская культура, предоставлял немцу – выпускнику средней школы возможности для личностного и карьерного роста, недостижимые в крестьянской культуре родителей. «Дети поразбредились, смешались с русскими. *Жить и так можно*» (ПМА, М.И. Эйрих, 1928 г.р.).

5.2. Сибирские немцы Новосибирской Кулунды: ресурсы резервации

Согласно данным личного архива В.В. Эделя (председателя колхоза им. Тельмана в 1960–1981 гг.), на 1957 г. Орловское отделение колхоза «Верный путь» со 100 га площади сдавало государству 150 ц зерна и 6 ц мяса – результат ниже среднерайонного показателя (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.). Приехавшая в Орловку в 1958 г. Ольга Александровна Демчук застала деревню в темноте: «Сюда приехала, света ещё не было. При фонарях ручных доили коров» (ПМА, О.А. Шиц (Демчук), 1941 г.р.). В том же 1958 г. поволжско-немецкая семья Лобес покинула Орловку: соседние целинные совхозы предлагали лучшие условия для жизни (ОАС администрации Купинского р-на НСО. Ф. 78. Оп. 3. Д. 118. Л. 11).

Спустя восемь лет Л.В. Малиновский зафиксировал не только «прочность обоснования», но и большую зажиточность немцев Новосибирской Кулунды по сравнению с русским и украинским населением региона [1995, с. 63]. В 1967 г. колхоз им. Тельмана производил продукции в восемь раз больше, чем в 1957 г., будучи передовым по району. «При моей работе 11 тысяч центнеров твердого плана сдавали государству. Вместо шести тысяч центнеров молока – сдавали восемь. Мяса – тысяча центнеров план – сдавали 1 100» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.).

Весьма относительной была и хозяйственная самостоятельность национального колхоза им. Тельмана, организованного в 1958 г. в немецко-старожильческом селе Орловка. «“Верхи” определяли нам сроки и площади. Соотношение культур тоже определяли они» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.).

Колхоз им. Тельмана (86 хозяйств на 1964 г.), все работники которого происходили из одного небольшого с. Орловка (ОАС администрации Купинского р-на НСО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 89, 90), был уникальным образованием среди агропромышленных гигантов – совхозов и объединенных колхозов Кулундинской хозяйственно-экономической зоны. Однако полная хозяйственная автономия немецкого национального колхоза в условиях целинной кампании была невозможна. Например, увеличение товарности производства происходило за счет аренды выпасных и сенокосных угодий у казахстанских хозяйств. «Коней казахам продавали. На их территории сено косили, а им подешевле да получше лошадей продавали» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.). Процветание Орловки достигалось также за счет интенсификации производства путем тотального повышения квалификации работников, селекции скота и диверсификации животноводства, эффективного и уместного внедрения новинок агротехники, что неизбежно влекло за собой постепенный отход от локального хозяйственного опыта.

Л.В. Малиновский отмечал «перестройку» чердака сибирскими немцами Орловки в реконструируемых старых домах и возведение упрощенной конструкции в новых жилых постройках, происходившие в начале 1960-х гг. [1968, с. 101]. Окончательно дискредитировали «немецкие» чердаки-зернохранилища крысы, прибывшие в Кулунду с кубанским семенным материалом (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.). Л.В. Малиновский отмечает проникновение «крестовых» домов и в с. Октябрьское: в середине 1960-х гг. их было до 50 % застройки [1968, с. 105]. В Орловке в 1959–1964 гг. возвели 24 «крестовых» дома – больше, чем за предшествующие 17 лет (14 построек) (ОАС администрации Купинского р-на НСО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 89, 90).

«Влияние характера строительного материала на национальные традиции лучше всего видно на примере с. Шенфельд Карасукского района НСО, которое почти полностью перестроено за последние годы. Так как село представляет собой отделение совхоза, а рабочим на льготных условиях продавались разборные “финские” домики, большинство домов сооружено из готовых деталей, и местные черты могли проявиться лишь в отделке, покраске и пр.» [Малиновский, 1968, с. 105] (см. рис. 35, 36).

Выезжая в соседнее село, молодой орловец с радостью выходил из-под опеки строгих нормативов практически в «дикое поле». «Драки с другими деревнями были: наша деревня не боялась нико-

го. Бывало, какого-нибудь парня, загулявшего в соседней деревне, “зажучат”: мы на мотоциклы, и туда! “Немцы приехали!” У нас все парни были на мотоциклах» (ПМА, А.Г. Крауз, 1938 г.р.). «Брат его – шалопай из шалопаяв. Был он агроном. Когда работал здесь, с конюшни ночами выводил лошадей и ездил к невестам... Ну, немцы ж не все ангелы» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.). За «порчу нравов» в соседних русских деревнях орловского уроженца, студента-заочника Новосибирского сельхозинститута, члена РК ВЛКСМ исключили из партии, а его рекомендатели получили выговор («Маяк Кулунды» от 24.05.1965).

Немногочисленные попытки что-либо красть в колхозе председатель Эдель строго пресекал. «Воровство было и раньше: растаскивали зерно во время уборки. С ворами обходились по-разному. Если по мелочи, товарищеским судом. ... Если нужно было – и в суд. Одного, помню, посадил. Хлеб стянули с братом, – тот из Новосибирска приехал. Местный брат всё на себя взял. Потом он сюда вернулся. Сейчас уехал на Кубань. Зла на меня не держал. Я ж его красть не посылал! Почему он пошёл на это? Скот держал, семью кормил – каждому хочется получше жить. Одного только пришлось сажать за 20 лет работы. А так – старался воспитывать, сколько мог» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.). Это была едва ли не единственная кража со взломом в истории купинской Орловки.

«Двери в деревне никогда не закрывались. Не воруют немцы...» (ПМА, Э.М. Липа, 1950 г.р.). Орловка действительно была местом, где не было драк, а соседи церемонно общались на «муттершпрах» времен Блюхера и Наполеона. Но в этой упорядоченности было очень четкое «ощущение потолка». «Учётчик В. Эдель хорошо поставил учёт труда. Каждый тракторист, прицепщик ежемесячно знает *о плодах своего труда* и зарплатке» («Коммунист» от 06.05.1960). «Первые месяцы работала свиначкой, потом на копнителе, после *пожизненная доярка*» (ПМА, О.А. Шиц (Демчук), 1941 г.р.).

Маленький национальный колхоз давал немного возможностей для карьерного роста. «Эдмунд Шмидке кем был? *Да никем не был*. На молокоотделении работал» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.). В 1960-е гг. в Орловке ещё сохранялась хозяйственная специализация представителей отдельных кланов. Вильгельм Вильгельмович был вторым Эделем-председателем, из Зильбернагелей выходили механизаторы и шоферы, Штром был музыкантом в третьем поколении, а Бегерт – потомственным сапожником.

Несмотря на благополучие и рост производства, часть населения покидала Орловку. Молодёжь после окончания техникумов и демобилизации отправляется в города. Более зрелые люди перебирались в соседний Казахстан. По данным похозяйственных книг и комментариям информантов, установлено, что семь хозяйств общей численностью в 38 человек выбыли в Талды-Курганскую область Казахской ССР за период 1961–1970 гг. (ОАС администрации Купинского р-на НСО. Ф. 78. Оп. 3. Д. 131–132). «Уезжали в Казахстан, в Талды-Курган. Появился тогда миф: хорошо там жить. Потом некоторые назад вернулись» (ПМА, А.Г. Крауз, 1938 г.р.). Данные административного учета подтверждают возвращение семьи Шиц после восьмилетнего пребывания в Казахстане (ОАС администрации Купинского р-на НСО. Ф. 78. Оп. 3. Д. 132). Помимо Казахстана, в 1960-е гг. орловцы переезжали в другие хозяйства района. В тот же период еще семь семей общей численностью 35 человек выбыли в различные населенные пункты (ОАС администрации Купинского р-на НСО. Ф. 78. Оп. 3. Д. 131–132).

«При моей работе текучести не было. К нам мало кто ехал и мало кто поступал. Шли, в основном, немцы. Это было национальное хозяйство» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.). Бездельников в колхоз им. Тельмана не брали, а передовики сами не шли: они были дороги прежним хозяйствам.

Старшее поколение сибирских немцев было представлено почти исключительно вдовами, чей авторитет мог поколебать лишь пресвитер. Орловские вдовы часто не могли ужиться с русскими невестками. Часть демобилизованных из трудармии сибирских немцев в родное село не вернулась: осели близ ими же построенных шахт и заводов. Вильгельм Эдель вернулся в Орловку уже в 1957 г. с русской женой и двумя дочерьми – Людмилой и Валентиной. «Мы сидели с сестрой и играли в куклы. Бабушка всё ворчала: “Poppolespiele!” Она к нам антипатично относилась. Мама была русская: негативное к ней было отношение. Сидим за одним столом – папа, бабушка, сестры папины, мы... И сплетни, наветы... Сёстры сбегутся – и пошло... Мама только замечала, что папа психовать начал» (ПМА, В.В. Крель, 1952 г.р.).

В условиях растущей интеграции тенденции межэтнического взаимодействия (и, как следствие, метисации) усиливались. Не только хозяйственная, соционормативная, но и этноязыковая автономия немцев Кулунды становилась относительной. Родные диалекты обслуживали лишь бытовые нужды. Немалую роль в про-

никновении русского языка сыграла формализация хозяйственного устройства. Так, председатель колхоза им. Тельмана В.В. Эдель распоряжался хозяйством только по-русски (и именовался «Василий Васильевич»), на немецком общался исключительно как родственник и сосед («Willhelm-faeder»). Употребление фамилий в Орловке до конца 1950-х гг. осуществлялось на немецкий манер: *Edels, Begerts*. В 1960-е гг. для обозначения отдельных семей уже использовалась русская форма: Эдели, Бегерты, а для обозначения кланов – Эделевы, Бегертовы (ПМА, В.В. Крель, 1952 г.р.). Выбор языка зависел не только от сферы общения, но и от эмоционального строя беседы. «Компанией, бывало, выпьют – перепалки были. На немецком всё шло. На русском только ругались» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.). Знание нецензурного русского постигалось в школьном интернате, ещё ранее – на «культурном стане» объединенного колхоза.

Саморазвитие общин сибирских немцев-протестантов проходило в условиях всё возрастающих противоречий. Так, в с. Орловка с момента его основания характер соционормативных практик задавало соперничество между конфессиями и сообществами кланов-грюндеров. Конфессиональный спор закончился в пользу баптистов. «Пока средней школы здесь не было – детей в интернат отвозили. Забирали в субботу, везти в воскресенье вечером. Проблема была найти водителя трезвого. Лютеране часто пьяные были. Баптисты – всегда трезвые. На вызов – без отказа. Добросовестны в работе были. Всё зло – от водки. И они водку не пили» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.).

В маленьком колхозе, где все много работали и весьма скромно получали, баптисты чувствовали себя вполне комфортно. «Присвоение классности большую роль тогда играло. Баптисты это быстро уловили: чем выше класс – тем выше зарплата. ...На классность учиться все ходили прилежно» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.). Однако «прилежание» помогло большей части взрослого населения Орловки преодолеть лишь начальную школу: пресвитер Николай Кайзер располагал лишь четырьмя классами образования, но за неполные пять лет стал трактористом I класса.

Протестантская трудовая этика хорошо сочеталась с советской системой ценностей. Баптисты оказывали власти неподдельное уважение. «С обкома партии как-то приезжал секретарь, мы на молебен ходили. Нас в первый ряд посадили, специально подождали. Молебен вели для нас на русском языке. У меня дома секретарь ска-

зал: “Ничего плохого здесь не вижу”» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.). Орловская партиячейка не всегда могла содержать освобожденного секретаря из-за малочисленности. Однако основная функция коммунистов в социалистическом хозяйстве здесь была мало востребована. «Свои коммунисты им не мешали. У них – своё, у нас – своё. Работали баптисты – *понужать не надо*» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.).

Примиришь инерцию традиционализма с ценностями модернизации, возможно, удалось бы с помощью образования. Однако именно высокообразованные специалисты оказались самым неустойчивым элементом в немецкой сельской общине. Выпускников вузов переманивали крупные хозяйства и районные власти. В результате сибирско-немецкая элита предпочитала ностальгию и гостевые визиты реальному участию в делах родной общины, была проводником в основном городской и русской культуры.

Усиление ориентации сибирских немцев на «большую» русскую культуру и изменения механизмов идентификации можно проследить на эволюции орловского именника. Подсчет проводился согласно похозяйственным книгам Стеклянского сельского совета Купинского района НСО за 1969–1970 гг. (ОАС администрации Купинского р-на НСО. Ф. 78. Оп. 3. Д. 131–132). Если в 1950-х гг. количество названных немецкими именами девочек почти в два раза превышает число названных русскими именами, а у мальчиков – разница трехкратная, то в 1960-х гг. «русский тренд» в местной ономастике становится очевидным [Охотников, 2001, с. 574–578].

В имянаречении сыграло свою роль появление русских родственников (хотя подсчет велся исключительно по сибирско-немецким семьям села Орловка). Основным фактором здесь является принятие родителями ценностей модернизации и осознание значительных возможностей, открывающихся в маргинализованной русской культуре. И наоборот: школьный и армейский опыт показывал орловцам ряд «неудобств» немецкой этничности.

«Нейтральное», свойственное и русской, и сибирско-немецкой ономастике, имя подобрать было несложно. Русификация имен в Орловке происходила с 1930-х гг., как и ситуативный переход на русскую речь. В 1960-е гг. для немцев молодых и средних возрастов это было привычным явлением. «Дедушку моего звали Курт Фридрихович Мюллер. А так – Константин Фёдорович Миллер. Оскара называли Константином, Хайнриха – Андреем,

Вильгельма – Василием, Ирму – Ириной...» (ПМА, Э.М. Липа, 1950 г.р.).

«Целинный» период, реальность и весомость колхозных доходов, возможность участия в хозяйственной и культурной жизни на базе советских институций, рост участия сибирских немцев в образовательных и экономических мероприятиях вне родного села привел к переходу на т.н. «субординативный билингвизм» трудоспособной части населения. Весьма красноречиво проникновение русского канцелярита в немецкие говоры демонстрирует В.К. Гейнц: «Наряду с новыми заимствованными существительными, такими как “закон”, “выходной”, “получка”, “заявление”, “скорость” и т.д. в говор проникает много русских глаголов, например: “проверить”, “доказывать”, “выступить”» [1969, с. 53].

«Наталья Тамбовская (“в девках” – Бегерт) впоследствии веру приняла, а была неверующая. Она с начала и до конца неплохо работала. Всегда в передовых ходила. В Германии умерла. И пожила там недолго. Это она говорила, когда речь о создании автономии зашла: “Мы сидим уже на чемоданах, нам ничего не надо!”» (ПМА, В.В. Эдель, 1921 г.р.).

В условиях отсутствия необходимой для актуализации родной культуры информации, образовательных, профессиональных и рекреационных технологий у сибирских немцев был выбор: либо оставаться в скудеющем информационном поле своей культуры, превращаясь в ограниченного «нацмена», либо ассимилироваться в «большую» русскую культуру. Интеграция, т.е. актуализация родной культуры за счет русской, была весьма сложной задачей, посильной лишь для образованного человека с богатым жизненным опытом.

Хозяйственным успехам поволжских немцев в целинный период благоприятствовали демографическая структура группы, идеальная для аграрного освоения края, довоенный опыт модернизации хозяйства АССР НП, трудармейские навыки работы в промышленном производстве. В то же время соответствовать максималистским запросам власти в отношении крестьянина-целинника поволжским немцам помогли этнические качества, удачно сочетающиеся с практиками аграрной модернизации. Однако успешная занятость немцев в специфических производственных отраслях региона была бы невозможной без усвоения опыта старожил.

В жилищах бывших спецпереселенцев – поволжских немцев безусловное отношение к традиции имела планировка надворных построек, детали и манера отделки. В остальном северокулундинский «немецкий дом» являлся результатом заимствования, синтеза и рационализации строительных технологий славян-старожилов, а также процесса адаптации технологий промышленного строительства к стандартам сельской жилой застройки.

Преимущественно дисперсный характер проживания, подавление конфессиональной активности атеистическим государством, отсутствие адекватной пастырской опеки обусловили фрагментарное присутствие религиозных начал в соционормативной культуре современности немцев региона. Вследствие чрезвычайной занятости немцев-мужчин в целинной экономике произошла «феминизация» процесса ранней этнической социализации, в котором поволжскими немцами также были востребованы ресурсы культур старожилов.

Реализация изоляционистской стратегии адаптации в сибирско-немецких селах удалась лишь частично (преимущественно в области соционормативной культуры). Элементы культурной автономии в сибирско-немецких селах существовали уже в 1960-е гг., но без коммуникаций в рамках «большой» советской немецкой культуры немецкие протестантские резервации Кулунды не могли сколько-нибудь полно поддержать этнокультурное достояние.

При высоком качестве этнокультурной адаптации, наличии значительного числа заимствований из локальных украинской и русской культур кулундинские немцы ассимилировались в доминирующую русскую советскую культуру при посредстве региональной, сибирско-кулундинской полиэтнической культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Немецкое присутствие на севере Кулундинской степи стало значимым с осуществления столыпинской аграрной реформы. География выхода северокулундинских столыпинских переселенцев-немцев соответствовала общим трендам немецкой аграрной миграции в Алтайско-Томский степной район. В начале XX в. в структуре миграций преобладали выходцы из губерний Восточной Украины. Меньшее количество переселенцев происходило из колоний Поволжья и Новороссии. В конце 1910-х гг. хозяйственные приоритеты кулундинских немцев устоялись в пользу выращивания яровых культур и экстенсивного животноводства. Наиболее значимыми в процессе обоснования оказались следующие факторы:

- традиционный опыт, производный от хозяйственной специализации региона выхода;
- имперская практика водворения, способствующая компактно-му расселению немцев-колонистов и приоритету общинной формы землеустройства;
- ориентация хозяйств на растущий рынок продовольствия, что обусловило форсированное развитие производственной сферы и упрощение технологий жизнеобеспечения;
- актуальный опыт транзитной аграрной миграции, позволяющий быстрое поднятие хозяйств;
- развитие эгалитарные конфессиональные практики, способствующие актуализации традиционных начал и селекции собственного опыта колонистов.

Сибирско-немецкие культуры, сложившиеся к концу 1920-х гг., являлись транзитивными культурами, ориентированными и на ценности модернизации, сложившимися в условиях развитого рыночного хозяйства и механизированного аграрного производства. Локальные культуры сибирских немцев явились результатом не только духовного и технологического прогресса, обусловленного хозяйственными успехами первого десятилетия обоснования, но

и архаизации, вызванной потерями от мобилизационных мероприятий царского правительства и начинаний советской фискальной политики. Антикризисные экономические стратегии, стимулированные кредитной политикой организаций, базирующихся на идеологии христианского либо атеистического социализма, преимущественно конфессиональные формы общественной активности определили преобладание кооперативных стратегий взаимодействия в сибирско-немецких селах во второй половине 1920-х гг. Усилению партнерских отношений, ориентации на внутриконтрагентские и локальные связи способствовал и актуальный опыт взаимоотношений с советскими государственными структурами.

Экономика сибирско-немецких колхозов опиралась на солидную материальную базу, сохраненные периферийные производственные практики, высокую хозяйственную компетентность колхозников, стремление достичь компромисса между реальными нуждами полеводства и фискально-пропагандистскими интересами местных властей. На протяжении первой половины 1930-х гг. жители северокулундинских колоний демонстрировали высокую степень внутригрупповой солидарности, продиктованной охранительными стратегиями. Однако прекращение деятельности конфессиональных институтов в колониальных общинах способствовало частичному замещению традиционных норм – советскими, прежде всего среди молодежи. На уровне публичной риторики стали заметны изменения в самосознании («советизация») старшего поколения. Сведения, имеющиеся о немецком населении Северной Кулунды на 1937 г., говорят об относительной лояльности немецких сельских обществ, принятии и исполнении решений местной власти. Социальный протест против коллективизации сибирские немцы выражали, как и все советские крестьяне, путем миграции (в места выхода или на стройки первых пятилеток).

Репрессии 1938 г. приостановили процесс автономного функционирования немецких хозяйств, обусловили дезадаптацию населения сибирско-немецких сел. К 1941 г. немецкие колхозы Северной Кулунды находились в состоянии хозяйственного упадка. Помимо демографических (включая миграционные) потерь хозяйства преживали недостаток ресурсов. Акции НКВД уничтожили почти всех взрослых немцев, владеющих русским языком, что надолго затруднило процессы интеграции сибирских немцев в советскую культуру. Одновременно происходила деградация системы административного компромисса в немецких селах.

Накануне депортации поволжские немцы проживали в секуляризованном и урбанизованном культурном пространстве, в условиях умеренного достатка, имели доступ к развитым системам образования и здравоохранения. Вместе с тем уровень интеграции в русскоязычное культурное пространство оставался невысоким, достигался по преимуществу за счет индивидуальных трудовых и образовательных стратегий, а попытка форсированной русификации образования в реальности лишь дезорганизовала учебный процесс и способствовала развитию изоляционистских настроений. Результатом советской секуляризации стала упрощённая семейная катехизация молодёжи, приведшая в дальнейшем к частичной деструкции немецкого религиозного сознания.

Ликвидация АССР НП принципиально изменила постренные на принципах договора отношения между немцами-колонистами и государством. Депортация, осуществленная вопреки советскому праву и принципам автономии, не соответствовала ни миграционным трендам поволжско-немецкого населения, ни опыту эффективной аграрной колонизации Сибири. Для поволжских немцев депортация стала центральным пунктом этнической истории, способствующим становлению групповой идентичности «диаспоры изгнания».

Трудовые мобилизации 1942 г. довершили хозяйственную деградацию сибирско-немецких колхозов Северной Кулунды. Следствием конфискационных мер 1940-х гг. стала деструкция всего комплекса сибирско-немецкой культуры. Оскудение, ставшее явлением повседневности сибирской деревни военных лет, в сибирско-немецких селах приняло крайние формы. Часть немецких населённых пунктов Северной Кулунды была ликвидирована вслед за разрушенными военной экономикой, нерентабельными национальными колхозами.

Адаптация депортированных немцев в местах высылки оказалась крайне затруднена и вследствие политико-правовых и экономических мероприятий военного времени. В ходе реализации переселенческой кампании 1940–1941 гг. проявились системные недостатки управления, ресурсная несостоятельность местных хозяйственных структур.

Вопросы жизнеобеспечения депортированных решались главным образом с помощью поддержки старожильческих общин, трудовыми усилиями и технологиями русских и украинцев Кулунды. При этом культуры старожильского населения были обеднены

форсированной аграрной модернизацией («коллективизацией»). Мобилизация людей и ресурсов на нужды фронта также способствовала оскудению общин старожилов. Возможности старожильческой опеки были чрезвычайно ограничены. В условиях Северной Кулунды выживание депортированных обеспечивалось крайне неэффективно. В результате мер национальной, аграрной и экономической политики СССР среди немецкого населения Северной Кулунды в 1943–1948 гг. стало массовым беспризорничество, тотальным – дефицит социализации. К середине 1940-х гг. поволжские немцы заимствовали комплекс материальной культуры старожилов. Коллективы мобилизованных в «рабочие колонны» не имели и такой возможности. В условиях изоляции и оскудения немецкие сообщества Северной Кулунды приобрели кризисный характер.

Влияние военной пропаганды способствовало мобилизации негативных стереотипов в отношении поволжских немцев в старожильческих сообществах Кулунды, а также длительной фиксации низкого статуса немецкой культуры в глазах местных жителей и немецкой молодежи. Достижение консенсуса совместного проживания в старожильческих общинах было достигнуто за счет устранения наиболее ярких черт образа немца, прежде всего за счет устранения из сферы публичного употребления немецкого языка. Дефицит социализации проявился в отсутствии возможностей получить школьное образование по причине крайней нищеты, низкой языковой компетенции, раннего включения в общественное производство. Гораздо актуальнее для адаптации поволжско-немецкой молодежи в условиях послевоенного колхоза оказалось получение профессионального образования.

Хозяйственным успехам поволжских немцев в целинный период благоприятствовали демографическая структура группы, довоенный опыт модернизации хозяйства АССР НП, трудармейские навыки работы в промышленном производстве. В то же время соответствовать максималистским запросам власти в отношении крестьянина-целинника поволжским немцам помогли этнические ценности, удачно сочетающиеся с практиками аграрной модернизации. Однако успешная занятость немцев в специфических производственных отраслях региона была бы невозможной без усвоения опыта старожилов. Начав с индивидуальных достижений, пережив этап семейных подрядов, немцы-передовики обратились к кооперации с иноэтничными соседями в рамках производственных звеньев.

В жилищах бывших спецпереселенцев – поволжских немцев безусловное отношение к традиции имела планировка надворных построек, детали и манера отделки. В остальном северокулундинский «немецкий дом» являлся результатом заимствования, синтеза и рационализации строительных технологий славян-старожилов, а также процесса адаптации технологий промышленного строительства к стандартам сельской жилой застройки. Трансляция опыта поволжско-немецкого домостроения также происходила как передача актуальных технических решений, а не традиционных моделей. Таким образом, поволжско-немецкий застройщик оказался в роли проводника городской культуры в быт целинного села.

Наряду с оптимизацией кросс-культурных контактов, маргинализация крестьянской культуры обусловила и проблемы соционормативной регуляции, наиболее ощутимые в межэтнических браках. В условиях дисперсного проживания и возрастающей урбанизации попытки изоляционистских брачных стратегий немцев были обречены на неудачу. Большой положительный эффект возымели средства общественного порицания проявлений интолерантности.

Отмена режима спецпоселения и «запаздывание» нормативных, общегражданских мер партийно-пропагандистской работы с советскими немцами сделали возможным частичное восстановление конфессиональных институций северокулундинских немцев, причем большой успех сопутствовал протестантам, в особенности баптистам. Однако дисперсный характер проживания, подавление конфессиональной активности атеистическим государством и отсутствие адекватной пастырской опеки обусловили фрагментарное присутствие религиозных начал в соционормативной культуре современности немцев Северной Кулунды.

Интенсификация производства и повышение качества образования породили отток старожилов сибирско-немецких сел в места с большими перспективами. Изоляционистские стратегии адаптации сохранялись лишь частично (преимущественно в области соционормативной культуры). Родной язык обслуживал лишь бытовые нужды, а в рамках колхозной административной иерархии использовался только русский. Весомость целинных колхозных доходов, возможность участия в хозяйственной и культурной жизни на базе советских институций, рост участия сибирских немцев в образовательных и экономических мероприятиях вне родного села привели к переходу трудоспособной части населения на т.н. «субординативный билингвизм». Элементы культурной автономии

в сибирско-немецких селах существовали уже в 1960-е гг., но без коммуникаций в рамках «большой» советской немецкой культуры немецкие протестантские анклавы не могли сколько-нибудь полно поддержать этнокультурное достояние.

Помимо прямых ограничений свободы перемещения или свободы совести более полной реабилитации бывших спецпереселенцев препятствовало отсутствие вспомогательных ресурсов – образования, профессиональных и досуговых практик. Вследствие чрезвычайной занятости поволжских немцев-мужчин в целинной экономике произошла «феминизация» процесса ранней этнической социализации, в котором поволжскими немцами были востребованы ресурсы культур старожил.

Проблемы, характерные при вхождении в культуру современности для крестьянских культур СССР, в случае с немцами Северной Кулунды были осложнены негативным влиянием советской пропаганды времен «холодной войны». При высоком качестве этнокультурной адаптации, наличии значительного числа заимствований из локальных украинской и русской культур кулундинские немцы ассимилировались в доминирующую русскую советскую культуру при посредстве региональной, сибирско-кулундинской полиэтнической культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные источники

ГАНО. Ф. П-2, П-4 – Новосибирский областной комитет ВКП(б); Ф. П-28 – Андреевский районный комитет ВКП(б); Ф. Р-393 – Купинский РИК (1920–1930-е гг.); Ф. Р-537 – воспоминания немцев-старожилов НСО, Омской области и Алтайского края; Ф. Р-1030 – отдел по хозяйственному устройству эвакуированных и переселенцев при Новосибирском облисполкоме; Ф. Р-1418 – документация уполномоченного по делам религии в НСО.

ГАТО. Ф. 3 – Томское губернское управление.

ЦХАФ АК. Ф. 233 – материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи населения 1917 г. по Барнаульскому уезду.

ОАС администрации Баганского района НСО. Ф. 28 – материалы текущего учета населения (1940–1960-е гг.).

ОАС администрации Карасукского района НСО. Ф. 1 – Карасукский РИК (1929–1965 гг.); Ф. 8 – материалы текущего учета населения (1940–1960-е гг.).

ОАС администрации Краснозёрского района НСО. Ф. 67 – материалы текущего учета населения (1940–1960-е гг.).

ОАС администрации Купинского района НСО. Ф. 78 – материалы текущего учета населения (1940–1960-е гг.).

ОАС администрации Чистоозёрного района НСО. Ф. 262 – материалы текущего учета населения (1940–1960-е гг.).

Статистические источники

230 районов Сибирского края: Статистический справочник. – Новосибирск: Крайстат, 1930. – 403 с.

Итоги демографической переписи 1920 года по Омской губернии. Возрастной и национальный состав населения с подразделением по полу и грамотности. – Омск: Губстатбюро, 1923. – Вып. 2. – 107 с.

Итоги сельскохозяйственной переписи 1920 года по Омской губернии. – Омск: Губстатбюро, 1922. – Вып. 1. – 139 с.

Народное хозяйство Новосибирской области. – Новосибирск: Госстатиздат, 1961. – 334 с.

Население Новосибирской области: Информационное издание. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – Т. 1. – 544 с.

Население по городским поселениям и сельским районам Новосибирской области (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г.). – Новосибирск: Статуправление НСО, 1972. – 89 с.

Национальный состав населения Новосибирской области (по данным микропереписи населения 1994 г.). – Новосибирск: Б.и., 1995. – 31 с.

Немецкие населенные пункты в СССР до 1941 г.: Справочник. – М.: ОАНРН, 2002. – 479 с.

Немецкое население Казахстана в конце XIX–XX вв. (по материалам всеобщих переписей населения 1897–1999 гг.). – Усть-Каменогорск: УСА, 2002. – 226 с.

Немцев Поволжья АССР // БСЭ. – М., 1939. – Т. 41. – С. 597–607.

Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. – Томск, 1913. – Вып. 1.

Список населенных мест Сибирского края. – Новосибирск, 1928. – Т. 1. Округа Юго-Западной Сибири. – 831 с.

Список населенных мест Томской губернии. – Томск, 1911. – 578 с.

Характеристика национального состава населения Новосибирской области (по данным сплошной и выборочной переписи населения на 15.01.70). – Новосибирск: Статуправление НСО, 1973. – 80 с.

Литература

Андреев С.Н. Аграрные преобразования в Западной Сибири в 1953–1964 гг. – Новосибирск: ИИ СО РАН, 2007. – 212 с.

Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М.: Наука, 1989. – 247 с.

Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И. Проблема классификации элементов культуры (на примере армянской системы питания) // СЭ. – 1981. – № 4. – С. 3–11.

Арутюнян Ю.В. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929–1957 гг. – М.: Наука, 1960. – 341 с.

Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. – М.: Мысль, 1971. – 374 с.

Барбашина Э.Р. Проблемы ассимиляции немцев в Сибири (1941–1955 гг.) // Российские немцы. Историография и источниковедение: Мат-лы междунар. науч. конф. – М.: Готика, 2001. – С. 483–502.

Белковец Л.П. «Большой террор и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х–1930-е годы). – М.: IDVK, 1995. – 317 с.

Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг.: историко-правовое исследование. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – 324 с.

Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг.: историко-правовое исследование. – 2-е изд. – М.: Рос. полит. энцикл.; Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – 359 с.

Бетхер А.Р. Соотношение индивидуального и коллективного начал землепользования у различных этнических групп немцев Западной Сибири // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941 гг.): Мат-лы междунар. науч. конф. – М.: ЗАО «МДЦ Холдинг», 2002. – С. 125–136.

Бетхер А.Р. Этноязыковая ситуация у немецкого населения в Западной Сибири в конце 1980-х – начале 1990-х гг. // Немецкое население в пост-сталинском СССР, в странах СНГ и Балтии (1956–2000): Мат-лы междунар. науч. конф. – М.: МСНК-пресс, 2003. – С. 357–382.

Бетхер А.Р. Особенности развития хозяйства у различных локальных групп немецкого населения Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Ключевые проблемы истории российских немцев: Мат-лы междунар. науч. конф. – М.: МСНК-пресс, 2004. – С. 274–290.

Блинова А.Н. Сравнительный анализ систем воспитания русского и немецкого населения Западной Сибири // Сибирь в социокультурном пространстве России: история и современность. – Омск: НОУ ВПО «ОГИ», 2004. – С. 122–125.

Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. – Топчиха, 1995. – Ч. 2. – 224 с.

Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». – М.: Аиро-XX, 1995. – 319 с.

Бугай Н.Ф. Автономия немцев Поволжья: проблемы деструктурирования и социальной натурализации // Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. – М.: Звенья, 1999. – С. 84–94.

Бургарт Л. Миграционные процессы среди немецкого населения в условиях режима спецпоселения в 1949–1955 гг. (на примере Восточного Казахстана) // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: Мат-лы междунар. науч. конф. – М.: Готика, 1998. – С. 350–358.

Вайман Д.И., Черных А.В. Немецкие хутора Прикамья: история и традиционная культура (XX – начало XXI в.). – СПб.: Маматов, 2008. – 222 с.

Вашкау Н.Э. Без вины виноватые. Российские немцы на спецпоселении и в трудармии // Родина. – 2002. – № 10. – С. 99–104.

Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. – 368 с.

Галеткина Н.Г. Бужские голлендры: в поисках идентичности // Вестник Евразии. – 1998. – № 7. – С. 55–75.

Галеткина Н.Г. От мигранта к сибиряку. Трансформация групповой идентичности при переселении // Диаспоры. – 2002. – № 2. – С. 32–63.

Галеткина Н.Г. Парадоксы коллективной памяти: бужские голлендры в Сибири и Германии // Диаспоры. – 2006. – № 1. – С. 11–35.

Гейнц В.К. Иноязычные заимствования в верхнегессенских говорах Омской области // Вопросы диалектологии и языкознания. – Омск: Изд-во ОмГПИ, 1969. – С. 50–56.

Гербер О.А. Материальная база школьного образования сибирских немцев (1920–1935 гг.) // Российские немцы. Проблемы культуры и образования. – Новосибирск: 1996. – С. 106–114.

Герман А.А. Немецкая автономия на Волге 1918–1941 гг. – Саратов, Изд-во СГУ, 1994. – Ч. 2. Автономная республика. 1924–1941. – 416 с.

Герман А.А. Межнациональные отношения в Республике немцев Поволжья // Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: Мат-лы междунар. науч. конф. – М.: МСНК-пресс, 2005. – С. 79–88.

Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. – М.: МСНК-Пресс, 2007. – 576 с.

Гири К. Интерпретация культур. – М.: Рос. полит. энцикл., 2004. – 560 с.

Головнев А.В. Говорящие культуры традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 600 с.

Горбатов А.В. Немцы Сибири в движении «инициативников» (в аспекте государственно-конфессиональных отношений) // Немцы Сибири: история и культура. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 35–37.

Громазина О.В., Кноль Е.Д. Лексические заимствования из русского языка в языке российских немцев // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: Мат-лы междунар. науч. конф. – М.: Готика, 1995. – С. 519–524.

Гуськов Н.И. Почвы Андреевского района Западно-Сибирского края. – Новосибирск: Б.и., 1931. – Вып. 2 (карта-вклейка).

Гущин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935–1941). – Новосибирск: Наука, 1975. – 285 с.

Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. – М: IDVK, 1997. – 496 с.

Едиг Г.Г. Ограничение объема высказывания главного состава в сложноподчиненном комплексе (на материале нижненемецкого говора Алтайского края) // Вопросы диалектологии и языкознания. – Омск: Изд-во ОмГПИ, 1971. – С. 11–13.

Жирмунский В.М. Этнографическая работа в немецких колониях Украины и Крыма // Этнография. – 1927. – № 2. – С. 13–26.

Жирмунский В.М. Итоги и задачи диалектологического и этнографического изучения немецких поселений СССР // СЭ. – 1933. – № 2. – С. 84–112.

Зверев В.А. Дети отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири во второй половине XIX – начале XX веков. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1993. – 244 с.

Зверев В.А. Поселения и жилища Новосибирского округа в 1920-е годы // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Мат-лы межрегион. науч. конф. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 1998. – Вып. 4. – С. 60–64.

Земсков В.Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльные и высланные (статистико-географический аспект) // История СССР. – 1991. – № 5. – С. 151–165.

Карты заселяемых районов за Уралом (отчеты о работах Переселенческого управления за 1913 г.). – М., 1914.

Кожемякин Е.А. Дискурсивный подход к изучению институциональной культуры. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – 244 с.

Конев Е.В. Социально-политическая характеристика немецкого населения Кемеровской, Новосибирской и Томской областей в 1970–1980-е годы // Немецкое население в постсталинском СССР, в странах СНГ и Балтии (1956–2000 гг.): Мат-лы междунар. науч. конф. – М: МСНК-пресс, 2003. – С. 146–153.

Кригер В. Некоторые аспекты демографического развития немецкого населения 1930–1950-х гг. // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941 гг.): Мат-лы междунар. науч. конф. – М.: ЗАО «МДЦ Холдинг», 2002а. – С. 470–494.

Кригер В. Патриоты или предатели? Политические и уголовные процессы против российских немцев в 1942–1946 гг. // Родина. – 2002б. – № 10. – С. 93–98.

Курило О.В. Лютеране в России (XVI–XX вв.). – М.: LHF, 2002. – 400 с.

Курочкин А.Н. Создание военизированных формирований из граждан СССР немецкой национальности в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторические исследования в Поволжье. – Саратов: Изд-во СГУ, 1997. – Вып. 1. – С. 91–98.

Лебедева Е.В. Община немецких колонистов и российское государство в XVIII–XIX вв.: эволюция взаимоотношений (на примере колоний Северо-Запада) // Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XIX вв.): Мат-лы междунар. науч. конф. – М.: МСНК-пресс, 2007. – С. 59–71.

Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. – М.: Изд-во ИЭА РАН, 1993. – 195 с.

Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь в российской истории. – М.: LHF, 2002. – 544 с.

Лотман Ю.М. Статьи по семиотике искусства. – М.: Академический проект, 2002. – 544 с.

Малиновский Л.В. Сельское хозяйство национальных меньшинств в Сибири (1919–1928) // Вопросы истории Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1967. – Т. 190, вып. 3. – С. 202–213.

Малиновский Л.В. Жилище немцев-колонистов в Сибири // СЭ. – 1968. – № 3. – С. 97–105.

Малиновский Л.В. Некоторые предварительные результаты социолого-лингвистического обследования немецкого населения Западной Сибири // Сбор и разработка материалов социолого-лингвистических исследований в Сибири. – Новосибирск: Наука, 1969. – С. 20–29.

Малиновский Л.В. Немцы в России на Алтае. – Барнаул, БГПУ, 1995. – 182 с.

Малова Н.А. Миграционные процессы в немецком Поволжье в период голода 1920–1922 гг. // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности: Мат-лы междунар. науч. конф. – М.: Готика, 1999. – С. 174–184.

Малова Н.А. Депортация и «Трудармия» в судьбах поволжских немцев // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941–1955 гг.: Мат-лы междунар. науч. конф. – М.: Готика, 2001. – С. 178–187.

Малова Н. Вынужденное переселение из Республики немцев Поволжья в 1929–1933 гг. // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871–1941 гг.: Мат-лы междунар. науч. конф. – М.: Готика, 2002. – С. 464–469.

Малышева М.П., Познанский В.С. Казахи-беженцы от голода в Западной Сибири (1931–1934 гг.). – Алматы, 1999. – 536 с.

Материалы по истории немецких и менонитских колоний в Омском Прииртышье. 1895–1930 гг. – Омск: ОИКМ, 2002. – 448 с.

Москалюк Л. Язык военного поколения советских немцев // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941–1955 гг.: Мат-лы междунар. науч. конф. – М.: Готика, 2001. – С. 517–524.

Нам И.В. Борьба за выживание: немецкие религиозные общины Томской области в годы «оттепели» и «застоя» // Немецкое население в постсталинском СССР, в странах СНГ и Балтии (1956–2000 гг.): Мат-лы междунар. науч. конф. – М.: МСНК-пресс, 2003. – С. 301–315.

Некрич А. Наказанные народы // Нева. – 1993. – № 3. – С. 223–261.

Обердерфер Л.И. Демографическое положение немецкого населения Новосибирской области в 1940-е гг. // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941–1955 гг.: Мат-лы междунар. науч. конф. – М.: Готика, 2001. – С. 321–344.

Оболенская С.В. Германия и немцы глазами русских (XIX в.). – М.: ИВИ РАН, 2000. – 209 с.

Охотников А.Ю. Орловский именной фонд личных имён российских немцев в исторической ретроспективе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Год. сес. ИАЭТ СО РАН 2001 года. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. VII. – С. 574–578.

Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х – 1980-е годы. – Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2001. – 188 с.

Плесская Э.Г. Проблема адаптации немцев в инонациональном окружении на примере реформирования немецких школ Одесского учебного округа (1803–1914 гг.) // Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: Мат-лы междунар. науч. конф. – М.: МСНК-пресс, 2005. – С. 117–125.

Поль М. «Неужели эти земли могилой нашей станут?» Чеченцы и ингуши в Казахстане (1944–1957 гг.) // Диаспоры. – № 2. – 2002. – С. 158–204.

Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – М: ОГИ-Мемориал, 2001. – 328 с.

Прокопьева Н.В. Немецкоязычная пресса Алтая в 50–60-е гг. XX в. // Немцы Сибири. История и культура. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 63–67.

Рублевская С.А. Календарная обрядность немцев Западной Сибири конца XIX–XX вв. – М.: Готика, 2000. – 154 с.

Рынков В.М. Государственные продовольственные заготовки в Сибири в 1914–1919 гг. // Налоги и заготовки в сибирской деревне. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2004. – С. 78–97.

Савин А.И. Продразверстка и продналог в немецкой деревне Сибири // Налоги и заготовки в сибирской деревне. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2004а. – С. 98–135.

Савин А.И. Советизация немецкой школы Сибири в 1920-е годы // Национально-культурная политика в сибирском регионе в XX веке. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2004б. – С. 83–115.

Савранина Т.В. Деятельность религиозных общин среди немцев Сибири // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения: Мат-лы междунар. науч. конф. – М.: Готика, 1996. – С. 466–470.

Савранина Т.В. Религиозные организации немцев в Западной Сибири в 1941–1955 гг. // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941–1955 гг.: Мат-лы междунар. науч. конф. – М.: Готика, 2001. – С. 313–320.

Сарнова В.В. Принудительные миграции населения СССР в Западную Сибирь в период второй мировой войны: Автореф. дис... канд. ист. наук. – Новосибирск: НГУЭУ, 2005. – 34 с.

Скучаева О.Е. «Новые районы» Саратовской области в годы Великой Отечественной войны: миграционный аспект // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941–1955 гг.: Мат-лы междунар. науч. конф. – М.: Готика, 2001. – С. 115–126.

Славина Л.Н. Немцы в Красноярском крае (некоторые итоги демографического и социокультурного развития в условиях спецпоселения) // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941–1955 гг.: Мат-лы междунар. науч. конф. – М.: Готика, 2001. – С. 503–516.

Смирнова Т.Б. Немцы Сибири: этнические процессы. – Омск: ИЦ «РУСИНКО», 2002. – 210 с.

Смирнова Т.Б. Немцы Сибири: этнические процессы и этнокультурное взаимодействие. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003а. – 88 с.

Смирнова Т.Б. Особенности этнического развития немцев западной Сибири (по материалам социологических опросов 1990-х гг.) // Диаспоры. – 2003б. – № 2. – С. 142–159.

Смирнова Т.Б. Материальная культура российских немцев Западной Сибири: традиции, трансформации и современное состояние // Вестник НГУ. – 2006. – Т. 5. – Вып. 3. – С. 118–123.

Соколовский С.В. Брачные круги и эндогамные барьеры. К методике анализа брачной миграции // СЭ. – 1986. – № 4. – С. 67–99.

Соколовский С.В. Меннониты Алтая: история, демография, ономастика. – М.: ИЭА РАН, 1996. – 256 с.

Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М.: ИЭА РАН, 1998. – 389 с.

Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. – Новосибирск: Экор, 1996. – 311 с.

Терехин С. Поселения немцев в России: архитектурный феномен. – Саратов: Кадр, 1999. – 215 с.

Тишков В.М. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с.

Хердт В. Этнодемографические процессы в Саратовской области в 1940-е гг. // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: Мат-лы междунар. науч. конф. – М., 1995. – С. 211–224.

Хозяйство и быт немцев Поволжья (XIX–XX вв.): Каталог. – М.: Mass Media, 1998. – 120 с.

Чеботарева В.Г. Государственная национальная политика в Республике немцев Поволжья. 1918–1941 гг. – М.: ОАН российских немцев, 1999. – 453 с.

Черказьянова И.В. Историко-этнографическая коллекция российских немцев в собрании Омского историко-краеведческого музея // Российские немцы: проблемы истории, языка и современного положения: Мат-лы междунар. науч. конф. – М.: Готика, 1996. – С. 392–398.

Черказьянова И.В. Школьное образование российских немцев. – СПб.: ОАН российских немцев, 2004. – 368 с.

Чернова Т.Н. Из истории становления немецких поселений на Северном Кавказе // Ключевые проблемы истории российских немцев: Мат-лы междунар. науч. конф. – М.: МСНК-пресс, 2004. – С. 381–417.

Шадт А.А. Прием и расселение спецпереселенцев-немцев в Западной Сибири (1941–1942 гг.) // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: Мат-лы междунар. науч. конф. – М.: Готика, 1998. – С. 314–322.

Шадт А.А. Спецпоселение российских немцев в Западной Сибири 1941–1955 гг.: Дис... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2000. – 261 с.

Шадт А.А. Правовой статус российских немцев в СССР (1940–1950-е гг.) // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941–1955 гг.: Мат-лы междунар. науч. конф. – М.: Готика, 2001. – С. 287–312.

Шайдулов В.Н. Немцы и русские на Алтае. Контакты и конфликты на рубеже XIX–XX вв. // Диаспоры. – 2003а. – № 2. – С. 67–87.

Шайдуров В.Н. Формирование и социально-экономическое развитие немецкой диаспоры на Алтае: конец XIX – начало XX в. – Барнаул: Полиграфсервис, 2003б. – 144 с.

Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. – М: Логос, 2001. – Вып. 1. – 181 с.; Вып. 2. – 160 с.

Шишкина Е.М. Традиционная музыкальная культура немцев Поволжья и проблемы этнической идентичности в современных условиях // Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: Мат-лы междунар. науч. конф. – М.: МСНК-пресс, 2005. – С. 154–169.

Шульга И.И. «Военизация» немецкого населения АССР немцев Поволжья в межвоенный период 1921–1941 гг. // Немцы России и СССР: 1901–1941: Мат-лы междунар. науч. конф. – М.: Готика, 2000. – С. 184–191.

Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2008. – 528 с.

Энгель-Брауншмидт А. О самосознании сибирских немцев в области культуры // Российские немцы. Проблемы культуры и образования. – Новосибирск, 1996. – С. 130–136.

Brandes D., Savin A. Die Sibiriendeutschen im Sovjetstaat 1919–1938. – Essen: Klartext-Verlag, 2001. – 495 s.

Klaube M. Die deutschen Doerfer in der westsibirischen Kulunda-Steppe. – Marburg: Elwert Verlag, 1991. – 216 s.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

Бендер Яков Яковлевич, 1932 г.р., уроженец с. Гоффенталь (Октябрьское) Андреевского р-на НСО (опрос проводился в с. Студеное Карасукского р-на НСО в 2001 г.).

Видергольд Давид Давыдович, 1929–2003 гг., уроженец с. Паульское Маркштадтского кантона АССР НП (опрос проводился в с. Орловка Купинского р-на НСО в 2001 г.).

Гаус Маргарита Андреевна, 1925 г.р., уроженка с. Нидермонжу кантона Красный Яр АССР НП (опрос проводился с. Караси Баганского р-на НСО в 2001 г.).

Герпсумер Виктор Михайлович, 1932–2009 гг., уроженец с. Штреккерау Зельманского кантона АССР НП (опрос проводился в г. Карасук НСО в 2004 г.).

Гильц Лидия Яковлевна, 1920 г.р., уроженка с. Нидермонжу кантона Красный Яр АССР НП (опрос проводился в пос. Баган НСО в 2001 г.).

Глок Давид Давидович, 1932 г.р., уроженец с. Прайс Зельманского кантона АССР НП (опрос проводился в с. Половинном Краснозёрского р-на НСО в 2003 г.).

Гросс Тамара (Марта) Иосифовна, 1928 г.р., уроженка с. Мариенталь АССР НП (опрос проводился в с. Новороссийском Здвинского р-на НСО в 2001 г.).

Дамм Вера Андреевна, 1938 г.р., уроженка с. Паульское Маркштадтского кантона АССР НП (опрос проводился в д. Искра Купинского р-на НСО в 2001 г.).

Долгаймер (Эрнст) Любовь Викторовна, 1959 г.р., уроженка д. Лозинка Купинского р-на НСО (опрос проводился в с. Новороссийском Здвинского р-на НСО в 2001 г.).

Долгаймер Владимир Иванович, 1959 г.р., уроженец с. Немки Здвинского р-на НСО (опрос проводился в с. Новороссийском Здвинского р-на НСО в 2001 г.).

Долгаймер Виктор Николаевич, 1928 г.р., уроженец с. Мариенталь АССР НП (опрос проводился в с. Новороссийском Здвинского р-на НСО в 2001 г.).

Кениг Гермина Генриховна, 1926 г.р., уроженка с. Паульское Маркшадтского кантона АССР НП (опрос проводился в с. Новониколаевка Купинского р-на НСО в 2001 г.).

Кнелъц Павел Александрович, 1946 г.р., уроженец с. Цветное Поле Чистоозёрного района НСО (опрос проводился в пос. Чистоозёрное НСО в 2001 г.).

Кольмай Иван Иванович, 1937 г.р., уроженец с. Паульское Маркшадтского кантона АССР НП (опрос проводился в с. Новониколаевка Купинского р-на НСО в 2001 г.).

Кольмай Эмма Александровна, 1937 г.р., уроженка г. Саратова (опрос проводился в с. Новониколаевка Купинского р-на НСО в 2001 г.).

Котлярова (Эльшайдт) Гермина Соломоновна, 1928 г.р., уроженка с. Паульское Маркшадтского кантона АССР НП (опрос проводился в с. Новониколаевка Купинского р-на НСО в 2001 г.).

Крайсман Петр Александрович, 1932 г.р., уроженец с. Прайс Зельманского кантона АССР НП (опрос проводился в с. Половинном Краснозёрского р-на НСО в 2001, 2003 гг.).

Крауз Анатолий (Адольф) Готфридович, 1938 г.р., уроженец с. Орловка Купинского р-на НСО (опрос проводился в г. Купине НСО в 2002, 2004 гг.).

Крель (Эдель) Валентина Васильевна (Вильгельмовна), 1952 г.р., уроженка г. Челябинска (опрос проводился в с. Орловка Купинского р-на НСО в 2001 г.).

Крумм Екатерина Ивановна, 1916 г.р., уроженка с. Куккус АССР НП (опрос проводился в с. Новая Кулында Чистоозёрного р-на НСО в 2001 г.).

Крунэ Виктор Иванович, 1937 г.р., уроженец с. Паульское Маркшадтского кантона АССР НП (опрос проводился в с. Новониколаевка Купинского р-на НСО в 2001 г.).

Крунэ Нина Федоровна, 1937 г.р., уроженка с. Паульское Маркшадтского кантона АССР НП (опрос проводился в с. Новониколаевка Купинского р-на НСО в 2001 г.).

Крунэ Лидия Давыдовна, 1915 г.р., уроженка с. Паульское Маркшадтского кантона АССР НП (опрос проводился в д. Искра Купинского р-на НСО в 2001 г.).

Куропова (Гербер) Вера Захаровна, 1927 г.р., уроженка с. Мариенталь АССР НП (опрос проводился в с. Новороссийском Здвинского р-на НСО в 2001 г.).

Лавриненко Николай Алексеевич, 1928 г.р., уроженец с. Анисимовка Андреевского р-на (опрос проводился в с. Студеное Карасукского р-на НСО в 2001 г.).

Ланг Федор Александрович, 1950 г.р., уроженец с. Антоново Купинского р-на НСО (опрос проводился в с. Новокрасино Купинского р-на НСО в 2002 г.).

Липа Эльвира Максимовна, 1950 г.р., уроженка г. Новосибирска (опрос проводился в г. Купино НСО в 2001, 2002, 2004 гг.).

Литау Шарлотта Федоровна, 1922 г.р., уроженка с. Цветное Поле Чистоозёрного р-на НСО (опрос проводился там же в 2001 г.).

Мартыко Михаил Васильевич, 1929 г.р., уроженец с. Анисимовка Андреевского р-на (опрос проводился в с. Студеном Карасукского р-на НСО в 2001 г.).

Мартыко Надежда Дмитриевна, 1929 г.р., уроженка с. Курск Андреевского р-на (опрос проводился в с. Студеном Карасукского р-на НСО в 2001 г.).

Милаенко (Лобес) Вильма Александровна, 1935 г.р., уроженка с. Паульское Маркшадтского кантона АССР НП (опрос проводился в с. Новониколаевка Купинского р-на НСО в 2001 г.).

Поличко Алексей Дмитриевич, 1929 г.р., уроженец с. Аполиха Купинского р-на (опрос проводился в с. Новониколаевка Купинского р-на НСО в 2001 г.).

Равве Эмма Александровна, 1931 г.р., уроженка с. Граничное Чистоозёрного р-на (опрос проводился в с. Новая Кулында Чистоозёрного р-на НСО в 2001 г.).

Рейн Анна Андреевна, 1926 г.р., уроженка пос. Шендорфск (Павловка) Андреевского р-на НСО (опрос проводился в с. Октябрьское Карасукского р-на НСО в 2004 г.).

Сулзбах Екатерина Матвеевна, 1931 г.р., уроженка с. Мариенталь АССР НП (опрос проводился в с. Новороссийском Здвинского р-на НСО в 2001 г.).

Финадеев Василий Васильевич, 1928 г.р., уроженец с. Студеное Андреевского (ныне – Карасукского) р-на (опрос проводился там же в 2001 г.).

Шиц (Демчук) Ольга Александровна, 1941 г.р., уроженка г. Василевичи Белорусской ССР (опрос проводился в с. Орловка Купинского р-на НСО в 2001 г.).

Шмидт Андрей Андреевич, 1934 г.р., уроженец с. Луганск Андреевского р-на НСО (опрос проводился в д. Шенфельд Карасукского р-на НСО в 2001 г.).

Штайнбах Эмма Ивановна, 1930 г.р., уроженка с. Шталь Красноярского кантона АССР НП (опрос проводился в с. Хорошем Карасукского р-на НСО в 2004 г.).

Эдель Вильгельм Вильгельмович, 1921–2003, уроженец с. Орловка Купинского р-на НСО (опрос проводился там же в 2001 г.).

Эльшайдт Отто Соломонович, 1925 г.р., уроженец с. Паульское Маркшадтского кантона АССР НП (опрос проводился в с. Новониколаевка Купинского р-на НСО в 2001 г.).

Эльшайдт Фрида Ивановна, 1925 г.р., уроженка с. Паульское Маркшадтского кантона АССР НП (опрос проводился в с. Новониколаевка Купинского р-на НСО в 2001 г.).

Эрих Мария Ивановна, 1928 г.р., уроженка с. Куккус АССР НП (опрос проводился в с. Новая Кулында Чистоозёрного р-на НСО в 2001 г.).

РИСУНКИ

Рис. 1. Кулундинские районы (выделены темным) в составе НСО.

Рис.2. Немецкие населенные пункты Северной Кулунды на 1914 год (Купинская и Юдинская волости Каинского уезда Томской губернии) (по: ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4204. Л. 37об, 47; [Карты..., 1914, карта 7]). Названия поселков и деревень даны в современной орфографии.

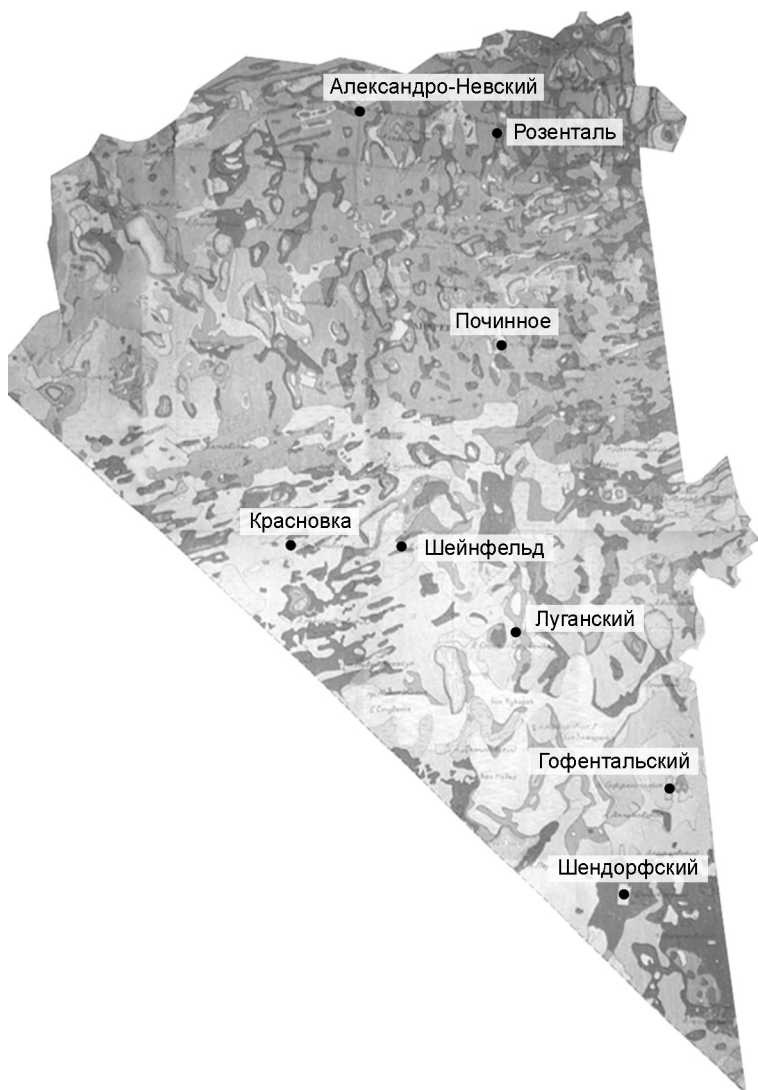

Рис. 3. Немецкие населенные пункты Андреевского района Славгородского округа Западносибирского края на 1930 год (по: [Горяев, 1931, карта-вклейка]).

Рис. 4. АССР Немцев Поволжья на 1928 г.

Рис. 5. Семья ткачей из колонии Кратцке Камышинского уезда Самарской губернии – первопоселенцы пос. Гофенталь, 1900-е гг. Фото из семейного архива А.А. Кромма, с. Октябрьское Карасукского р-на НСО.

Рис. 6. Последняя пластинка («визехаус») сибирско-немецкого с. Орловка Купинского района НСО (построена в начале 1950-х гг.). Жилое помещение в начале 2000-х гг. использовалось как баня, «связное» пространство – как чулан; хозяйственный блок скрыт при строительстве «колхозного» дома в 1970-е гг. Постройка крыта шифером, стены обшиты листами железа. Фото автора, 2001 г.

Рис. 7. Дом из двух связей (построен в 1950-х гг.). Село Октябрьское (бывш. Гоффенталь). Фото автора, 2009 г.

1934 bis 1937 trug der Kolchoz den Namen von Robert
 des ~~Wernyi~~ "Eiche" bis 1937, dann "Frunse" bis zur V
 1950 mit dem Kollektiv "Wernyi Putj", da hatten wir ke
 ten Namen. 1944-1956 war ich Kombainer in der MTS, wir
 ein selbständiges Natinalkollektiv gründen, das wurde
 rochen auf der allgemeinen Versammlung. Die anderen Dör
 richt, schließlich nach langem Drängen erreichten wir d
 gung im Anfang 1957 und nannten uns Thälmann-Kolchoz.

U. Edel /J. Edel/

November 1963.

Aufgeschrieben am 29.9.6

hen angenommen, sonst einem M
 r, er mache es lieber selber.
 achen kamen wir nicht, einerv
 kocht, sonst nichts. Mein Man
 Parteilos, verhaftet 1937.

L. Kraus /L. Kraus/

liche auch Vieh verkauft, weggefahren war/^{er} aber
 eingestellt worden. Von Orlowka sind einige rei
 fahren, unter ihnen eh Ickert. Etliche kamen zu
 im Winter 1929-1930, manche waren so verarmt, d
 gleich zurückfahren konnten und hier bei uns wi

Bonnet /Bonnet P.J./

Aufgeschrieben am

16. und 17. Dezember 1964

im Dorfe Zwetnoje Pole.

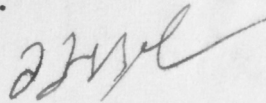
gab es eine Sonntagsschule, ich als
 hat, der kam nicht in die Schule.
 die meisten Menschen von dort waren,
 G₁₁bernija.

K. Hollstein.

K. Hollstein

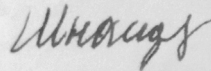
wir für die eigene Saat keine Pferde, wir
 troh geschlagen, erst im Kolchos wurde es
 mußte man für die Saat, wenn man borgte,
 k 2 Säcke abgeben. Gedroschen wurde bei
 b aber auch Putzmaschinen, für die Miete
 dieviel - weiß ich nicht.

Chr. Buchmüller.

ann hat schon gedient, 1914 mußte er aber wi
 n Kriege haben wir nur 1 Pferd gehabt, zusam
 , wenn man pflügen wollte. Das Spinnrad hier
 nn seine Mama geschenkt gekriegt, die hat im
 , die das Rad schenkte.

E.S. Schneider.

hmaschine gedroschen. Vater erhielt 1 Rubel, er st
 , uns Kerle hatte man 70 Kop. gezahlt, das war noc
 rzeit.

Auswanderung gab es hier vor dem Kolchos nicht. K
 icht erhalten, weil wir arm waren.

G. Mai

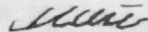

Рис. 8-14. Автографы информантов Л.В. Малиновского – старожилов немецких сел Северной Кулунды. Навыком письма обладают только П. Боннет и И. Эдель – председатели немецких колхозов в 1930-е гг., прочие подписи имитированы (по: ГАНО. Ф. Р-537).

9. Годы. Перечень прежней службы (Место нахождение службы).
 Родился в 1920 в семье крестьянина - середняка
 закончил 4 класса: работал с 1934 по 1941 года в Колхозе
 с 1941 года я призван в Армию. после Вены я работал
 в Строй управлении 276 с 1943 год и 1957 года с 1957 года
 я перешел в Сиб Электромонтоз ЗНМУ и работал
 до настоящей броя в ЗНМУ. в классе: Столярств.

Рис. 15. Фрагмент личного дела новосибирского лютеранского пастора Иккерта, уроженца с. Орловка Купинского района НСО (по: ГАНО. Ф. Р-1418. Оп. 2. Д. 42. Л. 6).

Пропетарии всех стран соединяйтесь.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Выдано настоящее свидетельство гр-ну Гизингер Виллем Валдуфрихов
 родившемуся 1908 года июня месяца 5 числа в г. Саратове
 в том, что он поступив в 1926 году в САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ СЕЛЬСКОГО
ХОЗЯЙСТВА и МЕЛИОРАЦИИ им. СТАЛИНА, окончил его и полностью выполнил учебный план,
 утвержденный главпрофбром по АГРО-МЕЛИОРЯТИВНОМУ отделению МЕЛИОРЯТИВНОГО
факультета

На основании чего гр-ну Гизингер В.Ф. присваивается квалификация ИНЖЕНЕРА
АГРО-МЕЛИОРАТОРА, что и удостоверяется подписями с приложением печати

Директор
 Института: Демин

Заведующий
 факультетом: Демин

Формат № 283/дм. Саратов гвар. П. П. ОГПУ. Тираж 22.

Рис. 16. Свидетельство об окончании Саратовского государственного института сельского хозяйства и мелiorации, выданное В.Ф. Гизингеру (из музейной коллекции Новосибирского областного Российско-немецкого дома).

Рис. 17. Предметы традиционного быта немцев Поволжья – скалки (из музейной коллекции Новосибирского областного Российско-немецкого дома).

Рис 18. Предметы традиционного быта немцев Поволжья – поршень и шприц для изготовления колбасы (из музейной коллекции Новосибирского областного Российско-немецкого дома).

Рис. 19–21. Жители с. Штреккерау, 1930-е гг. Фото из семейного архива Н.И. Гуль, г. Карасук.

Рис. 22. Оркестр с. Штреккерау, 1930-е гг. В нижнем ряду в центре – Иосиф Гарайс, руководитель оркестра. Фото из семейного архива Э.И. Дуквена, с. Белое Карасукского района.

Рис. 23. Пятый класс семилетней школы с. Штреккерау, 1935 г. Фото из музейной коллекции Новосибирского областного Российско-немецкого дома.

ЕГО ПРОФЕССИЯ

Петр Карлович Мель изучил не одну марку машин за свою долголетнюю работу. Сейчас он трудится мотористом в Веселовском коммунальном хозяйстве. Да еще как трудится! В работу вносит много творческой выдумки, совершенствует ее.

На снимке:
П. К. Мель.

Фото А. Ро-
щенко.

Рис. 26. Опыт работы на военно-промышленных предприятиях и проживание в аграрно-ремесленных селах Поволжья пригодились в Кулунде. На снимке из Краснозерской районной газеты «Кулундинская правда» от 20.10.1963. – моторист П.К. Мель.

Рис. 27. Лучших результатов на кулундинских полях добивались производственные бригады смешанного этнического состава. На снимке из Краснозерской районной газеты «Кулундинская правда» от 11.10.1963 – механизаторы М. Эплер и А. Хроликов.

Рис. 28. Левое крыло самой значительной «связной» постройки пос. Гоффенталь – школьного здания (1930 г.). «Связное» пространство снесено при прокладке улицы. При реставрации здания (саманное, обложено силикатным кирпичом) сохранена полувальмовая конструкция крыши, типичная для материнской ремесленно-аграрной колонии Кратцке и характерная для вернакуляра с. Октябрьского. Фото автора, 2009 г.

Передовая доярка Полынского совхоза Нина Роппель отдыхала в районном Доме отдыха. Понравилось ей там. И в ответ на заботу о животноводах она решила еще лучше работать, своим трудом способствовать досрочному выполнению хозяйственного годового плана по сдаче государству молока.

На снимке: доярка **Нина Роппель**.

Фото Н. Роздорожного.

Рис. 29, 30. Профессия большинства кулундинских информаторов-женщин – доярка. На снимках из Купинской районной газеты «Маяк Кулунды» от 30.08.1963 и 01.05.1963 – доярка Нина Роппель.

Рис. 31. Потомок донецких меннонитов П.Я. Штраус в составе бригады агитпоезда исполнял по преимуществу русские народные песни (1960-е гг.). Фото из семейного архива М.П. Дубикиной (Штраус), г. Карасук.

Рис. 32. Начало 1960-х годов – время творческих экспериментов не только с культурным наследием. Фото из семейного архива М.П. Дубикиной (Штраус), г. Карасук.

Рис. 33. Инструментальный ансамбль братьев Штраус, конец 1950-х гг.
Фото из семейного архива М.П. Дубикиной (Штраус), г. Карасук.

Рис. 34. Сельский гармонист И.Э. Дуквен подобрал на слух и с большим успехом исполнял на гармони вальс, который играл оркестр в Штреккерау (см. рис. 22).

Рис. 35. Типовой кирпичный «совхозный» дом на двух хозяев (построен в середине 1960-х гг.) – основа жилого фонда с. Павловки (бывш. Шендорфск). Фото автора, 2009 г.

Рис. 36. Традиционный элемент отделки – тесовая изгородь у заброшенного типового дома. Село Павловка, Карасукский район.

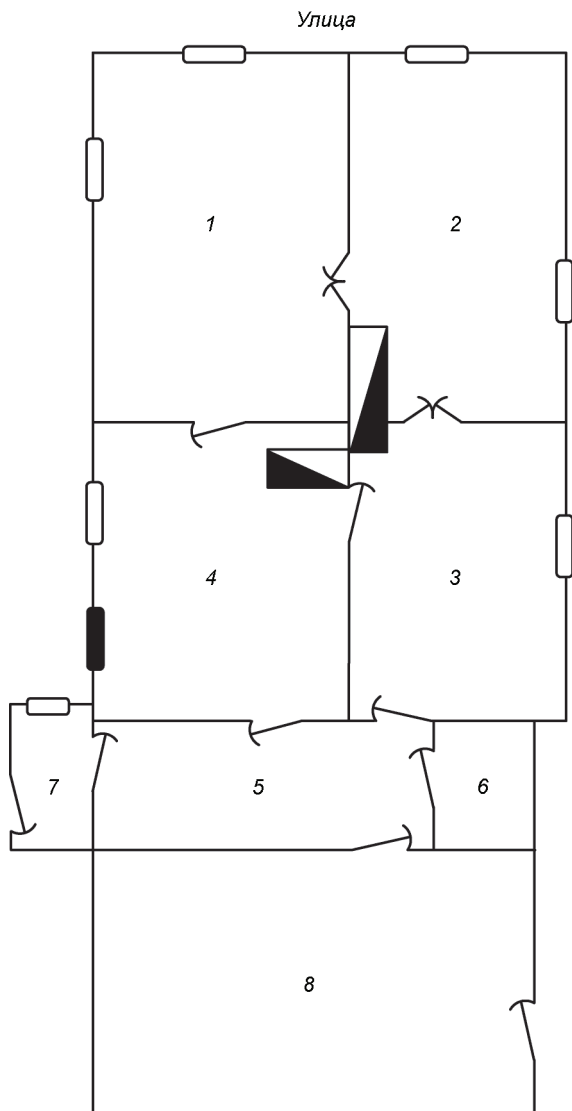

Рис. 37. План саманного дома (построен в 1909 г.).
 Село Орловка Купинского района НСО (украинские немцы)
 (по: [Малиновский, 1968, с. 99]).
 1–3 – жилые комнаты; 4 – кухня; 5 – сени; 6 – кладовая;
 7 – крыльцо; 8 – коровник.

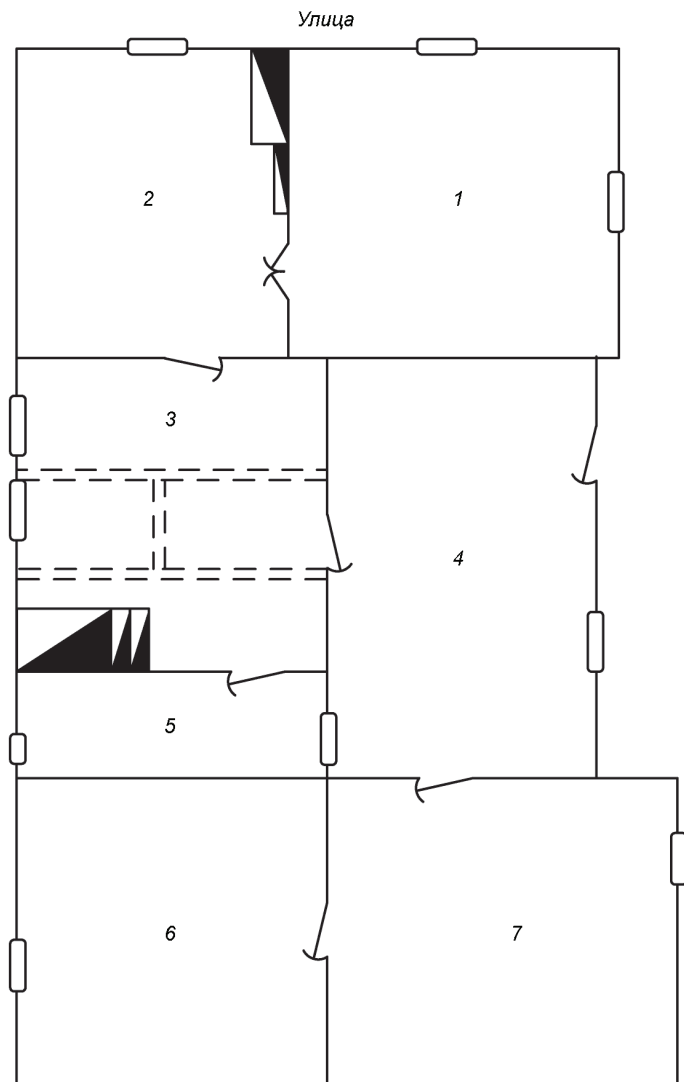

Рис. 38. План саманного дома «из двух связей» (построен в середине 1950-х гг.). Село Октябрьское Карасукского района НСО (поволжские немцы-старожилы) (по: [Малиновский, 1968, с. 101]).

1 – жилая комната; 2 – кухня; 3 – столовая;
4 – сени; 5 – кладовая; 6 – коровник; 7 – сенник (дровяник).

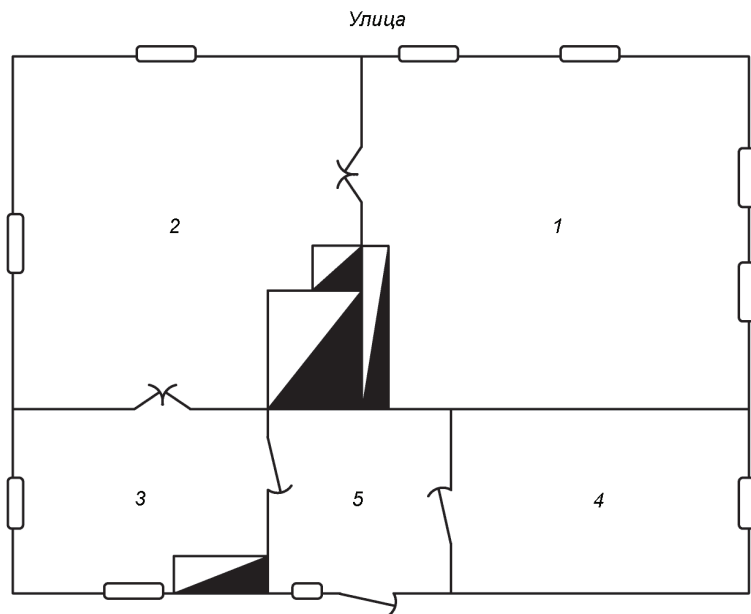

Рис. 39. План камышитового дома (построен в 1963 г.).
 Село Орловка Купинского района НСО (сибирские немцы)
 (по: [Малиновский, 1968, с. 103]).

1 – жилая комната; *2* – кухня; *3* – летняя кухня; *4* – кладовая; *5* – сени.

ТАБЛИЦЫ

Таблица 1. Численность хозяйств, водворенных в немецкие посёлки Купинской волости (на 1915 г.)

Посёлок	Год водворения									
	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915
Орловский	–	–	–	12	11	20	3	1	–	1
Антониевский	–	8	4	24	5	11	6	3	–	4
Розенталь	–	–	44	11	1	8	2	1	–	–
А.-Невский	–	1	60	29	3	–	3	1	2	–
Шендорфск	–	–	–	53	3	11	6	5	2	–
Гоффенталь	–	–	5	46	23	18	6	–	–	–
Красновский	–	–	4	18	33	16	8	7	3	–
Луганский	5	22	35	2	2	3	2	4	–	–
<i>Итого</i>	5	31	152	195	81	87	36	22	7	5

Примечание. Составлено по: **Список** домохозяев-немцев, водворенных в порядке переселения на участках Купинского подрайона Томской губернии // ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4204. Л. 48-81; **Материалы** Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. (Андреевская волость) // ГАТО. Ф. 3. Оп. 16. Д. 163.

Таблица 2. Численность немецкого населения Северной Кулунды в 1910–1926 гг. (чел.)

Населенный пункт	Год переписи (учета)			
	1910	1915	1920	1926
Александро-Невский	517	599	2 946	549
Розенталь	362	556		384
Гофенталь	486	564		663
Шендорфск	187	467		483
Красновка	250	553		461
Луганск	269	528		440
Шейнфельд	–	–		77
Антоновка	239	361		242
Краснокутский	–	–	–	171
Орловка	39	282	331	223
Граничная	394	374	1 074	170
Цветное Поле	132	630		326
Нейфельд	–	–		82
Николаевка	–	–		92
<i>Итого</i>	<i>2 875</i>	<i>4 904</i>	<i>4 351</i>	<i>4 363</i>

Примечание. Составлено по: **Сборник** статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. – Томск, 1913. – Вып. 1. – С. 278–279, 281–283; **Список** населенных мест Томской губернии. – Томск, 1913. – С. 386–387, 416–417; ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4204. Л. 37об, 82; **Итоги** демографической переписи 1920 года по Омской губернии. Возрастной и национальный состав населения с подразделением по полу и грамотности. – Омск, 1923. – Вып. 2. – С. 80–83, 86–87; ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1643. Л. 66; **Список** населенных мест Сибирского края. – Новосибирск, 1928. – Т. 1.

Таблица 3. Распределение по губерниям выхода жителей посёлка Александро-Невский (на 1916 г.)

Губерния выхода	Число хозяйств	Доля от общего числа хозяйств (%)	Доля пере-водворяв-шихся (%)
Екатеринославская	94	88,6	3 (2,8)
Полтавская	1	0,9	–
Черниговская	1	0,9	–
<i>Итого восточно-украинские губернии</i>	96	90,4	3 (2,8)
Таврическая	3	2,8	–
<i>Итого новороссийские губернии</i>	3	2,8	–
Ставропольская	3	2,8	–
<i>Итого южные губернии</i>	3	2,8	–
Курляндская	5	4,7	–
<i>Итого западные губернии</i>	5	4,7	–
Всего	107	100	3 (2,8)

Примечание. Составлено по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. (Андреевская волость): ГАТО. Ф. 3. Оп. 16. Д. 163.

Таблица 4. Распределение по губерниям выхода жителей посёлка Красновский (на 1916 г.)

Губерния выхода	Число хозяйств	Доля от общего числа хозяйств (%)	Доля переводившихся (%)
Самарская	42	46,1	33 (36,3)
Саратовская	8	8,8	4 (4,4)
<i>Итого поволжские губернии</i>	<i>50</i>	<i>54,9</i>	<i>37 (40,7)</i>
Екатеринославская	19	20,9	3 (3,3)
Полтавская	2	2,2	2 (2,2)
Черниговская	2	2,2	2 (2,2)
Харьковская	3	3,3	2 (2,2)
<i>Итого восточно-украинские губернии</i>	<i>26</i>	<i>28,6</i>	<i>9 (10)</i>
Ставропольская	10	11	1 (1,1)
Донская обл.	2	2,2	1 (1,1)
<i>Итого южные губернии</i>	<i>12</i>	<i>13,2</i>	<i>2 (2,2)</i>
Таврическая	1	1,1	1 (1,1)
Херсонская	2	2,2	2 (2,2)
<i>Итого новороссийские губернии</i>	<i>3</i>	<i>3,3</i>	<i>3 (3,3)</i>
Всего	91	100	51 (56)

Примечание. Составлено по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. (Андреевская волость): ГАТО. Ф. 3. Оп. 16. Д. 163.

Таблица 5. Распределение по губерниям выхода жителей посёлка Луганский (на 1916 г.)

Губернии выхода	Число хозяйств	Доля от общего числа хозяйств (%)	Доля перемещавшихся (%)
Екатеринославская	54	74	—
Полтавская	1	1,37	—
<i>Итого восточно-украинские губернии</i>	55	75,37	—
Самарская	11	15	—
<i>Итого поволжские губернии</i>	11	15	—
Ставропольская	1	1,37	—
<i>Итого южные губернии</i>	1	1,37	—
Таврическая	2	2,74	—
Херсонская	1	1,37	—
<i>Итого новороссийские губернии</i>	3	4,1	—
Бессарабская	2	2,74	1 (1,37)
Волынская	1	1,37	—
<i>Итого западные губернии</i>	3	4,1	—
Всего	73	100	1 (1,37)

Примечание. Составлено по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. (Андреевская волость): ГАТО. Ф. 3. Оп. 16. Д. 163.

Таблица 6. Распределение по губерниям выхода жителей посёлка Гоффентальский (на 1916 г.)

Губернии выхода	Число хозяйств	Доля от общего числа хозяйств (%)	Доля переехавших (%)
Самарская	18	18,75	—
Саратовская	52	54,15	—
<i>Итого поволжские губернии</i>	<i>70</i>	<i>72,9</i>	—
Екатеринославская	4	4,16	—
Полтавская	6	6,25	—
Черниговская	1	1,04	—
<i>Итого восточно-украинские губернии</i>	<i>11</i>	<i>11,45</i>	—
Ставропольская	8	8,33	2 (2,08)
<i>Итого южные губернии</i>	<i>8</i>	<i>8,33</i>	<i>2 (2,08)</i>
Таврическая	4	4,16	—
Херсонская	1	1,04	—
<i>Итого новороссийские губернии</i>	<i>5</i>	<i>5,2</i>	—
Бессарабская	2	2,08	—
<i>Итого западные губернии</i>	<i>2</i>	<i>2,08</i>	—
Всего	96	100	2 (2,08)

Примечание. Составлено по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. (Андреевская волость): ГАТО. Ф. 3. Оп. 16. Д. 163.

Таблица 7. Освоение целинных земель в населенных пунктах Купинской (Андреевской) волости

Населенный пункт	Удобная земля (дес.)	1910 г.			1916 г.		
		освоено (дес.)	доля от кол-ва удобной земли (%)	на одно хоз-во (дес.)	освоено (дес.)	доля от кол-ва удобной земли (%)	на одно хоз-во (дес.)
А.-Невский	6 224	797	12,8	9,84	—	—	—
Гоффенталь	3 913	294	7,5	3,59	1 311,2	33,5	10,83
Донской	3 696	223	6	6,98	513,9	13,9	12,84
Красновка	3 551	—	—	—	1 297,2	36,5	14,25
Луганск	3 610	—	—	—	1 409,6	39	19,3

Примечание. Составлено по: **Сборник** статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. – Томск, 1913. – Вып. 1. – С. 278–279, 281–283; **Материалы** Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. (Андреевская волость) // ГАТО. Ф. 3. Оп. 16. Д. 163.

Таблица 8. Влияние мобилизации на численность трудоспособного населения Андреевской волости (1916 г.)

Населенный пункт	Кол-во жителей (чел.)	Число хозяйств	Трудоспособные мужчины (чел.)	Трудоспособные женщины (чел.)	Соотношение полов среди трудоспособного населения (м/ж)	Трудоспособное мужское население от общего кол-ва жителей (%)
А.-Невский	584	106	105	134	1/1,27	18
Гоффенгаль	712	121	117	160	1/1,37	16,4
Донской	280	40	42	73	1/1,7	15
Красновка	472	91	102	143	1/1,4	21,6
Луганск	495	73	70	112	1/1,6	14,1

Примечание. Составлено по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. (Андреевская волость): ГАТО. Ф. 3. Оп. 16. Д. 163.

Таблица 9. Количество рабочего скота в населенных пунктах Кулпинской (Андреевской) волости

Населенный пункт	1910 г.			1916 г.		
	кол-во хозяйств	лошади (гол.)	волы (гол.)	кол-во хозяйств	лошади (гол.)	волы (гол.)
А.-Невский	81	2,36	0,48	106	—	—
Гофенталь	82	1,8	0,14	121	2,58	0,2
Донской	32	1,65	0,5	40	2,7	1,9
Красовка	—	—	—	91	2,7	—
Луганск	—	—	—	73	3,47	—

Примечание. Составлено по: Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. — Томск, 1913. — Вып. 1. — С. 278–279, 281–283; Материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. (Андреевская волость) // ГАТО. Ф. 3. Оп. 16. Д. 163.

Таблица 10. Уровень грамотности взрослого трудоспособного населения с. Луганск на январь 1938 г.

Уровень грамотности	Мужчины		Женщины	
	чел.	%	чел.	%
Неграмотные	6	16,6	18	39,2
Малограмотные	7	19,4	10	21,7
Самоучки	6	16,6	4	8,7
Окончили 1–2 кл.	7	19,4	5	10,8
Окончили 3–4 кл.	9	25	9	19,6
Среднее образование (7 кл.)	1	3	—	—
<i>Итого</i>	36	100	46	100

Примечание. Составлено по: ОАС адм. Карасукского р-на НСО. Ф. 8. Оп. 3. Д. 3.

Таблица 11. Сводные данные о депортированных немцах Поволжья, прибывших в северокудинские районы Алтайского края и Новосибирской области (1941 г.)

Район прибытия	Станция прибытия	Номер эшелона	Дата прибытия	Кол-во (чел.)	Число семей
Чистоозёрный	Чистоозёрная	771	03.10	2 326	592
Купинский	Купино	751	26.09	2 447	528
Андреевский	Баган	891	30.09	1 200	–
Карасукский	Карасук	872	24.09	2 511	–
Краснозёрский	Карасук	878	28.09	2 303	–
Кочковский	Каргат	753	23.09	2 336	509
<i>Итого</i>		–	–	<i>13 133</i>	–

Примечание. Составлено по: ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 181. Л. 32–34; Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. – М.: МСНК-пресс, 2007. – С. 499.

Таблица 12. Демографическая структура контингента спецпереселенцев – немцев Поволжья в кулундинских районах Новосибирской области (1941–1944 гг.)

Район прибытия	Сентябрь – октябрь 1941 г.					Март 1944 г.					
	Число семей	Трудо-способные		Нетрудо-способные	Всего	Число семей	Трудо-способные		Нетрудо-способные		
		муж.	жен.				муж.	жен.	дети	старики	
Чистоозёрный	592	503	704	1 119	2 326	522	20	355	1 367	285	2 027
Купинский	528	506	744	1 197	2 447	450	20	450	1 140	70	1 680
Кочковский	509	491	699	1 136	2 336	497	28	330	1 016	229	1 603

Примечание. Составлено по: ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 181. Л. 32–34; **Наша малая** родина. – Новосибирск, 1997. – С. 274.

Таблица 13. Сведения о численности населения по Краснозёрскому району Новосибирской области на 1 июня 1942 г. (чел.)

Сельский совет	Всё население	Русские	Украинцы	Немцы	
				всего	переселенцы
Лобинский	2 824	2 638	102	75	75
Лотошанский	2 049	743	1 214	91	91
Казанакский	1 026	531	427	61	61
О.-Логовский	2 297	423	1 762	98	98
Половинский	2 265	1 285	774	159	159
Ульяновский	1 478	894	421	133	133
Полойский	1 851	987	830	26	26
Гербаевский	1 165	393	702	70	70
М.-Логовский	1 899	623	1 144	132	132
Чернаковский	603	157	446	—	—
Веселовский	2 145	625	1 301	72	72
Н.-Чермошненский	1 677	847	564	91	85
Локтенский	835	735	41	59	59
Краснозёрский	4 744	2 968	1 423	340	340
Аксенихинский	1 459	889	447	83	83
Садоменский	1 626	1 057	394	175	175
Петропавловский	3 125	1 387	1 603	135	135
Зубковский	738	384	288	66	66
Н.-Баганский	1 252	1 160	20	60	60
Октябрьский	1 897	1 290	364	—	—
<i>Итого</i>	<i>36 918</i>	<i>20 014</i>	<i>4 467</i>	<i>1 926</i>	<i>1 920</i>

Примечание. Составлено по: ОАС адм. Краснозёрского р-на НСО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 33. Л. 31

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АССР НП – Автономная советская социалистическая республика немцев Поволжья
- БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет
- БелГУ – Белгородский государственный университет
- БСЭ – Большая советская энциклопедия
- ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
- ВС СССР – Верховный совет Союза советских социалистических республик
- ГАНО – Государственный архив Новосибирской области
- ГАТО – Государственный архив Томской области
- ЕХБ – евангельские христиане-баптисты
- ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
- ИИ СО РАН – Институт истории Сибирского отделения РАН
- ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухи-Маклая
- МВД – Министерство внутренних дел
- МГБ – Министерство государственной безопасности
- МТС – машинно-тракторная станция
- МТФ – молочно-товарная ферма
- НГПИ – Новосибирский государственный педагогический институт
- НГУ – Новосибирский государственный университет
- Немреспублика – см. АССР НП
- НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
- НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности
- НСО – Новосибирская область

-
-
- ОАС – отдел архивной службы (районной администрации)
ОИКМ – Омский историко-краеведческий музей
ОмГПИ – Омский государственный педагогический институт
ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет
ПМА – полевые материалы автора
РАН – Российская академия наук
РИК – районный исполнительный комитет
РК ВКП(б) – районный комитет ВКП(б)
РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия
РО НКВД – районный отдел НКВД
СГУ – Саратовский государственный университет
СНК – Совет народных комиссаров
СЭ – Советская этнография
ТГУ – Томский государственный университет
УрО РАН – Уральское отделение РАН
ЦХА ФАК – Центральное хранилище архивного фонда Алтайского края

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Сибирские немцы Северной Кулунды: формирование этнической культуры в период раннеиндустриальной модернизации (1910–1920-е годы)	21
1.1. Немецкое освоение севера Кулундинской степи в начале XX века.....	21
1.2. Культура немцев-староселов севера Кулундинской степи.....	35
Глава 2. Сибирско-немецкая культура в период индустриальной модернизации (конец 1920 – 1930-е годы)	54
2.1. Модернизация культуры сибирских немцев Северной Кулунды	54
2.2. Социокультурные последствия репрессий 1937–1938 годов в сибирско-немецких селах Северной Кулунды	67
Глава 3. Немцы Поволжья: социокультурный опыт принудительных мигрантов	70
3.1. Немцы Поволжья в канун депортации: традиционная культура в условиях индустриальной модернизации	70
3.2. Депортация немцев Поволжья в зону Северной Кулунды: социокультурные аспекты.....	88
Глава 4. Социокультурная адаптация немецкого населения Северной Кулунды в условиях военной и послевоенной экономики (1940-е – начало 1950-х годов)	94
4.1. Культура сибирских немцев в условиях военной и послевоенной экономики.....	94

4.2. Культура поволжских немцев в условиях военной экономики и ссылки	104
Глава 5. Немцы Новосибирской Кулунды в период позднеиндустриальной модернизации (середина 1950 – середина 1960-х годов): переход к культуре современности	125
5.1. Поволжские немцы на кулундинской целине: антропология «трудовой победы»	129
5.2. Сибирские немцы Новосибирской Кулунды: ресурсы резервации.....	151
Заключение	159
Список источников и литературы	165
Список информантов	174
Рисунки	178
Таблицы	198
Список сокращений	210

Научное издание

ОХОТНИКОВ Андриан Юрьевич

**НЕМЦЫ СЕВЕРНОЙ КУЛУНДЫ:
СТРАТЕГИИ И РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
АДАПТАЦИИ
(1910–1960-е годы)**

Редактор *М.А. Коровушкина*
Технический редактор *М.В. Геращенко*
Дизайнер *М.О. Елисеева*

Подписано в печать . Формат 60×84/16.
Усл.-печ. л. 12,44; уч.-изд. л. 11,4. Тираж 300 экз. Заказ № 302.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН.
630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17